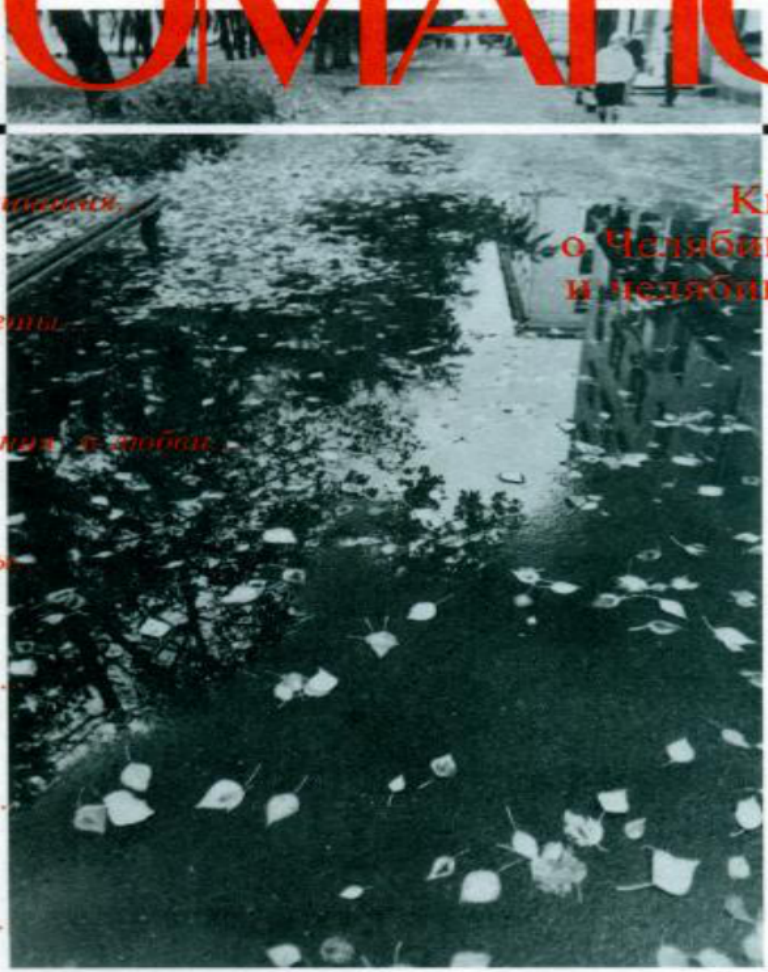
ГОРОДСКОЙ РОМАНС



воспоминания...

портреты...

признания в любви...

легенды...

стихи...

проза...

юмор...

Книга о Челябинске и челябинцах

Южно-Уральское книжное издательство

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Городской романс» — это своего рода романтическая биография Челябинска. Книга пронизана самыми добрыми чувствами к родному городу.

- Городской романс
  -
  - Краткое обращение к читателю, которое объясняет замысел авторов.
  - Ефим Ховив
  - Владимир Караковский
  - Наталья Парфентьева
  - Владимир Олейчик
  - Михаил Фонотов
  - Илья Герчиков
  - Владимир Поздеев
  - Михаил Ненашев
  - Борис Митюрев
  - Явленье музы, или Маленькая поэтическая антология
    -
    - Людмила Татьяничева
      - Дорога
      - Лавина
      - Минные поля
    - Вячеслав Богданов
      - Возы
      - Покой
    - Николай Валяев
      - Яблоня
      - Воробей
      - Света
    - Салисе Гараева
      - * * *
      - * * *
    - Николай Година
      - * * *
      - Гора
      - * * *
    - Анатолий Головин
      - * * *
      - В Суздале
    - Иван Картополов

        - * * *
        - * * *
    - Геннадий Комаров
        - * * *
        - * * *
    - Александр Куницын
        - * * *
        - Загадка
        - * * *
    - Михаил Львов
        - * * *
        - В окружении читательниц
        - Букет
        - * * *
    - Вадим Миронов
        - * * *
        - Июль
    - Константин Скворцов
        - Шарманщик
        - * * *
        - Вино победы
    - Валентин Сорокин
        - Мать зовет
        - * * *
        - * * *
    - Владимир Суслов
        - Хозяин
- Наталья Багрецова
- Мария Мочалова
- Галина Зализовская
- Лера Авербах
- Нэлли Фадеева
- Мария Голубицкая
- Маленькие челябинцы — о родном городе
- Кирилл Шишов
- Нэлли Ваторопина
- Нэлли Ваторопина
- Олег Митяев
- Владимир Боже
- Татьяна Шматько-Зальцман
- Наталия Слатина
- Ефим Ховив
- Елена Селиванова
- Ирина Егурная

- Явленье музы
  - Сергей Борисов
    - * * *
    - * * *
  - Мария Голубицкая
    - * * *
    - * * *
  - Ася Горская
    - Снег в апреле
    - Петровна
  - Римма Дышаленкова
    - Вечный сюжет
    - * * *
    - В пещере
  - Анатолий Зырянов
    - * * *
    - * * *
    - * * *
  - Виталий Кальпиди
    - * * *
    - Нефть
  - Юрий Кашин
    - На свадьбе
  - Вера Киселева
    - * * *
    - Ясная Поляна
  - Инна Лимонова
    - * * *
    - * * *
  - Ким Макаров
    - Отдохновение
    - * * *
  - Владимир Носков
    - * * *
    - * * *
    - * * *
  - Вячеслав Рождественский
    - * * *
    - * * *
    - Надежда
  - Наталья Рубинская
    - * * *
    - * * *
  - Наталья Рябинина

- * * *
- * * *
- * * *
- Юрий Седов
  - Золотая осень
- Наталия Слатина
  - * * *
  - * * *
- Геннадий Суздалев
  - Помощь селу
  - Совет старика
  - * * *
- Александр Терентьев
  - * * *
  - * * *
- Северина Школьникова
  - Черемуха
  - Бессмертник

○ Римма Дышаленкова
○ Светлана Миронова
○ Виктор Пряхин
○ Челябинцы шутят

-
- Семен Нестеров
  - Экологический заплыв
  - Старые балконы
- Анатолий Коломейский
  - Третий отряд
- Евгений Сычев
  - Фотосалон
- Владимир Иванов
  - Марафон
- Нэля Романова
  - Из Мишкиных историй
- Иосиф Лемешек
  - Хотите блинов?
  - 29-176-73 женится
- Андрей Лебедев
  - Семейное счастье
- Светлана Хижина
  - Чокнутая
  - Нектар в капельках
- Валентина Наумова
  - Вот будет культура…

- Рамазан Шагалеев
  - Миниатюры
- Андрей Лебедев
  - Демократическая гимнастика
- Илья Герчиков
  - Шершеляфамизмы
  - Здравоохранизмы
- Спецвыпуск для «Городского романса»
- Виль Андреев
  - Узелки на память
- Лариса Шебалдова
  - Новый Козьма Прутков

- Надежда Капитонова
- Александр Золотов
- Владимир Спешков
- Владимир Спешков
- Дина Берштейн
- Надежда Дида
- Маруся Макашина
- Константин Рубинский
- Марат Гайнуллин
- Тамара Боговкова
- Игорь Табашников
- Юрий Абраменко
- Леонид Ильичев
- Юрий Петров
- Явленье музы
  - Лера Авербах
    - * * *
  - Алексей Атаманов
    - * * *
  - Дмитрий Бавильский
    - * * *
  - Ольга Ванькова
    - * * *
    - * * *
    - * * *
    - * * *
  - Нэлли Ваторопина
    - * * *
    - * * *
  - Светлана Киприянова
    - * * *
    - * * *

- Лилия Кулешова
  - * * *
  - * * *
- Ада Листопад
  - * * *
- Андрей Подушкин
  - В переходе
- Константин Рубинский
  - * * *
  - * * *
- Светлана Томских
  - На Ангаре
- Нина Ягодинцева
  - Оранта
  - * * *
  - * * *

- Юрий Подкорытов
- Виктор Ершов
- Клара Антонова
- Максим Клайн
- Нина Пикулева
- Евгений Гудков
- Татьяна Ишукова
- Татьяна Ишукова
- Михаил Львов
- О городе и о себе, или Путешествие длиной в два года
- Об авторах «Городского романса»

Городской романс

ГОРОДСКОЙ РОМАНС

путешествие в историю

из семейных преданий

город в разных измерениях

сто признаний в любви

улыбки памяти

ностальгические заметки

городская мозаика

явленье музы

от двух до двенадцати

челябинцы шутят

Книга о Челябинске и челябинцах, написанная самими челябинцами

Южно-Уральское книжное издательство. Челябинск 1996

Краткое обращение к читателю, которое объясняет замысел авторов.

Эта книга — не путеводитель, не справочник, не историко-краеведческий сборник, хотя читатель найдет в ней и много фактического материала.

Эта книга — ключ к душе города. По крайней мере, такой мы хотели ее сделать. В ней много личного, субъективного. Ведь эти отношения — я и мой город — не могут быть иными. И в то же время эта книга — как бы коллективный портрет Челябинска, нарисованный людьми разного возраста, профессий, характеров, жизненного опыта. Объединяет их то, что все они — челябинцы. Все они любят свой город, радуются его успехам, горюют его бедами, хотят, чтобы он становился лучше, краше, моложе душой и обликом.

Мы очень хотели бы, чтобы наши земляки, поглощенные сегодня заботами очень непростого времени, увидели свой город в каком-то неожиданном ракурсе, почувствовали, что личная судьба каждого из них незримо связана с его судьбой.

Мы хотели бы, чтобы читатель этой книги, даже если он только гость Челябинска, увидел наш город глазами его авторов, почувствовал и понял его вместе с нами, и тоже полюбил его.

Входи же в эту книгу, как входят в гостеприимный дом! Мы рады этой встрече.

Глава администрации г. Челябинска
В. М. Тарасов

Ефим Ховив
13 сентября

Есть особые дни…
есть у сердца особые сроки!
Просыпаешься рано,
выходишь навстречу заре…
Благодарная память:
страницы, начало, истоки…
День рожденья Челябинска.
Утренний час в сентябре.
Как на срезе древесном
времен обнажаются кольца,
Все былые эпохи
раскрыв перед нынешним днем.
Благодарная память,
приходишь ты в сквер Добровольцев
В тишине постоять,
помолчать перед Вечным огнем.
Наши трудные дни
отгорят и в минувшее канут.
Очень хочется верить —
мы жили на свете не зря!
И, судя справедливо,
потомки нас тоже помянут
В эту добрую дату —
тринадцатый день сентября.

Владимир Караковский
Ностальгические заметки

В моей судьбе ты стала главной,
Родная улица моя.

Из популярной когда-то песни

Письма издалека

Улицы больших городов — как кровеносные сосуды, обеспечивающие жизнедеятельность огромного организма. В моем представлении проспект Ленина в Челябинске — это главная артерия, связывающая рабочее сердце города (ЧТЗ) и его легкие, чудесный хвойный массив.

Сорок лет челябинской жизни связаны с этой улицей. Детство мое прошло во дворах инорсовских домов Тракторозаводского района. Здесь я пошел в школу № 52 (ныне — № 48). Здесь я девятилетним мальчиком встретил известие о войне. Сейчас в это трудно поверить, но ребята моих лет приняли известие о начале войны с радостью. На нашей детской памяти были две громкие победы советского оружия в боях с японцами и белофиннами. Убеждение в том, что «Красная Армия всех сильней», порождало в нас уверенность, что эта очередная война будет очередным праздником в честь новой быстрой победы.

Но очень скоро мы поняли, что на этот раз все будет иначе. Помрачнели лица людей, в каждой семье поселилась тревога. Когда же в Челябинск стали приходить первые «похоронки», а потом пошли поезда с тяжелоранеными, мы и вовсе повзрослели. Школы стали закрываться под госпитали. Мы учились в четыре смены и через день, значительную часть времени проводили в больничных палатах. На всю жизнь я запомнил запах гниющих ран и глаза умирающего солдата, глядящие на меня сквозь кровавые бинты — вот он, образ войны!

Челябинцы жили трудно, голодно, работали до обмороков. Но вот настало новое испытание: появилось слово «эвакуированные». Из осажденного Ленинграда приехали тысячи женщин, детей, стариков. У них не было ничего, и челябинцы приняли их в свои семьи, поделились последним.

Однажды в нашу с мамой комнату в коммунальной квартире

управдом привел маленькую изможденную женщину с огромными, как на иконе, глазами. Он сказал:

— Твою мать Розой звать?

— Да, Розой Петровной.

— Вот вам еще одна Роза. Теперь у вас будет целый букет роз.

Так в нашей семье появился еще один человек. Я ей уступил, конечно же, свой диван и спал на обеденном столе, благо он раздвигался. С этих пор во всех сводках Совинформбюро мы с жадностью ловили сведения о Ленинграде. Он стал для нас, как и Челябинск, родным городом.

В военные годы чрезвычайно популярным было тимуровское движение — благородное движение детей и подростков. Сегодня некоторые видят в пионерской организации только бессмысленную муштру и идиотизм обезумевших от политики шариковых. Это неправда. Дети воспринимали свое движение не так, как нас сейчас пытаются убедить. Тимуровские отряды — яркая тому иллюстрация. Они создавались самими ребятами, нередко без участия взрослых. Одного из своих сверстников дети выбирали Тимуром, оборудовали себе штаб в каком-нибудь подвале или сарае и начинали действовать. Был такой отряд и в нашем дворе, и я горжусь, что был избран Тимуром.

Праздник Победы я встретил тринадцатилетним подростком. Окончив школу, поступил в Челябинский государственный педагогический институт, который стоял (и стоит) все на той же Главной Улице города. Она вобрала в себя не только скорбь и нечеловеческое напряжение военного лихолетья, но и народное ликование первых послевоенных лет. Долгий вынужденный аскетизм сменился буйным жизнелюбием людей, особенно молодежи. Сегодня те студенческие годы по своей насыщенности и разнообразию увлечений кажутся неправдоподобными: лекции и семинары, жаркие споры на заседаниях научного студенческого общества, этнографические экспедиции и туристские походы, хоровые спевки и спектакли, выпуск стенных газет и повальное увлечение волейболом, бескорыстный труд в колхозах и работа в пионерских лагерях, концерты агитбригад и участие в легкоатлетических эстафетах — все жили с такой жадностью, будто каждый день мог стать последним. Все это выплескивалось на улицы, заражая людей. На праздничные демонстрации с удовольствием ходили все. Когда же по Главной Улице шла эстафета или пионерский парад, город выстраивался живым коридором. Людям просто доставляло удовольствие быть вместе, радоваться общей радости, любоваться юностью.

Так это было. Конечно, было и другое. Но сильные духом, закаленные войной люди переносили это, другое, сдержанно,

мужественно, без истерик и душевного стриптиза. Все надеялись: если уж войну перенесли, переживем и «это».

Когда вспоминаешь студенческие годы, перед глазами проходит целая вереница прекрасных людей, с которыми делил радость и огорчения, труд и общение, утопические мечты и нехитрый студенческий быт. Геннадий Андреевич Турбин — наш декан, наивный, чистый, как ребенок, на всю жизнь влюбленный в старославянский язык и диалектологию. Виктор Евгеньевич Гусев — обаятельнейший эрудит, увлекший нас всех собиранием южноуральского фольклора. Я до сих пор храню его лекции по истории русской критики и считаю их образцом лекционного искусства. Лев Ефимович Эпштейн читал нам политэкономию социализма. Блестящий ум, тонкая ирония и тогда восхищали студентов, но лишь много лет спустя мы смогли по достоинству оценить всю сложность и мудрость его личной позиции в условиях тоталитарного научного режима.

Мои студенческие друзья были столь многочисленны, что, казалось, составляли весь институт: Лева Комяков, Женя Тяжельников, Костя Варламов, Люда Чекутова, Рита Кудрина, Гера Эвнин, Ира Оссовская, Ефим Туник, Толя Зенин…

Окончив институт, я вновь переместился в тракторозаводскую часть Главной Улицы, стал учителем школы № 48.

Школа, где прошли десять ученических лет, где еще трудились мои любимые учителя, где я помнил каждую ступеньку; «красный» диплом и на «отлично» проведенная педпрактика; немалый опыт работы с людьми — все вселяло уверенность, обнадеживало. Я потерял бдительность, переоценил себя — и расплата не заставила себя ждать. Начал я с полного провала. Не буду об этом рассказывать, ибо уже написал об этом в книге «Без звонка на перемену». Скажу о другом. Мою учительскую судьбу решили мои прежние учителя: они поддержали, не дали разочароваться в профессии, научили первым педагогическим премудростям.

Михаил Алексеевич Сущинский — завуч и учитель немецкого языка, читавший на своих уроках историю мировой культуры. Он знал все школьные предметы, поражал нас своей высочайшей образованностью. От него пришло убеждение: настоящий учитель должен знать гораздо больше своего предмета.

Ольга Антоновна Шепиорко — историк. Она владела магической способностью создавать на уроке эффект присутствия. Когда она рассказывала о двенадцати подвигах Геракла, у детей создавалось впечатление, что она все это видела сама.

Андрей Васильевич Соков (Андрюша) умел непостижимым

образом мгновенно овладеть вниманием сотен ребят и повести их за собой.

Валентина Григорьевна Григорьева — математик высшего уровня, человек потрясающей самоорганизации, обязательности и точности.

Только однажды я расставался с Главной Улицей, когда был направлен в школу-новостройку № 109 завучем. Об этом пятилетии моей челябинской жизни тоже можно много порассказать, но не буду отклоняться от главной магистрали.

В 1962 году я был назначен директором школы № 1 имени Энгельса. Эта старая школа стоит практически на перекрестке улицы Красной и проспекта Ленина. Работа в «первой Энгельса» имела для меня огромное значение: в этот период окончательно оформились мои педагогические позиции, здесь определились основные черты той воспитательной системы, которая станет предметом научного исследования, я обогатился новым опытом и новыми друзьями-единомышленниками. Страдая от невозможности назвать всех, упомяну хотя бы некоторых: Виталия Вячеславовна Гомульчик, Ираида Андреевна Кряжева, Инесса Васильевна Суханова, Ирина Ивановна Голованова, Варвара Митрофановна Пименова, супруги Уманские, Надежда Игнатьевна Богданова, Вера Ивановна Байрамова, Стелла Давыдовна Персон. Именно в этой школе у меня появились ученики, которых я имел честь и удовольствие назвать своими друзьями: Саша Мещерский, Люся Делекторская, Ира Самородова, Володя Шишкалов, Лена Куклина, Люда Марковская, Таня Боровинская, Наташа Матвеева, Оля Злотник, братья Леня и Миша Поляки…

Это было время «оттепели», и жили мы соответственно. Я уже вошел в тот зрелый возраст, когда человек не только способен отвечать за свои дела и поступки, но и возвращать долги. Главный из них — долг чести и памяти. Когда я думал об этом, передо мной вновь возникал образ солдата в кровавых бинтах, так поразивший меня в детстве. В истории же нашей первой школы таких солдат оказалось более восьмидесяти. Как принято говорить, над ними уже не властно время. Они погибали в горящих танках, бросали свои самолеты на таран, подрывали себя гранатами, чтоб не оказаться в плену. Вражеские пули обрывали их жизни, когда они в стремительном броске увлекали в атаку товарищей. Сегодня у школьного порога стоит гранитный солдат, а вдоль здания — скорбные плиты с именами всех погибших и следы громадных солдатских сапог.

Этот мемориал создали мы — учителя, ученики, родители и замечательный скульптор Виктор Бокарев. Я горд, что в этом

благородном деле есть доля моего труда.

Челябинский поэт Ефим Григорьевич Ховив (отец нашей ученицы) создал очень дорогой для нас поэтический текст, а Маргарита Васильевна Илларионова (наша учительница музыки) сочинила музыку. Так родилась песня, которая исполняется в самые торжественные минуты:

Застыл солдат у школьного порога…
Следы сапог и скорбная стена,
Где перечислены в порядке строгом
Выпускников ушедших имена.

В далекий год, простясь с учителями,
Длину дорог измерив фронтовых,
Они держали главный свой экзамен
И в танковых боях, и в штыковых.

Пройдя огонь и дали ветровые,
В свой звездный час не дрогнули они,
И памятью о них по всей России
Горят сегодня Вечные огни.

За годом год шуметь листве веселой
И белым цветом яблоням цвести…
Вот только им на Праздник Чести школы
Ни по каким дорогам не дойти.

Но главное — оно навек осталось,
И вместе с нами входит в каждый класс,
В тот самый класс, где мужество рождалось,
Чтоб в них гореть и повториться в нас.

Не правда ли, как остро актуально звучат эти слова сегодня.

Хорошеет и благоустраивается Главная Улица Челябинска. Теперь она называется проспектом.

Улица — это городской аналог дороги. Образ же дороги в сознании россиянина имеет особое значений. Но главное, что он связан с постоянным движением.

Я выбрал дорогу и иду по ней всю жизнь.

г. Москва

Наталья Парфентьева
Город «хрустальных камертонов»

На нотном стане рука педагога мелом рисует ноты, и дети, старательно дирижируя, голосом выводят разрешение аккорда. За окном идет снег, сквозь мохнатые снежинки видится старое красивое здание из темно-красного кирпича. И маленькой девочке с косичками уже не до уроков сольфеджио: дом за окнами почему-то не дает ей покоя, и нет-нет да и притянет магнитом к себе.

Когда-то, до революции, здесь была, говорят, гимназия. А сейчас в старинном доме какое-то учреждение, ходят важные дяди и тети с папками. Но если долго смотреть на эту кирпичную стену, то начнет вдруг казаться, что за ней раздаются звуки фортепиано или скрипки. А может быть, это гобой? Нет, хочу, чтобы звучала флейта…

— Наташа, не отвлекайся. Построй, пожалуйста, от фа-диез квинт-секстаккорд.

Девочка охотно исполняет просьбу учителя. В журнале появляется очередная пятерка. И вот снова можно сесть и смотреть на это удивительное здание напротив.

Пройдет время, девочка вырастет, и снова будет стоять в этом же кабинете, но теперь уже лицом к другим мальчикам и девочкам, своим ученикам. И теперь уже она будет объяснять им урок. И так же, как когда-то, незаметно для себя самой, она будет искоса поглядывать на свою детскую каменную сказку за окном. Но ни она сама, ни ее друзья и близкие не поверили бы, если бы им тогда сказали, что еще через несколько лет этот дом круто изменит всю ее жизнь и, может быть, хоть немного и жизнь города, в котором она родилась и прожила всю жизнь. А между тем все так и случилось.

* * *

Еще четыре года назад, когда я была директором 13-й музыкальной школы, вместе с группой коллег-единомышленников мы обивали пороги всех властных структур города, доказывая, что школе требуется другое здание и что лучше того, которое стояло напротив школы, в городе просто не найти. Но в комнатах этого старинного дома, стены которого словно сами взывали к искусству, сидели многочисленные ничего

не желающие знать агропромовцы. Потом, через какое-то время, все они окажутся прекрасными людьми и вместе с нами разделят радость новоселья школы. Но это будет потом. Пока же они были частью большой непробиваемой Системы.

Когда стало ясно, что в Челябинске этого вопроса не решить, я поехала в столицу. И там быстро убедилась, что хотя Москва по-прежнему слезам не верит, зато может чему-нибудь научить.

Юрий Мефодиевич Соломин, бывший в ту пору министром российской культуры, с грустным выражением лица выслушал просьбу никому не известного директора музыкальной школы из далекого Челябинска. «Здание? Для школы?» — Тяжелый вздох. — «Дорогая моя! Я охотно верю в то, что ваши усилия достойны уважения, но… Поверьте, для того чтобы отремонтировать Малый театр, мне пришлось стать министром культуры…»

Вот уж, действительно, сколь славен, столь и горек на Руси путь человека искусства. А ведь он прав, этот умница-актер! Трижды прав! Спасибо вам за хороший совет, господин министр! Возвращаемся в Челябинск!

* * *

Когда мне предложили новую работу — председателя комитета по культуре и искусству при администрации Челябинска — мне сразу вспомнился этот разговор в Москве. После вполне понятных раздумий и волнений я дала согласие.

Вся моя «взрослая» биография связана со сферой культуры. У меня уже был опыт педагога и музыковеда, несколько лет преподавания в музыкальной школе и институте культуры. С огромным увлечением занималась я историей музыки. Вместе с мужем, доктором исторических наук Николаем Павловичем Парфентьевым, подвигнувшим меня на этот труд, работала над расшифровкой древних музыкальных записей. Нам удалось прочесть и воскресить давно забытые страницы истории русской музыкальной культуры, дать возможность нашим современникам впервые представить себе, как звучали несколько столетий назад популярные тогда распевы.

Но работа над расшифровкой древних музыкальных рукописей — это, как говорится, для души. По вечерам, после рабочего дня.

Город в контексте культуры. Город, относительно недавно рассекреченный. Какой он на самом деле — мой родной город, так долго скрывавшийся за семью печатями? Иногда от своих

земляков я просто боюсь услышать мрачноватые слова нелюбви к нашему городу, в котором им видятся лишь дымящиеся трубы.

Мой приятель — социолог нашел вполне точным высказанное кем-то сравнение: соседский Екатеринбург — культурный город, но весьма не организованный, а Челябинск, напротив, очень организованный город, но весьма некультурный. Тоже обидно. Я бы даже сказала так: тем более обидно, что абсолютно не верно. Конечно же, в городе есть театры и библиотеки, музеи и выставочные залы. Вам встретятся на пути еще сохранившиеся осколки «застывшей музыки» — памятники архитектуры и деревянного зодчества прошлого. Особенно замечательна в своем колорите улица Кирова, где сохранился островок подлинной истории Челябинска.

Но город эклектичен не только в причудливом сочетании прошлого и настоящего. Челябинск молод, но молод относительно. Он стоит на сказочной уральской земле. Вокруг Челябы раскинулась древняя страна городов — ровесников пирамид. Археологи, открывшие миру Синташту и Аркаим, в шутку говорят, что Челябинск лишь заснул на несколько тысячелетий и проснулся меньше чем три века назад. Помнит ли наш город свой древний сон?

Да, этот город, стоящий на семи ветрах, помнит многое. И сейчас, на пороге третьего тысячелетия, нам очень важно, чтобы наша память сохранилась в наших детях. А потому культура прошлого, настоящего и будущего должна принадлежать только им.

Увы, Челябинск сегодня — это город, живущий пока еще с наследством, доставшимся от вчерашнего промышленного величия. Большие танцевальные коллективы и мощные хоры должны были отражать и мощь нашей индустрии. Быть может, и не следует алгебру поверять гармонией, но говорить сегодня о культуре, не поверяя ее экономикой, просто невозможно. У экономики своя философия и, наверное, своя нравственность. Но — простите за кощунство — культуре нашего города немножечко повезло, когда, заводы стали… разоряться. Например, те же ведомственные детские сады стали передаваться муниципалитету. Или другой пример: благодаря этому, поселок АМЗ (это целый городок) обзавелся своей детской музыкальной школой. Сегодня здесь нет отбоя от бабушек и дедушек: все хотят обучить своих внуков (детей-то не успели) игре на музыкальных инструментах. Представляете себе, сколько лет в людях жила тяга к прекрасному! А может быть, она появилась только сейчас, когда спастись можно лишь красотой…

В другом конце города, в детской хоровой школе

Тракторозаводского района, находится филиал первой в России академии детского хорового искусства. Таких филиалов в России имеется только три.

Тракторозаводский район — особый. Здесь в годы войны был великий Танкоград. И сегодня, недалеко от легендарного завода, в стенах хоровой школы поют правнуки танкоградцев. Именно здесь проходила торжественная церемония вручения призов академии — «Хрустальных камертонов» — нашим землякам. Лауреатами стали режиссер Алексей Степанюк — за постановку сказочных оперных спектаклей на сцене областного театра оперы и балета имени Глинки, работник культуры Галина Семенова, при содействии которой в городе созданы пять детских музыкальных студий, руководитель оркестра русских народных инструментов Дворца культуры тракторостроителей Кабир Ямилов — создатель совершенно уникального музея народных инструментов.

Первые инструменты для музея он начинал собирать на свои скромные сбережения. Объездил чуть ли не всю страну, открывая для себя, а потом и для других редкое, почти забытое сегодня звучание старинной русской, украинской, татарской, башкирской народной музыки. Постепенно стал накапливаться целый музей этих инструментов. Но то были не просто музейные экспонаты: в руках Кабира Александровича все они оживали, являя нам немножко необычную, но веселую и безыскусную музыку — как будто чужую, но такую знакомую! Своей любовью к музыкальному искусству наших предков Ямилов сумел заразить и малышей. Детский ансамбль, созданный им, использует сегодня на своих концертах десятки старинных русских музыкальных инструментов.

В день вручения «Хрустальных камертонов» они зазвучали вновь. Вручал же награды президент академии детского хорового искусства, композитор, народный артист России Георгий Струве. Весь цвет хорового искусства города собрался в тот вечер, чтобы поздравить обладателей престижных наград. Пели и играли малыши и взрослые, любители и профессионалы. Торжественно и величаво звучала музыка под сводом зала будущей академии. Казалось, волшебные звуки лились из самих хрустальных камертонов, освящая будущий храм искусства.

* * *

В недрах большого города ростки духовности становились крепкими не сразу. Однажды, около двадцати лет назад, во Дворце культуры железнодорожников собралась горстка

энтузиастов, поставивших перед собой благородную, но трудно выполнимую задачу — научить детей петь, а главное — научить их любить прекрасное. За дело брались молодые тогда еще Владимир Шереметьев, Альбина Барташева и другие педагоги, певцы и музыканты.

Сегодня о детской музыкальной школе искусств «Мечта» знают не только в нашем городе. Впрочем, о ее прекрасных педагогах и воспитанниках знали и раньше. Знали и сожалели: на глазах у всех школа, бывшая тогда еще студией, тихо умирала. У Дворца культуры не было средств ее содержать, как не было их и у самой железной дороги. Но детская хоровая студия, несмотря на все трудности и «подводные камни», словно хрустальная мечта, гордо продолжала заявлять о себе.

«Мечту» спасали всем городом. Сколько мудрых и добрых людей приложили к этому руку — сказать трудно. Важно то, что комитет по культуре взял этот удивительный коллектив под свое крыло, и «Мечта», став муниципальной школой, снова ожила. Но стало это возможно во многом только благодаря такому исполину духа, как Шереметьев. И вот теперь вновь стало рождаться чудо. Девочкам из хора «Мечта» и мальчикам из «Дружины» аплодировали в Москве и Санкт-Петербурге, на Дальнем Востоке и в Сибири. Были тысячи километров гастролей, запечатленных в видеокассетах, многочисленных альбомах, откликах-рецензиях. Уникальные голоса детей записаны и хранятся в анналах «золотого фонда» Российского радио.

* * *

Не менее известны в городе и такие прекрасные коллективы, как танцевальный ансамбль «Детство», которым руководит Светлана Ивановна Гришечкина, как хоровая студия Владимира Македона. А в актовом зале детской музыкальной школы № 3 состоялось редкое для нынешней культурной жизни Челябинска событие. Юные таланты из детской музыкальной школы № 18 представили на суд своих земляков премьеру… детской оперы «Заячья избушка». Почти год готовились к исполнению оперы-мюзикла юные певцы вместе со своей наставницей Татьяной Пановой. Кстати, работа шла в рамках действующей экспериментальной программы эстетического воспитания детей и в рамках детского университета искусств.

Многим в городе известна семья Рубинских. Семья удивительных людей, потомственных интеллигентов. Этот дом, все поколения которого связывала тесная дружба с Анастасией

Ивановной Цветаевой, всегда был своеобразной литературной и музыкальной гостиной. Здесь проводятся вечера Марины Цветаевой, Бориса Пастернака, сама бабушка, Мира Константиновна Князева, — композитор, ее дочь Наталья Борисовна Рубинская — талантливая поэтесса, ее сын Костя, выпускник музыкального колледжа, еще молод, но уже достаточно известен как поэт, музыкант, автор и исполнитель песен. Сегодня он ведет уроки поэзии с первоклассниками 11-го лицея и уже выпустил маленькую книжечку с творчеством своих питомцев. Семья Рубинских — маленький, но постоянно действующий центр культуры. А сколько в городе есть еще неизвестных нам ярких, талантливых людей, не открытых еще «звездочек»!

В канун столетнего юбилея Сергея Есенина литературная артель «Алексей Казаков со товарищи» подготовила к печати целую серию совершенно уникальных изданий — есенинскую энциклопедию, трехтомник произведений поэта, том мемуарной прозы, вобравший написанное о Есенине за семьдесят лет, прошедших со дня его смерти. Все поклонники Есенина, а их в стране бесчисленное множество, узнали о подвижнической работе, выполненной челябинским литературоведом.

* * *

И все же прекрасное поверяется экономикой. Как, например, бабушке объяснить своему плачущему внуку — юному скрипачу, что ее пенсии не хватает для его обучения в музыкальной школе? Как музыкально одаренные ребятишки смогут научиться играть на фортепиано, коль скоро городской комитет по культуре, увы, может позволить себе «роскошь» купить рояль лишь один раз в десять лет! Да что там рояль! Необходимость приобретения обычного пианино приходилось отстаивать до хрипоты в горле. А на культуру по-прежнему «отстегиваются» из городского бюджета все те же пресловутые два процента…

Пожалуй, самое тяжелое в моей работе — отказывать людям. Сколько их, нередко по-настоящему талантливых, приходят с просьбами — помочь издать книгу, организовать выставку, найти помещение…

Есть среди них одна особая категория людей. Помогать им — значит не только спасать этих людей, но и спасать творимую ими культуру, без связи с которой они просто погибли бы. Таков, например, Николай Ефимович Паначев. Огромная сила воли и жажда жизни помогли ему, инвалиду войны, много лет назад

стать фотографом высочайшего класса, лекции которого слушали ученые и инженеры, у которого консультировались профессора и криминалисты. Почти в пятьдесят лет впервые взяв в руки кисть, он начал рисовать. Первыми его работами были копии картин Кустодиева, Рафаэля, Рубенса. Но настоящий художник открылся в нем с его первой оригинальной картиной, написанной им в постели: старые раны не дают возможности подняться. Тогда ему шел уже седьмой десяток лет. Одна за другой начали появляться работы Николая Ефимовича, удивившие своим мастерством художников-профессионалов. Сегодня картины нашего талантливого земляка есть даже в Дрезденской картинной галерее. Друзья и поклонники его творчества стараются помочь ему, а он платит своему городу самым дорогим, что у него есть — светлыми и жизнерадостными картинами, такими же добрыми, как и его удивительное сердце.

Специальным распоряжением мэра города по представлению нашего комитета открылось двенадцать новых муниципальных объединений. В их числе — джазовый центр, которым руководит популярный в Челябинске музыкант Стас Бережнов. Здесь, в какой-то степени, наверное, сыграло свою роль давнее увлечение джазом самого мэра Вячеслава Тарасова. Два мощных международных джазовых фестиваля — совсем неплохо для только что рожденного центра. Удивительна тяга поколения сорокалетних челябинцев к джазу, — вероятно, сказывается ностальгия по шестидесятым годам, когда джаз был под запретом.

Новый художественный ансамбль при Дворце «Монолит», который возглавляет популярный в Челябинске авангардист Лев Гутовский, также обрел средства для существования. В этом же авангардистском комплексе развивается современная балетная школа Татьяны Зениной. Кстати, «Монолит» стал первым Челябинским муниципальным Дворцом культуры. Его дореволюционным прообразом был Народный дом, в здании которого сегодня работает театр для детей и молодежи.

На наших глазах сегодня создается еще одно уникальное объединение — муниципальный архив кино, которым руководит поклонник «важнейшего из искусств» Василий Киселев. Достоянием всего города стала его огромная личная коллекция материалов по истории мирового кино.

Но помимо всех новообразований, совершенно чудесных и многообещающих в своей перспективе, по-прежнему живут, хотя и с огромными трудностями, и действуют наши традиционные объекты культуры — четырнадцать музыкальных школ, семь поселковых клубов, широкая сеть библиотек, девятнадцать кинотеатров, все парки. И, конечно же, наши замечательные,

любимые горожанами театры, наша филармония.

Челябинский театр оперы и балета имени Глинки как раз в эти дни отмечает знаменательную дату — сорок лет назад, в сентябре 1956 года, на его торжественном открытии дирижировал первым спектаклем наш талантливый земляк Исидор Аркадьевич Зак. Другой театр, не менее важный для нашего искусства — Челябинский академический театр драмы имени Цвиллинга. Мне приятно назвать имена бессменного на протяжении десятилетий его художественного руководителя Наума Юрьевича Орлова, незабвенного Петра Ивановича Кулешова, прекрасных актеров Леонарда Варфоломеева, Николая Ларионова, Юрия Цапника… Много хороших слов можно сказать и о Камерном театре, Новом художественном театре, театрах «Ковчег», «Русский вариант», «Манекен»… «Манекен» — единственный в стране театр-лаборатория, развившийся из маленького студенческого театра и достигший мирового уровня. Другого такого в стране нет!

Почти шестьдесят лет в нашем городе работает филармония, которая подарила нам немало прекрасных творческих коллективов. Достаточно назвать камерный хор Валерия Михальченко, известное сегодня инструментальное трио. В филармоническом зале камерной и органной музыки выступают с концертами выдающиеся музыканты и певцы России и зарубежных стран.

Говоря о музыкальной культуре города, невозможно не вспомнить имена людей, к сожалению, ушедших от нас, но оставивших яркий след в нашей жизни — прекрасного педагога Ревекку Гитлин, музыканта Натана Факторовича; композитора, автора знаменитой «Березоньки» — песни, давно уже ставшей по-настоящему народной, Ивана Шутова. Быть может, и наш городской романс не зазвучал бы таким близким и родным в душах горожан без ежедневных позывных Челябинского радио, которые напоминают одну из лучших песен нашего земляка — «Люблю Урал».

Гордостью музыкальной культуры города являются имена музыковеда Светланы Губницкой, певицы челябинской оперы Галины Зайцевой, проректора Челябинского института культуры и искусства, музыканта и композитора Татьяны Синецкой. Среди учеников последней — солисты оперного театра и филармонии, педагоги музыкального колледжа и школ города, института культуры и искусств, руководители художественной самодеятельности. Назову только несколько имен из этого большого списка: Ф. Липс, В. Ярушин, В. Лебедев, В. Бычков, руководитель ансамбля «Уральский диксиленд» О. Плотников.

Примечательно, что и мой старший коллега, начальник

областного управления культуры Валерий Дмитриевич Стрельцов — сам прекрасный музыкант и дирижер, почти тридцать лет руководит широко известной в нашей стране хоровой капеллой «Металлург».

Конечно же, обо всех творческих коллективах, обо всех талантливых людях, о подвижниках искусства и культуры рассказать просто невозможно. Да, может быть, в этом и нет необходимости. Раз они появились на свет и существуют до сих пор, — значит они приносят людям радость.

А это главное.

* * *

Вечер накануне Рождества…

На сцене большого зала музыкальной школы № 13 (той самой, помните?) горят свечи. В величаво торжественной тишине звучат красивые и нежные ребячьи голоса. Поет хор мальчиков «Отроки» — единственный ансамбль в городе, в репертуаре которого только духовная музыка. Скорбные, но чистые и светлые напевы глубокой старины льются из сердец чудных мальчуганов. Это лишь второе большое выступление в их жизни. Они волнуются, но обрести уверенность им помогает их руководитель и дирижер Наталья Месеняшина — моя коллега по комитету культуры. Я сижу за роялем. Наверное, эти минуты — одни из самых счастливых в моей жизни.

Владимир Олейчик
Три вопроса самому себе

Что для меня Челябинск? Я родился в феврале 1941 года в Белоруссии. 21 июня мы выехали из Осиповичей, в июле оказались в Челябинске. Тут я вырос. Тут прошла вся моя жизнь. Жена моя челябинка, дети, естественно, тоже. Судите сами, что для меня Челябинск. И весь Урал.

Детство мое прошло на Переселенке. Танковое училище, Колупаевка, вокзал — это все мое. Моя же — вторая железнодорожная школа.

И еще один район мой — Металлургический. С ним много связано. Наконец, своим стал Северо-Запад, где сейчас живу.

Жить на Северо-Западе неплохо. Но… В свое время, когда работал директором металлургического комбината, я, если помнят металлурги, выбирал новопольскую площадку. Сейчас она застраивается.

Как мы живем? Сад — в одном месте, гараж — в другом, квартира — третий пункт, работа — четвертый. Вот и мечемся между этими четырьмя точками. И, между прочим, не замечаем того, что до сих пор строим бараки. Только раньше они были низкие, а теперь — высокие. А надо бы возвращаться к земле. И вообще, среда обитания, условия жизни становятся первостепенной ценностью.

Еще школьником я объездил на велосипеде весь Урал. Увильды я открыл для себя в 1957 году. Озеро тогда было удивительно чистым. Теперь оно не такое.

Природа уральская прекрасна. Край наш редкий. Но мы губим его красоту. Я и думаю: что же мы оставим своим детям, где они-то будут путешествовать, где открывать свои чистые озера?

Беда ли, что Челябинск судьбой связан с тяжелой промышленностью? Нет, я думаю, это не беда, а, наоборот, счастье, которым мы не смогли как следует воспользоваться. У нас все есть. Все полезные ископаемые. Наши недра — настоящие кладовые. Что хотите — от гранита до золота и редких металлов — все у нас под ногами. А мы что? В руде, например, 38 процентов серы. Строить бы экономику на сере, а мы сжигаем ее, выбрасываем в воздух, которым сами же дышим.

Я всегда гордился и до сих пор горжусь своей профессией. Работал и подручным сталевара, и сталеваром, и мастером, и так далее, до директора завода. Мой цех — цех жаропрочных сталей,

ЭСПЦ-3. Сталь, которую мы плавили, шла на ядерные реакторы, на лопасти турбин, на подводные лодки. Материалы редчайшие. И очень дорогие. Словом, мне нравилась моя работа.

Но, правду говоря, с железом в Челябинске мы переборщили. Нарушили два баланса — баланс энергии и баланс веществ. Много потерь. Челябинский металлургический комбинат — крупнейший завод спецсталей, и их мы выпускали слишком много. Совсем недавно еще намеревались построить три очереди нового ЭСПЦ-6, который должен был завалить страну нержавейкой. Я тогда спорил: зачем три очереди, хватит одной. Только теперь стало ясно, что, действительно, одной обойдемся.

Металлургия на Урале в традиции. Археолог Зданович открыл в Аркаиме первых наших предшественников. Оказывается, уже тогда умели плавить медь, причем очень экономно и рационально. Традиция тянется через века и, наверное, продолжится после нас. Но это будет уже другая металлургия.

На ЧМК остановлен первый мартеновский цех. Будут сокращаться и другие производства. Таково веление времени.

Челябинск — город сильный. И богатый. Он богат даже своими отвалами. О таких отвалах кое-кто в мире откровенно мечтает. Плохо только, что мы сами этого не ценим. Что такое градирня? Это сооружение, которое выбрасывает энергию в небо. Не надо доказывать такую нелепость. А сколько градирен в Челябинске?

Я не зря говорю о балансе энергии и балансе веществ. Когда моя семья в 1953 году переехала на ЧМЗ, там, у сада «Дружба», у прудов-отстойников, утки водились. Теперь там шлаковые отвалы. Да, отвал — богатство, но в Челябинске такого богатства так много, что людям жить негде. Отвалы наступают на город. Такой парадокс.

Каково будущее Челябинска? Я приверженец такого закона: сначала — окружающая среда, а потом экономика. В Германии, например, как я убедился, этот закон признан всеми, а у нас нет.

Я работаю в проектном институте, который проектирует металлургические заводы. Но я предпочитаю говорить: «Гипромез» — институт, проектирующий окружающую среду. И получается: какую экологию мы «начертим», в такой и будем жить. Мы и наши дети. Так оборачивается дело. Сначала — человек, потом — все остальное.

Что будет? Выгоним металлургию из города? Нет, я думаю, не выгоним. Возьмем ЧЭМК, оказавшийся в центре города, занимающий берега Миасса, на которых бы людям жить. Что с ним делать? Перенести? Не обязательно.

В Дюссельдорфе из окна офиса я видел городскую панораму:

жилые дома, а среди них какое-то здание, глухо укрытое профнастилом. Только по выпуску пара над ним я догадался, что это домна. Значит, дома и домны могут быть соседями. Они совместимы. А мы тщетно пытаемся отгородить заводы от жилых районов санитарными зонами.

ЧЭМК останется. Но, я думаю, преобразится. Он станет более компактным, внешне более привлекательным, а главное, более чистым. Таким чистым, чтобы рядом с ним можно было жить, не опасаясь за свое здоровье.

Я думаю, в Челябинске со временем будет меньше металлургов. При мне на комбинате работало 42 тысячи человек, теперь на нем, видимо, осталось тысяч тридцать. Новые технологии потребуют меньше рук. Не у печей, а в сфере услуг должны работать челябинцы в большинстве своем. Так будет лучше всем.

Изменится и сам город. Что видишь, когда въезжаешь в город? Сначала идут «собачьи будки» садовых домиков, потом серые массивы гаражей, потом городские территории. А где тут жить?

Я думаю, в будущем Челябинск припадет к земле. Хорошо бы сады перекроить так, чтобы в них построить дома, коттеджи. Если люди переселятся в усадебные дома, гаражные кооперативы окажутся лишними, освободятся ценнейшие городские территории. Человек должен жить просторнее и на земле, а не на пятом этаже. Пусть города расплывутся, сомкнутся, как в Германии, зато горожане обретут естественные условия жизни. Сказано было хорошо: ВСЕ — для человека. Надо бы исполнить.

Михаил Фонотов
Из этюдов о городе

Надежда

(Фрагмент очерка «Миасс городской»)

В 1960 году в газете «Челябинский рабочий» было опубликовано стихотворение «Река Миасс», которое заканчивалось таким четверостишием:

Мы берега твои раздвинем,
Упрочим каменной стеной
И небо с солнцем и луной
В разлив прозрачный опрокинем!

Чуть раньше газета напечатала интервью с главным архитектором города И. Е. Чернядьевым «Завтра реки Миасс». Главный архитектор сообщал, что «из огромной водной кладовой (из будущего Шершневского водохранилища) Челябинск будет получать столько воды, сколько ему требуется». И далее: «С вводом первой очереди водохранилища уровень воды в Миассе значительно поднимется. Река станет не только полноводнее, но и шире. Ширина Миасса увеличится в среднем в два с половиной раза. Если сейчас средняя ширина русла 60 метров, то после реконструкции она будет около 150 метров. А в районе кинотеатра «Родина» образуется бассейн шириной 300 метров. Здесь в настоящее время ведутся большие работы. Берега одеваются в камень».

Рассказ архитектора был иллюстрирован рисунком, на котором изображен вид на Миасс в том, кажется, месте, где ныне Дворец спорта электрометаллургов: река, действительно, широка, ее берега, действительно, под линеечку в бетоне, посреди плывет корабль.

С той еще эпохи, когда мы сами называли себя преобразователями природы, осталась в нас уверенность в том, что чем глубже мы вмешаемся в речную жизнь, тем лучше и ей, и нам. И, значит, нельзя реке течь самой по себе, нам надо взять на себя ее заботы, всю ее «автоматику» и приспособить к нашим нуждам и удобствам.

Однако в последние годы поняли: лучше оставить реку, насколько это возможно, в ее естественном состоянии, не вмешиваться в ее дела, с которыми она без нас успешно справлялась тысячи лет. Река (как и все в природе) не так примитивна, как до недавних пор считалось, это — сложнейший механизм, вмешательство в который всякий раз — невпопад. Невмешательство разумнее во всех смыслах, в том числе и в эстетическом. Бетонным берегам, еще недавно казавшимся нам красивыми, теперь мы предпочли бы нетронутый берег с травой и камышом. Да, мы изменились в своих предпочтениях. Отнюдь не отказываясь от благ цивилизации, от комфорта, мы хотели бы более сложного, а именно — более тесного и тонкого переплетения рукотворного и натурального.

Между тремя мостами в центре города река Миасс у всех на глазах мелеет и зарастает. Теперь мы видим, что тот самый бассейн у кинотеатра «Родина», которым архитектор Чернядьев гордился тридцать лет назад, — ошибка, видимо, придется прорыть канал или проложить второй мост в насыпи по улице Кирова. Течение, возможно, размоет отложение ила у левого берега. Ил тут, кстати, лежит на скале.

Строго говоря, плотина ЧГРЭС — последняя плотина на Миассе в пределах области. И граница, рубеж на реке: ниже плотины река оставлена без охраны и без защиты. До этой плотины из Миасса пьют люди, поля и заводы, после нее — сливают грязные стоки.

Длинный забор по высокому берегу, чуть ниже — тропа, а еще ниже — заболоченные заросли. Щавель в рост, лопухи, иван-чай выше роста, конопля, донник, пустырник. А ниже — камыш, кусты, ивы — непроходимые заросли, джунгли. Там, под буйной растительностью, мокрый дол, трясина, лягушки пробуют свои скрипучие связки, птицы наслаждаются полным уединением. В очередной раз удивляюсь, что в огромном городе могут сохраниться такие дикие кущи.

Тропа выводит наверх, и справа сразу открываются седые отвалы ЧЭМК. У дороги — отстойник, заросший камышом и тиной. Тут купаются и даже ловят рыбу.

Неряха из нерях — лакокрасочный завод. Без всяких церемоний, скорее с вызовом, чем опасливо, завод вываливает свои отходы вдоль берегов Миасса.

А чуть дальше от берега — отстойники, отвалы и свалки, свалки, свалки… Ужасная картина, что называется, вали, хуже не будет. Впечатление разнузданности, безысходности, какой-то мусорной вакханалии.

Что нас ждет? Что делаем мы сами с собой? Или в самом деле

что-то сдвинулось в нашем сознании? Не сходим ли мы с ума?

И тут подошел Марат.

— Я приглашаю вас к нам, — сказал он. — Недалеко. На свалку.

— На свалку? Зачем?

— Сфотографировать.

На месте этой свалки поднимется лес. И мы хотим сравнить что есть и что будет. Отец Марата просил сфотографировать свалку.

Марат молод, смугл. До пояса гол и почти черен от загара. На нем лишь вылинявшие варенки. Он разговорчив и общителен.

— Поехали, — настаивает он, — вот мой самосвал.

На окраине Першино, под тенью берез, — будка, штабеля каких-то материалов, ограда, собака. Оказывается, это усадьба кооператива «Животновод». Кооператив семейный — отец и сыновья. Марат знакомит нас с отцом — Кавыем Ганеевичем Халиковым. Самое первое впечатление: Кавый Ганеевич — человек приветливый. Если же подробнее — густые брови, борода лопатой с проседью, зеленая кепка, клетчатая рубаха, синее трико, тапочки — и весь портрет.

Кавый Ганеевич двадцать лет оттрубил на цинковом заводе катодчиком. Давно уже на пенсии. Да, он хочет посадить лес. Идея эта, как наваждение, преследует его. За семенами кедра, сосны, пихты, ели он ездил в тайгу, в дальние края. Учился проращивать семена. Не сразу, но кое-что понял. На одном из островков Миасса высадил он семена. Тысячи три саженцев растут там, ждут пересадки.

А где их высадить? Много лет ему не отводили землю, считали, что блажью мается человек. Наконец, районный архитектор отчертила Халикову 14 гектаров отвалов.

Тут-то, на окраине Першино, и намечается усадьба. А отвалы — вот они. Был лес, березняк, потом карьер, его засыпали мусором. Теперь надо выровнять местность, засыпать свалку толстым слоем глины и чернозема.

Мне все еще не очень-то верится в будущий лес, но в глазах Кавыя Ганеевича такое простодушное спокойствие, что становится неловко за себя.

— Почему не будет? Будет лес, — сказал Халиков как о деле решенном и пригласил нас приехать через несколько лет.

Так всегда в жизни: как ни разочаровался ты в людях, каким мрачным ни кажется будущее, — не отчаивайся и будь уверен, что близок час новой надежды. Скорее всего надежда укрепится в тебе самом. А если нет, то она явится в чьем-то образе.

На этот раз она была в зеленой кепке, клетчатой рубахе и

синем трико. Нам было достаточно того, что такие люди, как Кавый Ганеевич Халиков и его сыновья, еще не перевелись. И появились они не откуда-то, а выросли тут же, в Першино, среди отвалов и свалок, у мертвой реки Миасс.

Вспомним Челябу

Кто-то спросит: «А зачем? Нет ее, и что вспоминать?»

Я не найду, что сказать в ответ. Вроде нечего…

Однако же стою я на углу улиц Тернопольской и Витебской, как раз напротив южной проходной объединения «Полет», и у моих ног — литой чугунный люк ливневой канализации. Жужжат два насоса, из двух шлангов, брошенных к люку, стекает в колодец горячая вода: где-то прорвало трассу.

Будем считать, что это — начало реки Челябки.

Где-то здесь, видимо, она и начиналась — в болотах, тянувшихся до самого бора.

Река Челябка исчезла с лица земли два-три десятилетия назад. Сейчас о ней знают немногие. На улицах города о речке почти ничего не напоминает. Будто ее никогда и не было. Река взята в трубы и спрятана под землей. Она превращена в ливневый коллектор.

Первый колодец этого коллектора — как раз у Южной проходной «Полета». Далее он пересекает территорию предприятия и выходит на улицу Сони Кривой. Тут я обнаруживаю второй люк. Решетки его, впрочем, забиты грязью.

Следуя карте, иду к фонтану. Шесть елей, бордовая краска парапета, бетонные плиты, зелень газонов. «Если бы чистый ручей вместо фонтана? — спросил я сам себя. — Нет, слишком смелая мысль…»

Напротив НИИОГра — третий колодец. Далеко внизу за решеткой поблескивает стоячая водичка.

Под зданием института коллектор проходит к двору школы № 138. Обширная асфальтовая площадка, ворота, беговая дорожка. Пацаны гоняют мяч. Под асфальтом — труба, в которой течет река…

По двору выхожу на улицу Энтузиастов между домами № 6 и 8. На другой стороне улицы, у дома № 5, нахожу четвертый колодец. (Только по ним теперь и обнаруживается коллектор.) Заглянул — внизу, в сумраке, вода. Течет, шумит. Из колодца обдает душным теплом.

Следующий двор. Где-то тут Челябка — под песочницами, павильонами, лесенками. А еще — под двором ЧИМЭСХ, под

стоящими на асфальте красными комбайнами, синими плугами и желтыми плоскорезами. Замечаю: площадка, на которой выставлена сельская техника, как бы прогнулась. Не исключено, что так отпечаталось русло бывшей реки.

Выхожу на улицу Энгельса между домами № 30 и 32. На мостовой сразу же — колодец, пятый. Шумит вода в колодце. И парок поднимается из люка — запах его, признаться, не изысканный.

На другой стороне улицы Энгельса — еще один колодец, шестой. Далее коллектор проходит под зданием, в котором расположен салон «Красота». Так Челябка и текла, затем пересекала проспект Ленина и уходила под арку между почтовым отделением и гастрономом. Тут на проспекте, наискосок через Челябку, был перекинут деревянный мост. Вокруг него заросли камыша. Вдоль речки стояли домики, тянулась небольшая улица (она называлась — Челябка).

Дальше Челябка текла по улице Володарского.

Улица Труда. Колодец (кажется, девятый) на одной стороне улицы, колодец — на другой. Сквозь решетку виден шумящий поток. Тут уже не труба, а вроде тоннеля. Но запах тот же.

За элеватором, недалеко от моста по Свердловскому проспекту, у трех кустистых ив, из двух бетонных труб, сливаясь в один желтый поток, с шумом и пеной вливается в Миасс то, что некогда было Челябкой. Образуя рыжую заводь, коллектор пополняет Миасс желтым раствором. А в Челябке, говорят, вода была прозрачная, прохладная, вкусная…

Где в Челябинске яма?

Чтобы завязать интригу, скажу так: я искал в Челябинске яму.

Не дает покоя эта загадка: кто, когда и почему назвал Челябой местность, со временем собравшую свыше миллиона человек? В догадках недостатка нет. Версий много. И, как ни странно, возникают новые.

Наибольшее признание, кажется, получает такая версия: Челяби — это господин и, значит, Челяби карагай — это бор господина. Такая трактовка, пожалуй, много потеряла бы, если бы тут же не называли и самого господина — тархана Таймаса Шаимова, которому принадлежали угодья вдоль реки Миасс. Только непонятно, почему называется именно он: не с него начались и не им закончились владельцы урочища.

Свой вариант у В. В. Поздеева. Его перевод: чале — яма, овраг, ложбина, долина, впадина, а б — речка. При этом он имеет

в виду речку Челябку, местами протекавшую в овражистых берегах. Р. Х. Бадретдинов склоняется к этому же: в древнем башкирском диалекте «силяба» означала впадину, большую неглубокую яму.

Столько толкований одного слова! Неужели нет среди них истинного? Это было бы обидно. Кажется, в круг «впущены» все мыслимые варианты. Не верится, что разгадка осталась вне «загона», за ее «красными флажками».

Теперь, однако, отойдем от лингвистики. Теперь хорошо бы увидеть эту местность в ее, так сказать, первозданном виде. Ведь тот бессмертный незнакомец, который дал имя урочищу, тоже ее обозревал — он не мог обойтись без ориентиров на местности. А ориентиров, собственно, два — река Миасс и сосновый бор. Они и отмечены на древних картах. Кроме того, первые геодезисты «рисуют» еще и речку Челябку, и это странно. Почему ее? Что в ней такого, чтобы ее замечать? Ведь, допустим, Игуменка была длиннее и вроде бы заметнее Челябки, а ее на картах нет. И в названии Игуменки нет ощущения древности.

Попутно стоит поразмышлять и о том, что было прежде: бор Челяби или речка Челябка? Вернее всего, что Челябка — производное. Но почему оно образовано на русский манер (суффикс «к») в те еще времена, когда русских тут не было?

Чтобы обнаружить истину, нам надо увидеть эту местность глазами наших предков.

Нам только кажется, что еще три сотни лет назад в долине Миасса никто не жил, что была тут дикая глушь, безлюдье, а о более древних временах и говорить нечего.

Между тем еще за две тысячи лет до нашей эры на берегу Миасса жила молодая, симпатичная в общем-то женщина. Облик ее восстановлен М. М. Герасимовым по останкам, обнаруженным при раскопках на Кудринском золотом прииске возле Миасса. Интересно, как она называла реку?

Много веков Уральский хребет продувался сквозными ветрами великих переселений. Гунны, аланы, хазары, печенеги, половцы, булгары, венгры, огузы, кипчаки, монголы, казахи, калмыки — и это не все племена, которые в кочевьях шли долиной Миасса, к Камню, через него. Чьими глазами увидеть нам урочище Челяби? Может быть, нам увидеть его глазами арабского путешественника Ахмеда Ибн-Фадлана, который проезжал здесь в 921-м или 922 году?

Или глазами Майки-бия, от которого идет башкирский род Кара-Табын? Майки-бий кочевал в долине Миасса во времена Чингисхана, которому возил подарки и даже ездил с ним в одной повозке. И было у него три сына — Илек, Алча и Булгаир. У них

бы спросить про урочище Челяби.

Историк-краевед И. В. Дегтярев убедил нас в том, что Челябинскую крепость основал Алексей Иванович Тевкелев. Но почему он избрал именно это урочище?

Есть сведения, что Тевкелев и Шаимов были знакомы и, может быть, даже дружили. Совместные поездки то в степи к казахам, то в северную столицу России, вполне вероятно, сблизили их. Можно допустить, что Тевкелев гостил у Шаимова. А если бор Селябский принадлежал Шаимову, не исключено, что полковник бывал и тут. Значит, это место могло быть у него на примете.

Сейчас начнется история Челябинска. Но остановимся. У нас есть еще одна возможность увидеть урочище, пока в нем не зазвенели топоры — увидеть его приметливыми глазами геодезиста И. Шишкова, которому в 1735 году был указ осмотреть места от Чебаркуля до Теченской слободы, чтобы наметить, «где б редуты построить». И «чертежи сочинить».

И вот сентябрь 1736 года. Тевкелев с первого дня нарек городок Челябинским. Знал ли хоть сам он, что означает Челяби, как переводится? Очень даже возможно, что знал. А у нас почти не осталось надежд на достоверную разгадку. Версии-то хороши, но нет доказательств.

Одно настораживает: у Челябинска было второе название — Яма. Когда В. В. Поздеев утверждал, что чале — это яма, в том можно усомниться, но когда он говорит, что его дед и прадед называли Челябинск Ямой, тут надо бы призадуматься. Сказано-то по-русски, перевода не требуется. Почему же «Яма»?

Вряд ли овражистое русло Челябки могло дать имя урочищу. Но, может быть, само это место, где стоит город, с какой-то точки обзора выглядело ямой?

Вокруг Челябинска несколько высоких точек. На одной из них стоит городская больница, на второй — автомобильное училище. ЧЭМК, ЧМК построены на холмах. Наконец, сам бор находится на взгорье (как и Каштакский бор).

Что касается жизни, то самые низкие точки расположены по долине Миасса. Если отметки высоких точек примерно 250—260 метров над уровнем моря, то отметки уреза воды в Миассе — 195—200. Перепад высот 50—60 метров. Не тут ли разгадка: полсотни метров — приличная глубина для ямы, не так ли?

Спросить не у кого. И не надо. Столетия многое изменили в округе, но рельеф-то, по сути, тот же. Как ни поднаторели мы землю рыть, но не все вокруг перелопатили. Так что нечего искать свидетелей, можно самому взглянуть.

И я пошел. Начал с бора. От него, от памятника Курчатову,

отправился по проспекту Ленина. Долго и ровно тянется склон. Он заканчивается прогибом за улицей Энгельса — это — бывшее русло Челябки. До улицы Володарского — низкое место. Так сказать, долина реки, ее пойменные луга. Когда-то здесь, в зарослях камыша, гнездились утки, весной желтели купавки, шелковисто цвели злаковые травы. А теперь — асфальт…

От улицы Володарского до Свердловского проспекта — подъем. Педуниверситет стоит на возвышении. Вдоль Алого поля до улицы Красной, потом до улицы Васенко асфальт мостовой опять прогнулся, а от улицы Елькина до площади Революции — опять подъем. Он тянется и дальше. Улица Пушкина — на гребне. Крутой спуск ведет к улице Свободы.

Впечатление, что и здесь была долина реки, не обманчиво: по улице Свободы протекала речка Чернушка, приток Игуменки.

Опять подъем, опять гребень — улица Российская. Отсюда открывается вид на долину реки Игуменки. Реки, понятно, нет, но представление о долине сохраняется. Ее пересекает высокая насыпь и за ней виадук «Меридиан». Линия эта, некогда обозначенная Игуменкой, весьма существенна в смысле геологическом и географическом. Дело в том, что старый Челябинск «лежит» на гранитном массиве. Где-то гранит выпирает наружу, где-то покрыт слоем щебня, дресвы или песка, но, если копнуть глубже, повсюду монолит, и на нем, как на прочном фундаменте — и здания, и сосны, и сама река Миасс.

Не всем, возможно, известно, что приблизительно по линии «Меридиана» проходит край гранитного массива. Здесь разлом, трещина, некогда отделившая Уральские горы и Западно-Сибирскую низменность. Строго говоря, здесь заканчиваются Уральские горы, резко уходя с дневной поверхности вглубь. За «Меридианом» — Сибирь. Некоторые ученые считают даже, что именно тут и должна проходить граница между Европой и Азией.

Второй маршрут — по Свердловскому проспекту. Он начался от Дома работников просвещения. Это высшая точка. Если идти вниз по тротуару, только-то и можно заметить, что идешь с горы. Но перспектива скрыта деревьями, столбами, зданиями. Надо выйти на мостовую, чтобы увидеть, что там, впереди. А впереди не что иное, как котловина. Спускаясь но крутой параболе вниз к реке, лента проспекта по той же параболе поднимается вновь на ту же высоту. Почти идеальная геометрия.

Без остановок иду до улицы Труда, перехожу ее. Слева — пустырь у элеватора, справа — Дворец спорта. В давние времена и тут, и там берег реки был заболочен.

Перехожу мост и поднимаюсь на гору. Гора эта называлась Семеновской. И все тут было семеновское — поселок, улица, а

прежде всего, церковь.

На улице Братьев Кашириных останавливаюсь. Здесь надо повернуться лицом к реке и постоять. Вот та точка, с которой старый город — весь как на ладони. Отсюда можно обозреть и то место, которое называлось урочищем Челяби.

Что видел древний кочевник? Справа он видел сосновый бор. Он тянулся где-то до Свердловского проспекта (прежде он назывался улицей Лесной). Две реки, притока Миасса, видны были отсюда. Они начинались в болотах, текли в заболоченных берегах. Все остальное пространство занимал березовый лес.

Кочевник дышал абсолютно чистым воздухом урочища, пил его абсолютно чистую воду. Он не сомневался в том, что реки богаты рыбой, а леса — дичью, ягодами и грибами.

Конечно, место хорошее. Ну, а сам город… Он никогда прежде не был так прекрасен, как сегодня.

Я не приукрашиваю. Поднимитесь на Семеновскую гору, и вы увидите это. Пожалуй, лучшей точки для обзора нет. От набережной Миасса, с Дворцом спорта, гостиницей «Малахит», филармонией и оперным театром, город поднимается ярусом выше, к Дворцу пионеров, собору на Алом поле, к аллее Славы, потом еще выше, на вершину, где уже на фоне неба плывут башня Гипромеза, дом с магазином «Школьник», корпуса горбольницы, а справа — череда 14-этажных домов, технический университет, бор…

Картина очень оптимистична. В ней что-то от оды, от гимна. Глядя на этот город, можно думать только о благополучии, о процветании. Будущее его светло и молодо. Не о яме думаешь, глядя на этот город, а о стремлении ввысь.

Алексей Тевкелев

Точка зрения

Мне этот человек интересен, потому что он творил историю. А еще потому, что он — особый. Такие люди очень редки. Незаурядность. Личность. Характер. И — тайна.

Чесменский краевед А. Беликов нашел сведения о Тевкелеве:

> «Он выходец из ордынских татар. Многие годы был секретарем и старшим переводчиком у Петра I в Иностранной коллегии по восточным делам. У императора пользовался большим уважением и доверием. В начале своей работы по предложению

Петра I принимает православное вероисповедание. Настоящее его имя Кутлу Мухамед Мамешев. Родители его принадлежали к знатному ордынскому роду Тевкелевых. При крещении получил новое имя и отчество — Алексей Иванович. Был широко образованным и эрудированным человеком. В совершенстве владел русским, французским, немецким и многими восточными языками».

Известно, что Тевкелев многие годы провел в казахских степях Младшей орды в качестве посланника русских царей, несколько раз ездил из Петербурга в жуз, пока не был отправлен с экспедицией И. Кирилова на Урал.

Челябинский краевед И. Дегтярев установил и доказал, что именно полковник Тевкелев основал Челябинск. Именно он из Чебаркульской крепости докладывал В. Татищеву, что — «сего сентября 2 дня на реке Миясе в урочище Челяби заложил город».

Дегтярев проследил весь путь Тевкелева к урочищу Челяби. 5 августа 1736 года в лагере Татищева у озера Казылташ получает «ордер» (инструкцию) о закладе крепостей. 9 августа он прибыл в деревню Сугояк, 11 августа он в деревне Калмацкий Брод, 20 августа — в Миасской крепости, где пробыл до 26-го числа, когда «при помощи вышнего» с командою выехал «в надлежащий путь». В тот же день обустройство, и уже 2 сентября закладывается город Челяба. Через восемь дней, оставив команду строителей, Тевкелев выезжает в Чебаркульскую крепость, откуда отправляет свое историческое донесение, которое цитировалось, цитируется и будет цитироваться бессчетно.

Здравый смысл подсказывает, что место у урочища было засечено Тевкелевым заблаговременно. Когда? Может быть, осенью 1735 года, когда он возвращался из строящегося Оренбурга в Теченскую слободу. Краевед В. Поздеев допускает, что от озера Синеглазова Тевкелев, Арсентьев и кто-то третий свернули в Селябский бор, осмотрели местность, оценили ее, возможно, полковник бывал у бора не раз — еще до того, как была заложена крепость.

Остается сказать, что именно Тевкелев был тем человеком, который записывал первых жителей города — двести семей первопоселенцев.

В 1986 году, когда мы готовились отметить 250-летие Челябинска, была высказана мысль о памятнике основателю города полковнику (а позднее генералу) Тевкелеву. И вскоре в редакцию поступили два письма. Оба из Башкирии.

Р. Рамазанов из Уфы сообщал нам следующее:

> «Напомним, какое зло принес Тевкелев во времена колонизации Башкирии. Башкирский народ сочинил про него песню «Предав огню земли башкирские, озолотил он грудь свою». Тевкелев — один из руководителей, который жестоко подавил восстания башкир, его каратели убили 1000 человек, живьем сожгли 105. После этого в Балаксинской волости сожгли 500 деревень, убили 2000 человек, женщин и детей раздал боярам. Вот какие «подвиги» совершал Тевкелев».

Автор другого письма Ф. Акбулатов называет Тевкелева проходимцем, «исполнителем колонизаторских целей России», которого мы хотим «с опозданием отблагодарить». И даже так:

> «Башкирскому народу легче принять памятник Гитлеру, чем Тевкелеву».

Сказано ясно: русские — колонизаторы, а Тевкелев — их пособник. Предатель.

Наверное, жители Башкирии имеют право смотреть на Тевкелева своими глазами. Что касается русских колонизаторов, то здесь требуются уточнения.

В царских указах сказано: «Острожки строить позади всего башкирского жилья». Башкиры названы подданными России, а крепости возводили «для лучшего их от всякого нападения охранения и защищения», так как кочевавшие племена «прежде всегда имели друг на друга нападения и тем самым себя разоряли».

В современном мире нам ничего не остается более мудрого, как жить в мире и согласии.

В Челябинске нет памятника Тевкелеву. И, я думаю, возводить его не надо. Из уважения к чувствам башкир. Несмотря на то, что сам Тевкелев соединил в себе две культуры, не нужен памятник, который разобщал бы людей.

Челябинцы 1739 года

Наша история

В 1739 году, в Челябинске жил Михаил Петрович Сажин, 46 лет, с женой Аграфеной Михайловной 30 лет. «До возраста» Михаил рос в отцовском доме в Ярославле, но в 1719 году был выслан в Петербург, где работал лопатником, правда, всего три

месяца. И был «отпусчен» с государевой работы. Десять лет жил в Петербурге «своею волею», а потом уехал в Казань, где провел пять лет. После Казани — Уфа, погонщик при Оренбургской артиллерии, наконец, записан полковником Тевкелевым в Челябинскую крепость.

В северной столице Михаил Сажин обитал при Петре I. Столица была молодая, на глазах украшала себя каменными нарядами. Но не стал Михаил столичным жителем. Видно, не давала ему покоя охота к перемене мест. И вынесла его та охота на восточный край государства, в только что сбитую крепость у соснового бора, у чистой реки.

Среди первых жителей Челябы был и Родион Ефимович Метелев 21 году с женой Устиньей 19 лет. Родом он из Вятской провинции, деревни Косых, откуда его брат Филипп, солдат, вывезен в Уфу. В возрасте 16 лет Родион ходил в поход с полковником Тевкелевым в Оренбург, извозчиком в артиллерии. Оттуда с Тевкелевым же дошел до Теченской слободы, и тот же Тевкелев в 1736 году записал его в Челябинскую крепость.

Еще одного из первых челябинцев звали Антипой Дементьевичем Смирновым. Было ему 48 лет. Без жены и без детей. Сам он из Нижегородской губернии, из-под Балахны, дворовый крестьянин. Воспитывался у родственников, а когда подрос, лет двадцать ходил по Волге, кормился работою, которая подвернется. С Волги перебрался на Яик, а с Яика — на завод Демидова. Но там продержался всего год — записался в Челябинскую крепость.

Так можно рассказать о всех первых жителях Челябинска. Вряд ли история хотела сохранить такие подробные сведения о бывалых людях, которые волею судьбы оказались в далекой крепости за Уральскими горами. Но и не бросила их в полное забвение. Дело в том, что в 1739 году все население Челябинской крепости было внесено в переписную книгу. Книга сохранилась в архиве древних актов в Москве. Челябинский краевед И. В. Дегтярев в свое время переписал ее, сохранил. Благодаря ему мы имеем документ, с которого, собственно, и начинается истинная история Челябинска и челябинцев.

Мы вознамерились было опубликовать весь список первопоселенцев в расчете на то, что он возбудит интерес к своей родословной у наших современников-однофамильцев. Однако список велик. В нем 184 семьи. Всего 1061 имя.

Люди, которые поселились в необжитом краю на реке Миасс, конечно, были рисковыми людьми. Из тех, кто уже успел помотаться по белу свету. Кто знал толк в приключениях. Чья бродяжья кровь гнала с места, звала в неведомую даль, в которой

грезились волюшка и довольство. Наверное, это были незаурядные люди, из открывателей, первопроходцев, с характером, с норовом, хваткой. Словом, жизнь их отбирала по таким признакам, как сила, воля, мужество, вера в себя. Впрочем, попадалось среди них, конечно, и всякое перекати-поле, сорванное с корня и гонимое ветрами из края в край.

Не удержусь упомянуть еще несколько фамилий.

Петр Семенович Плотников 26 лет. Жена Прасковья 25 лет. Дочь Алена — году. С Петром жили старики — отец 80 лет и мать 82 лет. А также братья Исак 35 лет, Федор 18 лет и Мирон 17 лет. Исак был не один, а с женой Авдотьей 40 лет, а у них дочь Софья 14 лет, сыновья Антон 9 лет и Михаил трех лет. Брат Федор тоже был женат, на Матрене 18 лет.

Может быть, вы заметили, что Исака Авдотья на пять лет старше мужа. Такое встречалось довольно часто. Видимо, в те времена в наших краях женщин было меньше, чем мужчин. Да и во все времена в дальних гарнизонах и заставах мужики не очень разборчивы. Однако и тогда случалось, что старик брал молодку. Стариков среди первопоселенцев было не очень много, но попадались старцы в весьма почтенном возрасте. Те же, допустим, родители Петра Плотникова. Например, его мать Настасья Осиповна родилась в 1658 году. Это же еще при патриархе Никоне! При царе Алексее Михайловиче! Только-только, четыре года назад, Украина присоединилась к России. Когда Стенька Разин буйствовал на Руси, Настеньке было 12 лет. А когда русские и шведы сражались под Полтавой, ее, наверное, уже успели выдать замуж за Семена.

Без жены и без детей прижился в крепости Гаврило Ильич Сивов, 80 лет.

Колоритна чета Герасимовых. Трудно поверить, но у Антипа Антоновича 84 лет и Лукерьи Ларионовны 80 лет были такие дети: «Леонтей 25 лет, Яков 20 лет и Савелей 5 лет». Ясно? Порода! Таких предков стоило бы и поискать. У потомков-то, понятно, кровь пожиже.

Еще — Семен Андреевич Пермяков 89 лет. Жена Парасковья Савельевна 80 лет. При них семья сына Григория с женой Ириной 30 лет и детьми Авраамом, Пелагеей и Терентием. А также племянник Влас Иванович Еремеев

45 лет. Лет двадцать скитались в разных краях, пожили на заводе у Демидова, в деревне Карповой Долматовского монастыря, пока не оказались в Челябинской крепости.

Ничего не боялись наши предки. Старики записывались в неспокойную крепость. С грудными детьми ехали в неведомую жизнь. В 1739 году в Челябинске было 178 детей до 5 лет. По

улицам крепости бегали 150 детишек от 5 до 10 лет. Детей постарше, до 15 лет, было меньше, всего 60 человек. А всего — 389 детей.

Все первые жители Челябинска были крестьянами (кроме, разумеется, начальства). Часто из одного села снимались несколько семей. Это можно понять: с односельчанином, соседом, родственником и переезд веселее, и новая жизнь вернее. Например Дударевы. Три семьи, три брата — Афанасий, Яков и Федор. Из Бишкильской слободы Исетского дистрикта переехали все вместе в Теченскую слободу, где обитали 20 лет, однако сорвались с места еще раз и тремя семьями переселились в Челябу.

Далеко ли от нас то время, первая половина XVIII века? Ни много ни мало — 260 лет. Сколько «пра» будет, чтоб выследить родство?

Возьму для примера Ивана Федоровича Смирнова, 60 лет. Жена его Мария Ивановна на 20 лет моложе. У них дочь Лукерья 10 лет и сын Иван полугоду. Тоже не держались одного места, лет тридцать меняли «адреса», «а где сколько жил, про то сказать не может, понеже по многому времени не живал».

Ладно, предположим, что в Челябинске Смирнов осел прочно. Теперь обратимся к его сыну Ивану. Рожденья он, значит, 1739 году. Вполне мог дожить до конца века. Еще одно допустим: сам Иван и его потомки будут жить по 60 лет, а в 30 лет родят сына. Значит, сын Ивана родится в 1770 году и доживет до 1830 года. Много чего произойдет при его жизни: отцарствуют свое Екатерина II и Александр I. Пугачев. Взятие Очакова и присоединение Крыма. Несколько турецких войн. Наконец, Отечественная война. Восстание декабристов. Пушкин. Правнук Ивана родится в 1830 году и доживет до 1890 года. Уже при Николае II, при Ленине. Праправнук (1860—1920) увидит три русские революции. Прапраправнук (1890—1950) будет строить социализм и воевать с фашистами. Прапрапраправнук (1920—1980) застанет застой. А еще один внук жив и по сей день. Кто он? Какой из Смирновых?

Всего-то семь поколений связывает нас. Семь звеньев. Семь колен. Но мало кто их знает.

Ну, и еще несколько фамилий.

Родион Агафонович Худяков 55 лет. Жена Настасья Денисовна того же возраста. Сыновья Федор, Егор, дочь Авдотья, племянник Степан с его матерью. Родом из Костромского уезда. «Оттоль сошел от хлебной скудости» с братом Петром 6 лет тому назад, добрались до деревни Ольховки близ Шадринска. В 1736 году записаны в казаки в Челябинскую крепость. Брат уже в

крепости умер. Жена брата и его сын Степан остались в семье у Родиона.

Никита Прокопьевич Кондаков 20 лет. Один. Не знает «отколь родом» — свезен отцом с малых лет. Отца же нет, убили башкирцы.

Семен Пантелеевич Ярославцев 67 лет, с семьей, брат его Осип тоже с семьей. Из Ярославля. Оттуда с отцом подались в Москву, где провели 20 лет, там отец умер. А братья перебрались в Петербург, пожили, затем рванули на Урал, на «Невьянский дворянина Демидова завод». С завода, как и многие другие, — в Долматовский монастырь, и уж оттуда — в Челябу.

И последнее имя: Андрей Леонтьевич Уржумцев 25 лет. Жена Татьяна. Трое детей. Из троих выделим одного — Максима 8 лет. Выделим, потому, что известно: 5 января 1774 года в Челябинске, в виду близости войск Пугачева, вспыхнуло восстание, которое возглавили Максим Уржумцев и Наум Невзоров. Не тот ли Максим? Мальчишка восьми лет через 34 года стал зрелым мужчиной, мог и восстание возглавить, а потом умереть под пытками…

Интересно выяснить, откуда народ съехался в Челябинскую крепость. На этот счет есть почти полная ясность. Можно сказать так: с северо-востока. Точнее, с берегов Исети. Еще точнее: 73 семьи (из 184) из-под Шадринска и 30 семей из Долматовского монастыря. Десять семей из Теченской слободы. Это уже сколько?

Вокруг Шадринска было много сел и деревень, заселенных во второй половине XVII века. Оттуда-то и перебирались люди: из села Замараевского 11 семей (Колмогоров, Казанцев, Черных, Шилов, Минкин, Русин, Шерстнев и т. д.), из деревень Деминой, Мыльниковой, Першиной, Воробьевой — по 5 семей, из деревень Кривской, Сухринской, Атяшевской — по четыре семьи.

Можно считать, что Челябинск связывают с Шадринском и его округой родственные узы. Челябинск с Шадринском — истинные братья. Причем за старшего брата — Шадринск. Может, стоило бы и вспомнить об этом родстве.

В Челябинской крепости были и пришельцы из более дальних мест, из Сибири. Так, 29 семей прибыло из Сибирской губернии, из Краснослободской, Буткинской, Ирбитской слобод. Более всего — из Краснослободской: Шумилов, Варлаков, Завьялов, Хорошавин, Сазонов, Мохирев, Папулов и др.

«Близка» Челябинску река Кама. Великий Устюг на Каме — еще один брат нашего города. Оттуда переселились 14 семей: Тропин, Согрин, Панов, Чипышев, Воронин, Бухарин, Кузнецов и др. Еще несколько семей с Камы же — из Кунгура, Чердыни, Сарапула, Соликамска.

Наконец, переселенцы из далеких краев — Вологды, Ярославля, Балахны, Владимира, Архангельска, Серпухова, Новгорода, Казани, Уфы…

С того далекого 1739 года времени прошло много. Население Челябинска с тех пор выросло в 1200 раз. Не потерялись ли среди нынешних горожан потомки первых жителей? Потерялись, конечно. Но есть ли они, хоть и в малом числе?

Недолго думая, я взял последний телефонный справочник. Подсчитал, сколько в нем Поповых. Оказалось, 608 фамилий. Есть ли среди них кто-то из «коренных» Поповых? Возможно, есть. А возможно, и нет. Мало ли Поповых по всей России… Смирновых в телефонной книге 407, Соколовых 375, Новиковых 320, Морозовых — 263, Волковых — 232, Казанцевых — 210, более ста Медведевых, Поляковых, Коноваловых, Калининых… Нет, эти фамилии слишком распространены, чтобы даже предположить, что они дошли до нас от первопоселенцев. Но, например, фамилия Нечеухин не из «обычных», а Нечеухиных в телефонной книге 16. Футин — совсем редкая фамилия, но один Футин в Челябинске живет. Не на слуху и такая фамилия, как Патысьев, но трое Патысьевых внесены в телефонный справочник. Надо полагать так: чем своеобразнее фамилия, тем больше вероятности, что она коренная.

Возможно, кто-то из челябинцев загорится восстановить свою родословную за 260 лет. Что ж, это не так просто. Но и не так сложно. В России с XVIII века переписи населения проводились довольно регулярно и аккуратно. Остается только в архивах Челябинска, Оренбурга, Уфы, Екатеринбурга отыскать списки и выследить в них свою фамилию. При известной настойчивости успех почти неизбежен.

Сочинитель легенды

Виктор Парфентьевич Лытиков взялся сочинить легенду. Легенду? Чего ради? Да, пенсионер, в прошлом педагог, ветеран войны пишет уральские сказания. Не потехи ради. И не ради творческого изъявления. А для курортов. Виктор Парфентьевич считает, что уральским санаториям, как и всяким порядочным здравницам, полагается иметь свою легенду.

С войны Виктор Парфентьевич привез осколки и хвори. Покалеченная рука. Боли в ногах. Что-то с печенью. Гипертония. Наконец, желудочные кровотечения. А не было ему тогда и двадцати.

С молодых лет пришлось Виктору Парфентьевичу ездить по

курортам. Все больше на Кавказ, на минеральные воды — Кисловодск, Железноводск, Пятигорск, Ессентуки.

Местные санатории долгие годы всерьез не воспринимал. Только лет десять назад оказался в «Еловом». Насчет процедур и сервиса, конечно, спорить не стал бы, но красота… Уральские сосны Кисловодску и не снились.

Совсем недавно оценил санаторий «Урал». Прекрасное здание. Все под одной крышей. Процедуры всякие, до самых модерновых. Вода — почти такая же, как в Ессентуках, но лучше: в ней больше целебности. Все есть. А чего-то не хватает. Не хватает легенды. Но если нет готовой легенды, то ее надо создать. Сказал и сам себя втравил — стал думать о подходящей легенде. Вернувшись в Челябинск, отыскал книгу «Урал — земля золотая», пригодились башкирские сказания. Не мог обойти Бажова, других сказителей. У них-то и взял двух главных героев — Урала и Хозяйку Медной горы. Возникли другие персонажи. Наметился сюжет.

Впрочем, пусть Виктор Парфентьевич сам расскажет свою легенду. Вот она, вкратце:

— Урал-батыр жил среди башкир. О его последнем подвиге было известно, что он спас от дивов жителей горы Янгантау. Одного дива он забил в землю. Гора задымилась, из нее пошел горячий пар.

А был он уже в том возрасте, когда дети выросли и разъехались. Жил один. В округе его уважали и почитали. И дочь колдуна Басарбая Иркен хотела найти место в сердце Урала-батыра. Колдун ей в том потворствовал.

Почувствовав этот интерес к себе, Урал решил просто уйти, исчезнуть. И вскоре оказался в Золотой долине. Так и жил, останавливаясь то у Тургояка, то у Чебаркуля, то у Увильдов. Тут он познакомился с Хозяйкой Медной горы. Стали жить вместе, счастливо и покойно. Родились у них дочери — Уралочка и Увелька. Урал был черноволосым, Хозяйка Медной годы — рыжевата, а дочери — русые.

Но через какое-то время Басарбай объявился в Золотой долине. Он решил отомстить Уралу за то, что он пренебрег его дочерью. Колдун призвал из Карагайского бора злую силу и отправился в Вишневые горы. Там в недрах таились ядовитые испарения, которые грозили всему живому. Хозяйка Медной горы тоже решила отправиться в Вишневые горы, чтобы противодействовать колдуну. Урал ее не пускал, но не смог отговорить. Хозяйка Медной горы загнала злую силу в подземелье, заперла ее гранитными замками. Но сама еле добралась обратно, заболев странной болезнью. И вскоре умерла.

Безутешным было горе Урала и его дочерей. И решили они поискать другое место, посветлее, попросторнее. Со слезами на глазах шли они к югу — впереди Урал, за ним Уралочка и Увелька. От их слез образовывались озера — то горькие, то соленые, то щелочные, то кислые. Увелька отстала. Уралочка окликала Увельку: «Где ты?» Увелька со слезами бежала, и за ней потекла светлая речка.

На тех полянах, где сидела плачущая Уралочка, вырос горицвет, а где сидела Увелька — заголубели незабудки.

Урал и его дочери выбрали озерный и березовый край, где нынче санаторий «Урал». Тут светлее небо и ярче солнце. Стало легче на душе Урала и его дочерей. А когда дед Емеля попарил Урала в своей баньке, батыр почувствовал себя еще лучше. И прожил он до ста лет.

Такую легенду рассказал мне Виктор Парфентьевич. Собственно, это только набросок. Легенда еще обрастет подробностями, обогатится, что-то изменится. Не исключено, что она и вовсе не приживется, не приглянется людям. И все-таки Виктор Парфентьевич уверен, что легенда нужна; Не эта, так другая. Курорт без легенды скучен и пресен. Но самое главное то, что легенда тоже целебна. Она одухотворяет лечение. Она распахивает настежь «двери» самовнушения.

Санатории «Урал», «Тургояк», дом отдыха «Карагайский бор», другие здравницы должны иметь свои легенды. Свой образ. Свою особинку. Свой мир. Чтобы можно было войти в него и выйти. И потом долго вспоминать, а приятные воспоминания тоже имеют целебное последствие. Тому же «Уралу» Виктор Парфентьевич предлагал завести баньку деда Емели, заказать на фарфоровом заводе фирменные кружки, пригласить мастера-фотографа.

Озеро Тургояк должно быть окутано легендами, как туманом. Допустим, есть на нем остров Веры, монашки-отшельницы. А много ли озер без острова Любви или острова Свиданий? Согласитесь, на остров без всякого названия, безликий, человек ступает никак не подготовленный внутренне. Другое дело — остров Веры, тут душа самонастраивается. Особый душевный лад сложится при упоминании об острове Любви. Все это очень тонкие вещи, но они исцеляют душу, а говорят, при здоровой душе легче вылечить тело.

Тайна каштана

— Так вот, знайте, — сказал Борис Федорович Соколов, — в Челябинске есть каштаны.

Оказывается, знакомый Соколова — Геннадий Дмитриевич Яковлев лет двадцать назад привез из Киева пять саженцев каштана. Все, кроме одного, погибли в борьбе за существование. Торцами двух домов он защищен от северных ветров и потому благополучно переносит уральские зимы. Правда, выглядит он все еще подростком. Все-таки при нашем скудном солнце прирост невелик. А главное — каштан был несколько раз сломан, но, демонстрируя волю к жизни, отращивал новый ствол.

Не климат, а люди мешают прижиться южанину в Челябинске. Потому-то Соколов и Яковлев держат в тайне местопребывание новосела. И я скажу только о том, что каштан живет в районе технического университета.

Итак, в нашем городе растет каштан. Весной он с некоторым опозданием распускает листья, красивые, непривычно большие. Цвести-плодоносить еще не начал. Торопиться ему некуда, каштаны среди деревьев долгожители, только бы ему выжить.

Нет, в Челябинске живет не один-единственный каштан. Каштаны растут и в моем саду.

Я родился на Украине и часто бываю там в гостях. В 1982 году я привез из Харькова три саженца каштана и посадил их в саду. Они прекрасно растут, не болеют. Одно дерево вымахало уже метров под пять, другое пониже. Пока не цветут.

В. Нейерфельд, пенсионер

Добавлю, что еще три каштана растут на северо-востоке, по улице Хохрякова. Два дерева прямо на улице, а третье во дворе дома на берегу озера Первого. Каштаны давно уже цветут и плодоносят.

Г. Катыкин

Илья Герчиков
Этот город, знакомый до камня…

Письма издалека

Я мог бы начать свои записи с воспоминания о том, как приехали мы с женой почти полсотни лет назад в Челябинск. С вокзала в соцгород ЧМЗ, где жили мои родные, добирались на модном тогда транспорте — «коломбине», грузовике с фанерной будкой для пассажиров. Был дождливый сентябрь. На конечной остановке, улице Сталеваров, нас ждал «сюрприз» — огромная лужа. «Коломбина» остановилась как раз на ее середине.

Грязи оказалось по-щиколотку, и вполне законным был вопрос супруги: «Куда ты меня привез?»

Потом, с годами, соцгород рос, хорошел, асфальтировался и озеленялся. И если бы не его феноменальная загазованность.

Сложной оказалась тогда моя работа в качестве санитарного врача. Приходилось штрафовать незадачливых комендантов общежитий и бездельников-управдомов. Их реакция была естественной, — начальник ЖКО товарищ Аляев накатал моему начальству «телегу», просил оградить его от врача-хулигана Герчикова, который, якобы, ворвался в его кабинет в пьяном виде и учинил погром. «Телега» должна была сработать безотказно: врач-еврей, оказавшийся погромщиком, вроде как врач-отравитель. Но, так как я человек абсолютно непьющий, а в кабинете Аляева к тому времени еще не успел побывать (он не смог объяснить главному врачу СЭС, умнице Горыниной, даже как я выгляжу), я был «реабилитирован». Дальнейшего хода моему «делу» Аляев не дал, а позднее даже «зауважал» меня, поняв, что я ему не мешаю в работе, а как раз наоборот.

На санитарной работе я, до «мозга костей» стоматолог, долго не задержался, какими способами ни пытались меня удержать. Благодарен я за это моему отцу — старому стоматологу, обожавшему свою специальность. Он требовал, чтобы я бросил свою не «врачебную» работу, которую у них в местечке выполнял в старые времена… жандарм. «Бывало, — рассказывал отец, — найдет жандарм на базаре дурно пахнущий продукт, живо швырнет его наземь, затопчет сапожищами да еще попутно недобросовестному, обомлевшему от страха продавцу по зубам съездит».

Ушел я в свою (и отца) любимую стоматологию, в 1-ю

дорожную больницу станции Челябинск. И не пожалел. Сколько десятков тысяч земляков входило в мой кабинет с искаженными страданием лицами, а выходило с улыбкой. Здесь появилось у меня и много друзей из числа как коллег, так и пациентов.

К старому жизнелюбивому толстяку, доктору Шмиреру привлекли меня не только его гуманность, открытость и профессиональный опыт, но и великолепное чувство юмора. Наблюдая за ним, я понял, что юмор может стать союзником врача, одним из эффективнейших лекарственных средств. Один из первых выдающихся терапевтов города, Шмирер знал наизусть не только диагностику и лечение всех болезней, но и… сотни анекдотов, веселых баек, коими щедро «потчевал» своих пациентов или уставших коллег. Не был он ни кандидатом наук, ни, тем более, «доктором», но ученость его была столь высока, что не только врачи, но и многие профессора считали его своим учителем.

Своим учителем считаю его и я. Стоматологии меня учили другие, а Иосиф Владимирович, сам того не подозревая, учил меня сложнейшему искусству обращения с больными.

Когда Шмирера не стало, жена его решила переехать к внукам в Свердловск. Позвонила главврачу дорожной больницы Н. (не буду называть его фамилии, в общем-то человека порядочного) и попросила принять в дар коллективу богатейшую медицинскую библиотеку мужа, которую он собирал десятки лет, а также некоторые личные вещи, включая старый потертый портфельчик, с которым он в молодые годы бегал по врачебному участку. Главный врач не нашел ничего лучшего, как ответить, что в больнице и без того тесно.

Жена Шмирера, со слезами обиды и горечи, попросила помочь. Моя дочь работала тогда в областном краеведческом музее, и мы посоветовали передать все эти бесценные сокровища туда.

Несколько личных вещей Шмирера, а также конспекты лекций основоположников отечественной медицины, которые он вел во время учебы в Казанском университете, супруга его подарила мне. Тогда-то у меня впервые и возникла мысль о создании в больнице музея.

У меня, заядлого коллекционера, к тому времени было уже собрано в личной коллекции множество медицинских раритетов. Мое намерение энергично поддержал один из моих пациентов и друзей Александр Козырев. Инженер управления дороги, краевед и историк по призванию, он пополнил мою коллекцию новыми документами и интересными экспонатами, продолжил поиск в архивах и библиотеках. Помог нам в поисковой работе и врач

Леонид Иванович Голиков, о котором позже.

Теперь нужно было добиваться помещения для музея, искать стиль оформления, составить план. При утверждении плана в райкоме партии запомнилось замечание: «Почему нет ни одной цитаты из… Черненко?» Сошлись на вечно актуальной цитате из Ленина: «Мир — народам!», которая была начертана золотом под барельефом вождя работы каслинских мастеров.

Долгими зимними вечерами, в холодном неотапливаемом помещении мы с художником и столяром больницы готовили экспозицию музея. Челябинские специалисты-музейщики и краеведы дали самую высокую оценку. Однако нашелся «доброжелатель», накропавший «куда надо», что следовало бы попристальнее присмотреться, что там нагородил этот беспартийный Герчиков, тем более по отчеству — Лазаревич. И пошли комиссии, вплоть до первого секретаря райкома с группой помощников. Изучали терпеливо все, до последней буквы. А секретарем райкома был тогда умнейший, высококультурный Прохоров. Он не только одобрил нашу работу, но и провел вскоре в музее выездное заседание бюро райкома.

Много интереснейших экспонатов было в музее больницы. Но особенно памятны и дороги мне два из них. Первый — небольшая скульптура «Военврач Леонид Голиков». Автор ее — выдающийся скульптор Аникушин (автор памятника Пушкину в Санкт-Петербурге), во время войны служил санитаром в госпитале, которым командовал Голиков. Молодой, начинающий тогда художник и скульптор находил время делать наброски и даже лепить. Тогда и создал он скульптурный портрет своего любимого командира. После войны их много лет связывала трогательная верная дружба. Пройдя ад Гангута и боев под Ленинградом, полковник медицинской службы, прекрасный человек и крупный организатор здравоохранения Леонид Иванович Голиков погиб случайной нелепой смертью. На его похоронах я познакомился с Аникушиным и передал ему заметку из «Вечернего Челябинска», в которой описал их дружбу. Семья Голикова после его смерти передала скульптуру музею.

И еще одна скульптура, которой мог бы гордиться любой крупный музей — большая, отлитая из чугуна копия «Орленка» замечательного скульптора Головницкого. Льву Николаевичу я вечно благодарен за дружбу, за совет — никогда не бросать своего увлечения резьбой по дереву и скульптурой.

Много радости принесло мне это увлечение, и не столько участием в ряде солидных выставок, сколько возможностью дарить свои работы друзьям. А вот за то, что набрался нахальства заниматься творчеством литературным, благодарен долголетней

дружбе с писателем Марком Гроссманом. Он сумел разглядеть во мне какую-то «искорку». Много хотел бы я о нем рассказать, как о человеке, внешне суровом, но в глубине души добром, легкоранимом, мужественном и умнейшем. О Гроссмане написано мало. Недостаточно, на мой взгляд, освещена его журналистская деятельность. А ведь именно она определяла документальный стиль его романов. Мне довелось видеть у него десятки пухлых папок с копиями документов, архивными материалами, записями бесед с реальными участниками и свидетелями описываемых писателем событий. Это были материалы лишь для одного романа, равные по содержанию десятку добрых диссертаций. Опираясь на факты, собранные с журналистской дотошностью, он, к примеру, знал о Колчаке то, что не укладывалось в «социальный заказ». И ему приходилось драться за возможность говорить правду.

В музее больницы имелось несколько книг, подаренных Гроссманом. Одна из них была раскрыта на странице со стихотворением, посвященным челябинскому хирургу Крыжановскому, перед великим мастерством которого писатель преклонялся. Вообще к медицине, не раз выручавшей его, у Гроссмана было особо трепетное отношение. Хранятся в музее и его стихи, посвященные «железным врачам дороги».

Среди поисковых работ музея больницы следует выделить материалы, посвященные, к сожалению, малоизвестному деятелю отечественной стоматологии, дантисту начала века Якову Людвиговичу Джемс-Леви. О нем лишь вскользь упоминают в литературе по истории стоматологии. Нам повезло — правнучка его, отличная художница Татьяна Всеволодовна Джемс-Леви живет и работает в Челябинске. Она стала нашей помощницей в поиске материалов о ее выдающемся родиче.

Джемс-Леви был приглашен в Россию из Германии. Мало тогда было в стране специалистов-зубоврачевателей. Джемс-Леви вначале исследовал, как строится зубоврачебная помощь населению России. С первым в стране передвижным зубоврачебным кабинетом на конной тяге он объездил всю страну, побывал и на Урале. Сделал вывод, что зубоврачебная помощь влачила жалкое существование. В Челябинске до 1905 года не было ни одного зубного врача, зубы лечили повивальные бабки и цирюльники, «дергали», в лучшем случае, фельдшеры, заговаривали колдуны и шарлатаны. Джемс-Леви был первым, кто стал с огромной убежденностью и энергией доказывать необходимость введения в России высшего стоматологического образования. Сам он закончил Берлинский университет, совершенствовался во Франции и Америке. Он создал в Варшаве

первое в России учебное заведение, дававшее регламентированное стоматологическое медицинское образование. Его школу закончили видные деятели отечественной стоматологии, открывшие аналогичные школы в ряде городов России. Среди них был видный отечественный стоматолог профессор Гофунг — мой учитель.

Горькая участь постигла Джеймс-Леви: за «вольнодумство» его учеников, а также за беспрепятственный прием на учебу лиц «иудейского вероисповедания», царские власти закрыли детище всей его жизни — Варшавскую зубоврачебную школу. Джемс-Леви скончался в нищете…

В историю культуры Челябинска, несомненно, войдет уникальное явление — превращение его в один из признанных центров юмора. Здесь родился лозунг: «Каждому челябинцу — чувство юмора», сформулированный народным артистом России Петром Кулешовым.

Челябинцы могут гордиться своим выдержавшим испытания времени и нападки дураков ФЛЮСом — Фестивалем любителей юмора и сатиры, который внесен в календарь юмористических фестивалей и карнавалов мира, хранящийся в Габрово — мировой столице юмора. Признанными «отцами-создателями» ФЛЮСа были челябинский писатель Ефим Ховив и примкнувший к нему свердловский писатель-сатирик Феликс Вибе. Дружбу с ними хотел бы сохранить до конца дней своих. Широко известны многие уникальные черты Ефима Ховива. Назову две из них: умение способствовать, а затем радоваться успеху товарищей по литературному цеху. После чего уходить в тень. Он не только поддержал мое намерение издать книжку афоризмов и карикатур, но и очень помог в ее создании, и даже дал ей название — «Кто придумал перекур». Говорят, это самое трудное для любого писателя. А главное, научил меня самокритично, безжалостно отбрасывать то, что не очень удалось. Наряду с Марком Гроссманом, считаю его своим литературным учителем и… соавтором.

Говорят, написать книгу легче, чем издать. Тем более, если ты не богат. Но также говорят: «Не имей сто рублей», а имей хотя бы одного настоящего друга. Таким другом оказался начальник железнодорожного вокзала станции Челябинск Александр Иванович Балкашин. Челябинский вокзал уникален: это оазис чистоты, уюта и порядка. На Челябинском вокзале, как в Греции, есть все — от стоматологического кабинета до проводимых в нем праздничных концертов. Стал он таким благодаря своему руководителю — прекрасному организатору, человеку большой культуры, сильного характера. Именно по его инициативе

Челябинский вокзал взял на себя все заботы по изданию книжки безвестного юмориста.

Челябинск всегда со мной — в душе, в памяти, в мыслях о друзьях и близких людях.

Спасибо тебе, Челябинск!

Рамат-Ган (Израиль)

Владимир Поздеев
Вехи времен и племен

Люди пишут, а время стирает,
Все стирает, что может стереть.
Но скажи — если слух умирает,
Разве должен и звук умереть?

С. Маршак

Заметка краеведа

Время и люди расписывались на карте нашего большого города. А можем ли мы прочесть, что оставило прошлое, или безжалостное время стерло в нашей памяти значения древних слов в именах на карте?

Есть такая замечательная наука — топонимика, которая учит в названиях рек, озер, гор, деревень… искать и находить следы племен, когда-то давших тому или иному месту свое название. Нам повезло: здесь побывали индоевропейские племена, арии и их древние потомки иранцы, турки и, конечно же, славяне, мордва, немцы, эстонцы — все народы России прошли через Челябинскую пересылку и осели у нас. Имена на карте хранят память о народах, растворившихся среди пришельцев и сохранивших отголоски своего древнего языка, культуры, обычаев, о природе и недрах края.

О некоторых названиях и пойдет речь.

Поселок Аэродромный в Курчатовском районе напоминает о начале воздушных связей города. В 30—40-е годы на северо-западной окраине появился аэродром. После Великой Отечественной войны он стал тесен, и новое летное поле с поселком Аэропорт построили в Металлургическом районе.

Поселок Бабушкина в Калининском районе основали в 1918 году переселенцы за чертой города, у кирпичного завода, и нарекли Васильевкой. В 20-е годы застолбили на карте имя деятеля РСДРП. Через некоторое время «прописали» в городе Донского, Некрасова, Митрофанова и Урицкого, стерев с карты поселки Колупаевка, Медведева и хутора Михайловский и Покровский. Это было время бурных перемен.

Поселок Градский Прииск впервые зафиксировала перепись

1926 года по Шершневскому сельсовету Челябинского района Челябинского округа Уральской области. Перед Первой мировой войной здесь появился прииск Готца и Чеканова, а на карте 1800 года ближе к городу (на улице 40 лет Победы) на речке Сорочий Лог показан хутор.

Заречье — так называют левобережную часть старой Челябы. Топоним указывает на более позднее заселение местности по отношению к крепости, основанной в 1736 году на правом берегу. А по легенде же на левом берегу была основана в 1696—1700 годах Александровская слобода. Многим хотелось быть старше в губернии и уездах.

Зеркальный Ключ — единственный приток Челябки в районе улицы Сони Кривой. Имя его напоминает о чистоте родниковых вод городского бора в прошлые времена.

Ирентик, Ирендюки — так назывались озера Смолино, Синеглазово и Исаково в XVIII веке. В многоводные годы они образовывали единый водоем и имели сток в Чумляк.

Название североиранское в башкирском произношении. В наши дни у потомков северных иранцев (племена катайи, ягнобцы, шугнанцы и т. д.) на Памире, в Афганистане слова «жарендик», «йарендик» означают «золотисто-рыжеватый». Нарекли так озеро еще до новой эры по цвету песка иранцы. Похожее слово у тюрок служит для обозначения масти лошадей…

Поселок Исаково на южной окраине города и на развилке дорог в Оренбург и Чебаркуль вырос из хутора поручика из Челябинской крепости Бориса Исакова. Его хутор и дворовые из крещеных башкир упоминаются в документе 1782 года, а наделять офицеров землей стали с 1746 года. По ревизской сказке 1826 года это уже казачий поселок первой станицы первого кантона ОКВ.

Речка Исетка начиналась родниками с Семеновской горки и из болота в районе кинотеатра «Родина» и протекала по ул. Кирпичики (пр. Победы) еще лет сорок тому назад. Это внучка реки Исети по матушке, по Миассу.

Поселок Каштак назван по правому притоку реки Миасс и относится к старейшим поселениям Челябинской крепости — деревня Каштакская известна по материалам ревизии 1763 года.

Популярный географический термин в топонимике Сибири «каштак» — «бровь» в древних тюркских названиях характеризует речки с крутыми берегами в каменистых местах. Миасс перед впадением Каштака течет в каньоне с отвесными берегами. В таких местах люди укрывались от зимней стужи, это место зимовий и стоянок.

Речка Колупаевка, или Поганка, начинается от складов

локомотивного депо, через 6,5 километра впадает в озеро Смолино. Старое название речка получила от заимки Колупаевых, новое же отражает экологическое состояние города. Речка имела приток Каменный Лог.

Еще одна Поганка течет в Тракторозаводском районе, а еще есть Чернушки в городе. Не много ли «поганок» выросло?

Поселок Колхозный отражает время коллективизации всей страны; поселок Победа — окончание Отечественной войны, а поселок Китай-городок у кромки Каштакского бора возник в годы строительства ЧМК вдали от поселка Бакал — лагерных бараков «Бакалстроя». В эти же годы и после войны появился городок для работников ленинградского Кировского завода, поселок домов из кирпича по соседству с бревенчатыми домами 5-го участка ЧТЗ — Киргородок. В Кирсараях же были лишь землянки, а жители делали кирпич в сараях на заре нашего века. И еще была Буденовка — Обуденовка. Так в семи названиях отразилась история XX века.

Родник Курейка впадает в Миасс со стороны Городского бора. Популярное название указывает на наличие заводи в долине реки Миасс в лесопарковой зоне. Это слово со значением «заводь» считается угро-финским по происхождению.

Поселок Малакуль сохранил одно из древнейших названий озера Первого. В иранских языках «мала» — «грязная, стоячая вода», а «куль» — «озеро», а может быть, было «куль» — «болото, пастбище». О выходе грунтовых вод в этих местах напоминает имя поселка Ключевка.

Хутор Миасский возник при кирпичных заводах в начале XX века, как и его сосед Керамический поселок.

Река Миасс, Малые и Большие Миасские горы в Кусинском районе, речки Веселга и Веселки с Веселыми горами, Мишельга и озеро Мисяш, горы Мишень и Васковка, река Багаряк, или Магаряк, и ряд других топонимов указывают на наличие металлов в недрах нашего края.

Давным-давно слова «бха» — «светить, нагревать» и «ак» — «острый камень» слились у индоевропейцев в новое понятие «баг» — «то, что тлеет в золе». У арийских племен оно превратилось в «вас» — «золото». А затем у иранцев превратилось в «мес», «мис» — «красную медь, бронзу, латунь», а речка Мияз — «мий-аз» сохранила вариант мий. Слово же «аз» у древних иранцев (и тюрок) означало «вода». Поэтому Миасс — это «Золотая речка». На наличие золота указывает и Золотая гора у Градского Прииска. Чем не вавилонское смешение языков?

Немецкий хутор — составная часть Миасского хутора с 1940 года. Со времен реформ Столыпина немцы из Крыма и юга

Украины стали оседать западнее и севернее Челябинска.

Никольская роща — это все, что осталось от большого лесного массива и маленького Никольского поселка начала XX века. Никола — защитник русских, воплотил черты Перуна и Велеса.

Поселок Першино, первоначальное название Рябкова, возник при мельнице Д. А. Рябкова. Первопоселенцы крепости из деревни Першиной Шадринского дистрикта Медведев, Панов, Панков, Пастухов закрепили память о малой родине. До 1840 года в деревне жили казаки и государственные крестьяне.

Польский хутор существовал в пяти верстах от Челябы (в Ленинском районе) до 1940 года. В XIX веке в Оренбургскую губернию дважды ссылали поляков. После проведения железной дороги часть поляков поселилась в новом поселке Порт-Артур. Польские хутора были восточнее Челябинска.

Озеро Синеглазово получило имя от заимки Синеглазовых, первопоселенцев Челябинской крепости. Двадцать два человека было в этой семье в 1736 году. Деревню основали около 1782 года выходцы из деревень Першиной (шесть семей), Казанцевой, Баландиной и из Пермской губернии. Аналогичная история и у деревни Сухомесово, основанной между 1805-м и 1811-м годами.

Озеро Смолино. Дворовый крестьянин С. А. Смолин из деревни Мыльниковой Шадринского дискрита был в числе и первопоселенцев Челябинской крепости. Через заимку его фамилия вытеснила старое название озера Ирентик.

Поселок Сосновка, или Сосновая деревня, в XVIII веке возник при мельнице. Мельниками были Бутаков, Беляев, Шершнев. Налог с прибыли они платили еще в 1768 году. Деревня известна и по III ревизии 1763 года. Сосновский — первопоселенец Челябинской крепости.

Поселок Фатеевка — память о первопоселенце Челябинской крепости И. Фатееве. Основана деревня в начале XIX века. Из болот возле поселка вытекает речка Фатеевка и впадает в озеро Шелюго.

Речка Чекина в Городском, или Челябинском, бору получила имя от фамилии мельника. Начинается она недалеко от бывшего хутора Михайловских и впадает в Шершневское водохранилище у бывшего хутора Покровских, или поселка Митрофановка.

Речка Челябка начинает свой бег в каменистой местности у пересечения улиц Витебской и Лесопарковой. В прежние годы она текла меж крутых берегов с выходом грунтовых вод и имела быстрое течение. Нарекли речку арийские племена. В иранских названиях термины «шеле» — «впадина, ложбина, приток реки», «челе» — «неглубокая впадина, яма, овраг, котловина» и «аб» —

«речка» образуют географический термин «чалаб» — «яма в каменистом месте, образующаяся в результате падения уровня воды». «Селяба» — «впадина, большая неглубокая яма» как диалектное слово есть в башкирском языке. Окончание «ка» является иранским топоформантом со значением «долина, равнина». Версия Челяба — «яма» давно существует среди потомков первопоселенцев.

Речка Чернушка, приток Игуменки, характеризует экологическое состояние Челябинска. Еще одна Чернушка вытекает из болот и отстойников ЧМК и впадает в Миасс. Раньше жители Федоровки (Портнягиной) и Малой Баландиной называли ее Безымянкой.

Поселок Чурилово получил имя бывшего хутора на Втором озере (Горьком озере) еще в 1800 году от чиновника Чурилова.

Поселок Шагол назван по косогору. На Южном Урале и в Казахстане названия Шагыл, Чегол, Чегалак в сочетании с другими географическими терминами носят десятки холмов, скал, косогоров с выходами гальки, щебня, песка, наличия осыпей. Скудная почва и чахлая растительность делает их приметными на фоне пышной растительности окружающей местности. С. Караев считает эти топонимы индикаторами контактов древних тюрок с иранцами.

Североиранские (пуштунские) слова «шага, шыга» — «песок», «шаги, шыги» — «гравий», «шагый» — «горка» составляют сердцевину топонима.

Болото Эстонское в Ленинском районе получило название по улице Эстонской.

Озеро Ярды, или Первое. Первым его назвали русские в XIX веке. Расположено оно первым из четырех по дороге в Миасскую крепость. А еще его называли Горьким и Малакуль.

В половодные годы оно распадалось на три ямы с водой среди топей. Это и подметили тюрки и окрестили в ярды — от слова «яр» — «обрыв» и аффикса обладания — «ды».

На этом наш экскурс в историю и географию Челябинска завершается. И завершить его хочется словами этнографа и историка XIX века Н. И. Надеждина: «Земля — есть книга, где история человечества записывается в географической номенклатуре». Мы перелистали эту книгу, но сколько в ней еще не открытых страниц.

Михаил Ненашев
Я служу духовному лесу

Интервью Лидии Панфиловой

В делегации москвичей, приехавших в Челябинск на общественно-педагогические чтения памяти В. Поляничко, был и М. Ф. Ненашев, бывший редактор газеты «Советская Россия», председатель Госкомиздата, Гостелерадио, а сейчас руководитель крупнейшего отечественного издательства «Русская книга», почти легендарная личность. Его карьера начиналась сначала в Челябинске, затем в Магнитогорске.

— Михаил Федорович, видимо, ваш приезд в Челябинск — не только дань памяти В. Поляничко, но и повод побывать на родине?

— Всегда есть субъективные интересы, особенно когда это касается самого сокровенного у человека. У меня здесь могилы родителей, которые я не посещал более трех лет. И это самый сокровенный повод. Но не только. Мы все сегодня нуждаемся в равновесии мыслей, в политической, социальной и экономической стабильности. И если откуда-то должны появиться эти качества, то, я думаю, лучшего места, чем Челябинск, просто не существует.

— Вы действительно так считаете?

— Челябинск всегда был источником здравомыслия, основой экономического могущества страны. Да и в нравственном отношении — это город высокой чистоты. Возьмите хотя бы одну тему — интернационализма, которая всех волнует. Почему мы всегда были едины — в едином строю, в едином Союзе? Не хочу вдаваться в теоретические проблемы, они слишком далеко заведут, но интернационализм по-уральски выглядит так: мир делится не на нации, не на русских и башкир, не на татар и евреев. Он делится по другому принципу: есть люди умные и есть глупцы, есть подлецы и есть очень порядочные.

Почему я называю это интернационализмом по-уральски? В советское время Челябинск и Магнитогорск оказались средоточием огромного количества людей разных наций, которые приехали строить ММК, ЧТЗ, ЧМЗ и были, естественно, интернациональны. Я сформировался в Магнитке, и для меня татарин Бигеев, профессор МГМИ, был примером большого ума и порядочности. А еврей Эйдинов, народный артист России и

руководитель Магнитогорской хоровой капеллы, — одним из самых близких людей, которым я очень доверял и которых ценил. Если бы тогда, в Магнитке, меня спросили, антисемит я или нет, для меня бы это было, по меньшей мере, странным. Я услышал об этом, только когда приехал из Челябинска и Магнитки в Москву.

— По-вашему, провинция здоровее и добрее столицы?

— Да, это правильно. Москва — еще не Россия, и Челябинск не Москва, и меня это радует.

— Кем вы себя ощущаете — журналистом, издателем, крупным функционером? Где вы себя полнее всего реализовали?

— Я об этом писал в своей книге-исповеди. В исповеди ведь ты всегда откровенен, есть даже таинство исповеди. Так вот, из всего, что я прошел, самым близким для меня была работа в «Советской России». Это было трудное и благодатное время. Восемь лет я был редактором и видел, что делаю полезное и нужное людям дело: газету читали, на глазах росли тиражи, интерес к ней. Это приносило огромное удовлетворение.

— А как вы оцениваете сегодняшнюю «Советскую Россию»?

— Ничего в природе и жизни не бывает однозначным — красным или белым. С одной стороны, я восхищаюсь ее мужеством и позицией, с другой, огорчаюсь ее однозначными измерениями и считаю, что газета обедняет себя, давая только одно мнение, когда в обществе их множество. Я всегда придерживался позиции: ты убежден и уважаешь свое мнение, но в такой же степени ты должен уважать мнение каждого, прислушиваться к нему, даже если ты его не разделяешь.

— Расскажите о вашей сегодняшней работе. Что это за структура — издательство «Русская книга», чем оно может похвастаться?

— Наше издательство — в прошлом головное в Российской Федерации, и называлось оно «Советская Россия». Ежегодно здесь издавалось более 300 книг, огромное количество. Переименование произошло до моего прихода, а в целом «Русская книга» осталась хранительницей и продолжательницей традиций «Советской России».

Наши приоритеты — русская классика, и это прекрасно. Только за последнее время выпущено полное собрание сочинений Н. Гоголя, проза И. Тургенева, Н. Лескова. К 50-летию Победы: К. Симонов — «Живые и мертвые», В. Некрасов — «В окопах Сталинграда», В. Богомолов — «Моменты истины», повесть «Иван», рассказы. Почему я стал издателем? Журналистика, не в обиду будь сказано вам и мне, — это высеивание травы, которая нужна нам, но недолговечна. Книга — это деревья. Они несут вечные истины, духовную культуру. И когда вы служите этому

духовному лесу, то получаете огромное удовлетворение.

Славяне — странные люди крайностей. Был период 1992—1993 годов, когда мы познакомились с запрещенной ранее литературой — богоискательством, сексуальной культурой и т. д. Этот вакуум вызвал бурю интереса к новой литературе, я к этому спокойно отношусь. Но некоторые считают, что период легковесной литературы миновал, и вот-вот возникнет прежний тотальный интерес к классике. Не будет такого. Будет нормальное соотношение по интересам: кто-то любит серьезное чтение, а кто-то облегченное. Я, кстати, иногда тоже его люблю. К примеру, я устал и не хочу читать перед сном философию Соловьева. Я хочу детектив Адамова или Вайнеров…

— Вы предпочитаете отечественные детективы?

— Да, хотя хорошо отношусь и к Чейзу, и к Кристи. Это прекрасная детективная классика. Мы ее, правда, не издаем, но если бы кто-то нам заказал и помог с реализацией, я бы с удовольствием издал и того, и другую.

— А «Русская книга» не может себе позволить издать то, что считает нужным?

— Не всегда. Книгоиздание — сложное дело, и тут я снова хочу вернуться к благоразумию Челябинска. Этот город — носитель здорового консерватизма, сторонником которого являюсь и я. Книгораспространение — самое уязвимое место в книгоиздании, и челябинцы молодцы, что сохранили книжную торговлю и в городе, и на селе. Может, потому, что здесь есть Ю. М. Жук, может, по другим причинам, но и руководители области поняли, что не нужно трогать книжную торговлю. В России ее сохранили лишь 10—12 областей. Потому я предлагаю челябинцам сотрудничество. Вместо того, чтобы книготорговцы гоняли в центр «КамАЗы» со своей продукцией, не лучше ли поступить так: директор издательства «Русская книга» кладет в кейс оригинальный текст книг Симонова ли, Чейза ли, макеты будущих изданий и везет все это в Челябинск, совместно с ним издает и здесь же распространяет. Восемьдесят процентов всех книг издается сегодня в Москве. На мой взгляд, это уродливая система. Дешевле и быстрее издавать и реализовывать книги на месте.

Сейчас я привез в Челябинск несколько книг, в частности, «Доктор в доме» известного английского медика Вольфа и «Шамиль в Москве и на Кавказе». Шамиль, оказывается, после того, как его пленили в Чечне, жил в Калуге, и жена губернатора написала о нем изумительную книгу. Мы ее издали. Об этом историческом герое — прообразе современного Дудаева — наверняка захотят прочитать многие. Зачем же вести книгу на

грузовиках в Челябинск, Курган, Оренбург, когда ее можно издать и продать здесь же? Идея создания совместного центра «Русской книги» и Челябинского книготорга, надеюсь, позволит это осуществить.

Все это интересно для меня, наверное, еще и потому, что я вырос в Челябинской области на далекой станции Тамерлан, где не было ни телевидения, ни радио, ни кино. И мама долгими зимними вечерами читала мне книги при свете лампы. Наверное, оттуда моя любовь к книге, и сейчас я думаю, что, занимаясь издательским делом, я вернусь к тому, ради чего и был рожден.

— Что означает для вас культура?

— Академик Ландау говорил, что образование — это то, что остается, когда все остальное забывается. Перефразируя академика, скажу, что культура — это то, что остается в человеке и сохраняет его человеческие качества, когда все остальное утрачивается. Культура определяет суть человека и отличает его от всех других существ на земле. Не надо путать это с образованием, можно иметь два диплома и быть некультурным человеком.

Я — внук двух казачьих родов, один дед — урядник, другой — вахмистр, и оба по сегодняшним меркам вообще были неграмотными, закончили только начальную школу. Но при этом оставались высокообразованными людьми. С «Тихим Доном» Шолохова, «Порт-Артуром» Степанова я познакомился благодаря дедам. И с точки зрения нравственности они были людьми глубоко порядочными. Я вырос в деревне и если во время прогулки не здоровался с кем-то из взрослых, то идущий рядом дед давал мне такого тычка, что я надолго запоминал: старших нужно почитать и уважать. Когда садились за стол, первым садился и брал ложку дед, и если он медлил, то мы все сидели и ждали, когда он это сделает. И это был не фетиш, а просто мы знали: труда дед вложил в эту чашку больше всех.

— Михаил Федорович, по идее вы должны быть авторитарным человеком…

— Я тоже размышлял об этом. Но у меня казачье воспитание сочеталось с удивительной романтикой и лиричностью, которые привносила мама. Она была небольшого роста, но у нее было удивительно большое сердце. Это она не дала мне стать авторитарным. Я с детства хотел понять другого человека, у меня никогда не возникало желания властвовать над ним. Чувство справедливости — тоже от мамы, и оно стержневое в моем характере. К примеру, я сидел на пленумах ЦК КПСС и всякий раз думал: ну, не вылазь, не надо, ведь сразу на тебя обрушатся партийные консерваторы, а в партии в последние годы было их

засилье. Но какая-то сила меня подталкивала, и я все равно шел на трибуну и начинал наживать себе врагов… Что заставляло меня поступать именно так? То самое чувство справедливости. Мне казалось, что если я этого не сделаю, мне потом будет стыдно перед своим внуком. Сейчас ему 10 лет и у него уральское имя — Данила.

— Вы всегда занимались политикой и даже вершили ее. Сейчас вам этого недостает в жизни?

— Мне очень нормально. Я дал себе слово, что не буду больше заниматься политикой. Потому что по натуре я просветитель, духовник. Мои седины позволяют мне быть откровенным. Я и в партии был больше просветителем, а до этого совершенно сознательно поступил в пединститут, куда шли одни девчонки. Я хотел быть учителем, хотел просвещать и видел в этом свое призвание. Занимаясь книгоизданием, я возвращаюсь к истокам, я не хочу больше заниматься политикой. Духовность выше ее. И я верю: настанет время, и мы будем жить по своим законам, и это будут преимущественно нравственные законы. Не верите? Давайте разберемся, откуда у нас столько преступности? Оттуда, что мы всегда жили в условиях жестких правил, а когда правила убрали и дали всем свободу, мы стали стадом, потерявшим пастуха с большой палкой и кнутом…

Однажды я был у друзей в Италии. Тогда изменилось правительство. И никто глазом не моргнул. Изменилось, ну и прекрасно. Метро и трамваи ходят, цены прежние, все в жизни так же, этому способствуют экономическая стабильность, многочисленные демократические институты, традиции. Я мечтаю о том, чтобы в России наступило такое же время.

— Как вы поддерживаете свой жизненный тонус?

— Я жесток по отношению к себе. В течение 20 лет бегаю не менее 3—4 километров ежедневно, независимо от погоды. Встаю полседьмого и час провожу на свежем воздухе, даже если случится землетрясение. Вообще, самое умное, что я сделал в Москве, — не приобрел ни дачи, ни автомобиля. Но зато я очень хорошо поселился — в Кунцево, где в 12-ти минутах от меня Москва-река и Филевский парк. Последние три года я завершаю зарядку и бег водными процедурами. Начинаю их в апреле, а заканчиваю 10 ноября, в день рождения.

Командировки в этом отношении выбивают из колеи. Хотя не люблю демонстраций. Когда люди приезжают, например, в Италию, извлекают кроссовки и тут же начинают бегать вокруг гостиницы — я это не приемлю. Я считаю, не надо выпендриваться. Дня 3—4 ничего не изменят. И я иду на некоторые нарушения режима в командировках. Но когда

возвращаюсь домой, снова встаю в половине седьмого, надеваю спортивный костюм, иду в парк — в общем, начинаю все сначала.

— Я вам желаю, чтобы последний приезд в Челябинск не очень вас выбил из колеи, и благодарю за беседу.

Борис Митюрев
Три встречи

Сейчас, когда за плечами тридцать лет журналистского стажа и, кажется, пришло время подводить итоги, невольно задаюсь вопросом: а как же случилось, что я вышел на журналистскую стезю? Ведь если вспомнить начало моей жизни — детство, юность, вроде бы ничего к этому не предрасполагало. Если бы я держался в уготованном мне русле, плыл по течению, наверняка бы унесло в какую-то другую сторону или затянуло в водоворот.

И мне вспомнились три встречи, которые пришлись на лучшие годы моей жизни. Три встречи, определившие судьбу…

Немного предыстории. По советским меркам генеалогическое древо у меня было с явной червоточиной: по материнской линии — правнук раскулаченного и внук репрессированного, по отцовской — поповский внук. Отец, Николай Евдокимович Митюрев, говорят, очень хорошо учился в школе, но в институт не смог поступить по причине происхождения. Работал бухгалтером в какой-то конторе, где и встретился с моей матерью, Александрой Васильевной Ермолиной. Брак свой, по моде того предвоенного времени, они не регистрировали и, разумеется, не задумывались, что потом это может привести к возникновению кое-каких проблем.

Родился я в сентябре 1941-го. Отец к тому времени был уже на фронте. От него пришло единственное письмо, в котором он выразил пожелание: если родится дочь, назвать Лидией, если сын — Борисом. Других вестей не было, кроме «похоронки», разумеется.

В 1947-м мать вторично вышла замуж за директора цирка Бориса Михайловича Ефимова, а я остался с бабушкой, Прасковьей Васильевной Ермолиной. Она не пожелала отдавать меня в новую семью и благодаря своему жесткому характеру сумела на этом настоять.

Мы занимали комнату в коммунальной квартире на втором этаже по улице Карла Маркса. На первом располагался хлебный магазин, где бабушка работала грузчицей: и днем, и по ночам выгружала «грохотки» с хлебом из прибывающих подвод.

Человек она была безграмотный, и ее долго гоняли по бюрократическим инстанциям, прежде чем она добилась, чтобы мне начали выплачивать пенсию за погибшего отца. Это произошло в 51-м году — я уже перешел в третий класс.

«Безотцовщины» своей не ощущал и не переживал, поскольку

многие мои друзья по двору и соученики в классе были в таком же положении.

Летом основным развлечением были дворовые игры и купание на реке. Если нас подбиралась большая компания, мы считали своим долгом пойти купаться на Сад-остров. Мы знали, что нас там с нетерпением поджидают «зареченские», которые контролируют оба моста к острову. По-моему, это было какое-то бессознательное подчинение традиции: обязательно пойти «стенка на стенку». До поножовщины дело никогда не доходило. Высшим достижением считалось влепить противнику «воркуху» так, чтобы он на несколько секунд отключился. Прием простой: сложить ладонь лодочкой и наотмашь попасть в ухо. Эффект действительно оглушительный или оглушающий — испытал на себе. Впрочем, и у меня в этом деле бывали удачи. Потасовка в таких случаях заканчивалась, пострадавшего приводили в сознание и все вместе шли купаться.

Были забавы и не столь невинные. Наш послевоенный коммунальный двор населяли и криминальные элементы. Под их руководством мы, пацаны, участвовали в набегах на так называемую «шинковалку». Крали что под руку попадет: арбузы, овощи, консервы…

Словом, жизнь катилась в «нужном» русле, к перспективам вполне определенным.

И вот тут я хочу вспомнить свою первую поворотную встречу. Зимой все каникулы и все выходные я проводил в цирке, благо мне был обеспечен бесплатный вход. После вечерних представлений с большим удовольствием оставался ночевать в квартире отчима, поскольку расположена она была в общежитии артистов цирка. Мне оно казалось великолепным, хотя, честно говоря, представляло собой огромный крестообразный барак, украшенный куполом со шпилем. Для меня оно главным образом светилось изнутри, поскольку давало возможность общения с весьма своеобразной публикой: с детьми артистов, а через них — и с самими артистами, объездившими всю страну, бывшими и за рубежом. Меня буквально ошеломляли их непринужденность, раскованность, откровенность, их увлеченность творчеством.

Часто бывал на репетициях — для меня это оказалось важным впоследствии, поскольку именно тогда начал понимать, какой ценой дается легкость исполнения номера перед публикой. Я был свидетелем, когда у артистов возникал замысел изменить номер: усложнить, внести в него новые элементы, порой весьма рискованные. Сопереживая им, я как бы становился соучастником мучительной черновой работы и впервые причастился к тому, что называется творческим процессом.

Думаю, мне повезло с этим кругом общения. Артисты цирка были в то время как бы не от мира сего. Свободные, как перелетные птицы, и, главное, искренние, непосредственные, избавленные от многих «совковых» комплексов.

А подружился я с Валерием Кострюковым, который был всего на пару лет старше меня, но уже в то время работал в номере своего отца — дрессировщика лошадей. Так случилось, что они отработали в нашем цирке два зимних сезона подряд, а потому и лето между этими сезонами мы провели с Валерием вместе.

Он меня приобщил к совершенно иным забавам. Начали с акробатики, жонглирования. Потом перешли к копированию некоторых клоунских номеров, которые знали наизусть. Гримировались, ходили по комнатам тех самых клоунов и внаглую пародировали их номера. Кстати, имели успех.

Потом начали придумывать собственные репризы, над которыми сами же в основном и потешались. Но венцом всему стали игры с магнитофоном — это чудо техники Валерию подарил отец. Мы записывали и прослушивали целые спектакли в собственном исполнении. В основе — импровизированные полубредовые диалоги, сопровождаемые шумом дождя, ревом моторов, раскатами взрывов и хлопками выстрелов, которые мы имитировали всеми мыслимыми способами.

Конечно, инициатором всех этих затей был Валерий, я лишь подражал ему, старался попасть в тон. Но однажды я его, что называется, переплюнул. Он был в восторге. Дело в том, что во время очередной записи ответы на его реплики я начал импровизировать в стихах. Получилось вроде бы впопад: и по рифмам, и по размерам. А потом он уже настаивал, чтобы каждый новый спектакль я отрабатывал именно так: он дает реплику в прозе — я отвечаю стихами.

После одного особенно удачного пассажа он воскликнул: «Ты же наш цирковой парень!..»

Помню, через несколько лет после нашего расставания я получил от него письмо из армии, в котором он буквально заклинал меня пойти в цирковое училище, зная, что я уже заканчиваю школу. Сейчас понимаю, что он хотел вырвать меня из серых буден, из бескрылости нашей и внедрить в свою цирковую почти цыганскую вольницу. Я благодарен ему, потому что он сделал для меня больше, чем предполагал. Он щедро поделился со мной своими стихийными дарованиями, помог раскрепостить фантазию, предрасположил к творчеству.

И тут впору рассказать о второй встрече, сделав к ней небольшое предисловие.

У отчима были нередки шумные застолья с артистами.

Гостями случались и знаменитости. Если вспомнить о хронологии, то могу перечислить: первый советский чемпион мира по тяжелой атлетике Григорий Новак, выдающиеся клоуны Михаил Румянцев (Карандаш) и Олег Попов, дрессировщица Ирина Бугримова, иллюзионист Игорь Кио… Появлялся иногда еще один человек, на которого я в то время не особо обращал внимания, поскольку он терялся на блестящем артистическом фоне. Не было в нем никакой экстравагантности: одет скромно, сам белесый, неприметный и даже в подпитии негромкоголосый — смешно и басовито бубнил себе что-то под нос. Однако после того, как отчим дважды настоял, чтобы этот человек после застолья остался ночевать, решил переспросить у матери: а кто это? Оказалось, корреспондент «Челябинского рабочего» Виктор Яковлевич Вохминцев, который пишет рецензии на новые цирковые программы. Не предполагал тогда, что последующее знакомство с ним тоже станет для меня поворотным.

Впрочем, по порядку. После отъезда Валерия Кострюкова стихи я не бросил. Разница была только в том, что теперь я их записывал. Когда перешел в десятый класс, увлечение приняло угрожающие размеры. Мать решила проверить, насколько все серьезно, и повела меня в редакцию «Челябинского рабочего», которая в то время располагалась по улице Коммуны в старинном двухэтажном особняке. Она ввела меня в кабинет ответственного секретаря, а за столом, заваленном бумагами, сидел Виктор Яковлевич Вохминцев.

Он приступил к делу без всяких предисловий. Отодвинул в сторону пухлую папку с газетными материалами, обмакнул ручку с мягким пером в чернильницу и… И тут я впервые узнал, а лучше сказать, на своей шкуре испытал, что такое правка. От моих виршей буквально не осталось камня на камне. Вохминцев уверенной и безжалостной рукой изрисовал рукопись вдоль и поперек. При этом каждую правку он басовито сопровождал беззлобным комментарием или обращался ко мне с ироническим вопросом, а я не знал, что ответить, и только кивал головой да разводил руками.

Вернувшись домой, еще раз вгляделся в злополучную рукопись. Бессмыслица, нагромождение образов, стилистические огрехи… Неужели это я сочинил?

И все же шока не было. Свой первый урок Вохминцев преподал мне так просто и так обыденно, что я без колебаний отправился к нему еще раз, а потом еще и еще. Приносил переделанные в соответствии с его правкой стихи, подбрасывал новые, которые ждала примерно та же участь, что и предыдущие.

Лишь позднее осознал, что зачастил уже не ради стихов, они как бы отошли на второй план. Мне нравилось наблюдать, а лучше — любоваться, как изящно, как артистично профессионал работает со словом, как он умеет аргументировать свое вмешательство в текст.

Наши занятия то и дело прерывались, он вызывал журналистов, кому-то с ворчанием возвращал оригиналы, указывал на неточности, объяснял, что и как переделать.

Я еще не мечтал о журналистике, но атмосфера редакции, манера общения этих людей мне уже нравились. Когда сдал выпускные экзамены, пришел к Вохминцеву и сознался, что в общем-то подумываю о журналистской работе. Он сказал, что одобряет, и порекомендовал ехать в Свердловск поступать на факультет журналистики.

Увы, я не мог себе этого позволить. К тому времени моя бабушка была уже инвалидом второй группы, и покинуть ее было бы просто жестоко. К тому же и средств на проживание в чужом городе у меня не было. Поступил на филологический факультет Челябинского пединститута, где сразу же начал сотрудничать с газетой «Молодой учитель». А с Вохминцевым в тот период состоялась еще одна запомнившаяся встреча.

Слегка поднабив руку в газетных жанрах, решил, что мне пора опубликоваться в «Челябинском рабочем». Возникла одна шальная, а точнее говоря, плутоватая идея, которую я осуществил, рассчитывая на безусловный успех. Виктор Яковлевич отреагировал примерно так, как я и ожидал. Он прочитал материал, так и не прикоснувшись к нему своей ручкой с мягким пером, откинулся на стуле, посмотрел на меня и расхохотался. Потом погрозил мне пальцем и буркнул: «Ладно, маэстро, оставь. Посмотрим…»

Вохминцев по достоинству оценил мою уловку. Материал вышел в свет практически без правок. Это была рецензия на новую цирковую программу, которую я отсмотрел раньше всех — в день генеральной репетиции, успев взять еще два микроинтервью у «звезд» советского цирка. В сущности, посягнул на давнюю сферу Виктора Яковлевича, рассчитывая на его понимание и великодушие. И не ошибся.

Иногда думаю, что в начальный период нашего знакомства я ему излишне докучал. Но даже если так, он ни разу не дал мне этого понять. Ни разу не обратился ко мне свысока. Никакой назидательности, никаких коммунистических сентенций. Для меня так и останется загадкой, почему он уделил мне столько времени и внимания. А спросить его об этом я уже, увы, не могу…

И, наконец, третья встреча, которая окончательно определила

выбор моего пути. Я учился на третьем курсе института, когда в газету «Молодой учитель» пришел ответственным секретарем выпускник МГУ филолог Владимир Катаев. Он начал с того, что убедил партком: при газете будет создано литературное объединение. Ему дали «добро».

Катаев, похоже, не сомневался, что те, кто пробует себя на литературном поприще, обязательно объявятся. И они объявились.

Правда, некоторые, обозначившись пару раз, исчезали насовсем. Зато костяк определился очень четко: Игорь Табашников, Николай Михайлов, Павел Ерисов, Владимир Тараканов, Татьяна Ухалова и автор этих строк.

Днем мы выполняли редакционные задания, работали в газетных жанрах, а вечерами собирались, чтобы обсудить свои «художества». Некоторые из получивших одобрение стихов и рассказов потом публиковались в газете. Причем не все проходило гладко: иногда Владимиру Катаеву приходилось убеждать цензуру, что в наших писаниях нет никакой крамолы.

Ее действительно не было, но, полагаю, цензура интуитивно почувствовала опасность: в литературных подборках отсутствовала традиционная советская тематика. Не было ни строчки, проникнутой коммунистическим пафосом, — и это настораживало.

Владимир Катаев был типичным «шестидесятником». Он понимал, что некоторая оттепель коснулась только столичных городов, а в провинции все та же леденящая атмосфера. Вот почему с помощью нехитрой селекции он подобрал группу студентов, способных воспринять новое, и попытался передать им свое миропонимание.

Заседания литобъединения не кончались разбором наших произведений. Мы знали: вот сейчас Володя привычно ткнет указательным пальцем в дужку своих очков и перейдет к главному. Многое из того, что мы чувствовали только подспудно, он облекал в формулировки. Мы начинали понимать, в какой системе живем, узнавать то, что эта система тщательно от нас скрывала.

Парадоксально то, что заседания литобъединения проходили в кабинете парткома. Найдись среди нас «стукачок», Володе бы не поздоровилось.

Но, слава Богу, обошлось без эксцессов. Через год Катаев собрался поступать в аспирантуру МГУ. Он побывал у ректора института Е. М. Тяжельникова и порекомендовал меня на должность ответственного секретаря газеты. Ректор издал приказ, несмотря на то, что я учился на дневном отделении.

Перед отъездом Володя подарил мне двухтомник «Дон Кихота» с дарственной надписью, которая заканчивалась известным девизом: «Без страха и упрека»…

А вскоре настал день, когда я, взяв в руки строкомер, уселся за редакционный стол и положил перед собой чистый макет газетной полосы. Считаю, что с этого момента я и начал профессиональную работу в газете.

Явленье музы, или Маленькая поэтическая антология

…Являться муза стала мне.

А. С. Пушкин

Мы назвали эту маленькую поэтическую антологию по пушкинской строке «…Являться муза стала мне». Это, кстати, первая попытка собрать под одной обложкой, с достаточной полнотой «охвата», стихи поэтов Челябинска.

При этом нужно учесть, что отбирались не просто стихи данного автора, а те, которые соответствуют тональности «Городского романса», то есть в основном лирика.

Не сразу нашли мы принцип построения нашей антологии. В конце концов, решили «разбить» челябинских поэтов на три поколения и внутри каждого «выстраивать» их в соответствии с алфавитом. Принцип этот нарушен только один раз: нам хотелось, чтобы антология открылась стихотворением Людмилы Константиновны Татьяничевой «Дорога», которое могло бы стать эпиграфом ко всей книге.

И еще одно пояснение. Деление поэтов по поколениям всегда бывает несколько условным. В раздел молодые авторы включены не по возрасту, а по поэтическому стажу, так что возрастной разброс здесь довольно большой.

Вера Киселева,

Наталья Рубинская,

Ефим Ховив,

составители антологии

Людмила Татьяничева

Дорога

Мы с тобой, дорога, квиты!
Ты вела меня, вела
через черные граниты,
где и вьюга не мела.
Через луг осеребренный,
через радугу-дугу,
лишь у пропасти бездонной
ты сказала:
— Не могу!
И тоскою человечьей
душу мне ты потрясла.
Я взяла тебя на плечи
и над бездной пронесла:

Лавина

Не от ножа или удушья,
обидней было бы всего
мне умереть
от равнодушья
иль отчужденья твоего!
Светла межгорная долина.
В руке твоей —
моя рука…
Но надпись грозную:
«Л А В И Н А»
не разглядишь издалека.

Минные поля

Прозрачны дали.
И ветра спокойны.
От ржавых мин очищена земля.
Но, отступая, оставляют войны
воспоминаний минные поля.
В людских сердцах лежат они незримо.

Их не найдет искуснейший минер.
В них скрыта боль о близких и любимых,
о муках,
не забытых до сих пор.
Как много нужно приложить стараний,
как надо нам друг другом дорожить,
чтоб обезболить боль воспоминаний
и память о погибших сохранить!

Вячеслав Богданов

Возы

В моем краю стояло лето,
Ложился в копны сенокос,
Тянулся в поле за рассветом
Дегтярный запах от колес.
Волы сопели и качались,
Дымилось поле от росы.
Тринадцать лет мне.
Обучаюсь
Мужскому делу — класть возы.
О, первый воз — судьбы начало.
Ходила кругом голова.
Мне сено снизу подавала
Тридцатилетняя вдова.
В моей работе непосильной,
Стремясь угнаться за людьми,
Навильник с шуткой подносила:
— «Подарок» Гитлера прими…
Вдова, она меня жалела.
Как не жалеть!
Ведь знали все,
Что был навильник тяжелее,
Чем я в штанах и картузе…
Ровнял углы я с интересом,
И на глазах мой рос успех…
Но только под зайчиным весом
Пушился воз,
Как первый снег.
Вдова подбадривала лестно:
— Ну, молодец!
Вот это зять…
Потом на дроги грузно лезла,
Чтоб сено намертво примять…
Но с каждым возом,
В травном шуме,
Я рос
И ширился, как стог.
И приподнял свои раздумья
Развилкой жизненных дорог.

И за любовь к земле
И зрелость
Мне горизонт, утер слезу…
И долго мне в пути виднелось
Другое детство на возу…

Покой

Хочу весны и тишины — до звезд.
От долгих верст окреп
И притомился.
В июльский день
Пришел я на погост,
Что за селом
В деревьях притаился.
Березы там — как белая молва
О людях тех,
Что на земле гостили.
А по крестам
Стекает синева
И закипает травами густыми.
И с детских лет я чту,
Как торжество,
Небес с землей извечное слиянье
И ощущаю кровное родство
С могилами,
Где спят мои селяне.
…Была война,
И острием беды
Морозы шли сквозь стены,
Словно гвозди…
В печах горели крыши
И сады,
Но все ж топор не звякнул на погосте…
В моем селе степей и васильков,
Когда война пожаром отметалась,
Не только работящих мужиков —
И деревца в округе не осталось.
В село весна врывалась напролом,
Не спотыкаясь о пеньки у дома…
И лишь погост
Зеленым островком
Летел на вечных крыльях чернозема…

Николай Валяев

Яблоня

Под окном моим яблоня в белом цвету
Так походит на давнюю детства мечту.
Облетел первый раз с этой яблони цвет,
Оглянулся вокруг я — а детства и нет.

Закипая, цветы снова виснут вразброс…
Не заметил и я, как друзьями оброс.
А когда в черный час вдруг свалился от бед,
Оглянулся на них — ни единого нет!

Только яблоне что? Все цветет да цветет.
И все думалось мне: «Где-то милая ждет».
Но летели в окно белым снегом цветы
Десять весен подряд! Не явилась и ты.

Я другую несу в зрелом сердце мечту.
Нынче яблоня вновь в самом добром цвету.
Может статься и так: будет сыпаться цвет,
Ты посмотришь вокруг — а меня уже нет…

Только яблоне что? Станет белой опять!
И под ней все равно будет кто-то мечтать.

Воробей

— «Жить, жить хочу! — кричал он. — Жить!»
Как будто жалуясь прохожим,
что он, привязанный на нить,
к ночи совсем замерзнуть может.

Я в руки взял его. Он смолк
и сжался весь, дрожа от страха.
Легонько срезав с лапки шелк,
я сунул пташку под рубаху.

А дома высадил на стол
и дверь закрыл на ключ от кошки,

под воду баночку нашел
и перед ним рассыпал крошки…

Замерз, бедняжка? Клюй же!..
Но
он расплескал небрежно воду
и грудью стукнулся в окно:
— «Жив! Жив!
Свободу мне, свободу!»

Света

Здравствуй, здравствуй,
Здравствуй, Света —
Светло-русая краса!
Дремлет солнечное лето
Не в твоих ли волосах?

Ты не бойся, я хороший!
И виной тому не я,
Что средь жизненных дорожек
Повстречалась мне твоя.
Повстречалась, да не просто —
Прямо по сердцу прошла…
Будь я чуть повыше ростом,
Лучше б парня не нашла.
Я с такой братвою дружен —
Не сшибешь любой пургой!
Может, я тебе не нужен?
Может, нравится другой?

Может, зря все это?
Что же…
И такое может стать,
Среди жизненных дорожек
Очень просто заплутать.
В людях проще заблудиться…
Но, судьбу свою кляня, —
Если плохо будет житься —
Вспомнишь, Светка, про меня!

Салисе Гараева

* * *

Не вместе мы с тобою и не врозь.
Не вместе, как бы сильно ни любили.
Не врозь, хотя нам не уйти из гнезд,
Что мы с другими в молодости свили.

Мое окно осенний дождь сечет,
Твое — заносит снежною крупою,
Две дольки яблока еще не плод.
А только дольки, как и мы с тобою.

И лишь мечты обманчивая вязь
Сведет пути у одного порога,
Высоким светом увлекая нас,
Одна любовь идет по двум дорогам

Перевод А. Турусовой

* * *

Золотая моя!
Шесть твоих сорванцов
В шесть сторон по стране разлетелись.
У любви твоей шесть согревались птенцов,
Шесть сердец от нее загорелись.

Мы — цветы твои, мама.
И в каждом из нас
Мед добра — все твое сбереженье.
Белый домик твой, мама, светлей каждый час,
Все сильнее его притяженье.

Перевод М. Аввакумовой

Николай Година

* * *

Это красное на синем
Ни о чем не говорит.
Просто кажется осинам,
Что листва на них горит.

Ветер яблоками сладко
Подышал из-за дерев.
Растворился без осадка
Пьяный, в кущах задурев.

Капли, время понимая,
Застучали не к добру.
Дождь, который снился маю,
Не приснился сентябрю.

От луны осталась долька,
Вот и дольки нет уже.
От тебя осталась только
Осень тихая в душе.

Гора

…Возмешь, бывало этот пик,
Чуть схожий с обелиском, —
Тебе покажется на миг:
До неба близко-близко!

Поднимешь руку — облака
Упругие повиснут
Сожмешь кулак — из кулака
В лицо дождинки брызнут.

А в тихий час, когда закат
Восходом станет где-то,
Дурачась, шалый звездопад
Зажжет в тебе поэта.

Туда, где мир шумлив и прост,
Сойдешь крылатым будто,
Неся в глазах соцветье звезд,
Чтоб подарить кому-то.

* * *

Здесь, у воды, такая тишина,
Такая глушь, безмолвие такое,
Что, кажется, воочию видна
Во всем перенасыщенность покоя.

Затянут белым поясом берез,
Синеет пруд глубинами прохлады.
А мы с тобой взволнованы до слез,
А мы с тобою несказанно рады.

Уставшие от города вдвойне,
Отвыкшие от запаха и цвета…
Сидим в траве, запоминая лето
Подробно, как разведчик на войне.

Анатолий Головин

* * *

Стремит куда-то, хороводит
озер гулливая волна.
Зовет меня, опять уводит
в рассвет родная сторона,
туда,
где птичий щелк не рвется
и в чащах сумрак голубой.
Где не болотца и колодцы,
а родники с живой водой.

И хорошо, что есть дорога,
отвага.
И мечта жива…
Что в тишине дремучей лога
растет волшебная трава.

В Суздале

«ИЛ» громыхнул над куполами,
И вздрогнула голубизна.
За вековечными валами
Молитвенная тишина.

И златоглавье храмов русских —
Души непостижимый взлет —
Из тьмы нашествий ханских, прусских
Нетленной чистотой встает.

И кажется, что снова рати
Идут на приступ. Кони ржут.
Но только Божьей благодати
На стенах русичи не ждут.

Пожары долы озарили,
Из-под копыт клубится мгла…
И вещие заговорили
На звонницах колокола.

Уж конников скуластых лица
Мелькают у ворот святых…
Сверкнули темные бойницы
Очами пращуров моих.

Иван Картополов

* * *

От снега на земле белым-бело.
Следы твои пургою замело.
Пускай сковал мороз окошко льдом,
Пусть непогожий день в разлуке прожит —
Я знаю: ты опять придешь в мой дом.
Следы твои напомнят вновь о том,
Что счастье невидимкой быть не может.

* * *

Какие были дни! Какие ночи!
Неважно — в шалаше ли, в терему.
Там были не глаза — там были очи,
Сияющие мне лишь одному.
Там было не лицо, а Лик Любимой,
В котором Богоматери черты,
С пещерных дней
В душе мужчин хранимый
И украшавший храмы и щиты.

Геннадий Комаров

* * *

Не теряю ни чувства, ни веры,
Но усмешки сдержать не могу:
Зачастили с тобой на премьеры,
Будто мы у театра в долгу.

Ты степенному обществу рада,
И шепчу я тебе невпопад
Про аллею тенистого сада
За ажурностью строгих оград.

Хорошо до рассвета, бывало,
И мечталось и пелось одним.
Не туда ли из этого зала
Мы сегодня в бинокли глядим?

Не теряю ни чувства, ни веры.
Только кажется мне иногда:
Юность — лучшая в жизни премьера,
Но когда это было?.. Когда?

* * *

Опять становится прохладно.
Легко одетый, я продрог.
Пожухли травы. Ну и ладно,
Всему, я думаю, свой срок.

Ручьям, и радугам, и росам,
Утиным выводкам, стогам,
К земле склонившимся колосьям,
Листу, упавшему к ногам.

Потешной бабушкиной сказке,
Армейской юности крутой,
Веселой свадьбе, женской ласке,
И — расставанию с мечтой!

Александр Куницын

* * *

Татьяне Рачеевой

Пошла по травам без дорожки,
Минуя взгорки и ложки,
Две беленькие босоножки
Держа в руках за ремешки.
И клевера дышали сладко,
Звенели солнечно шмели.
И были розовые пятки
В дорожной чуточку пыли…

Загадка

Загадку отгадай, спеки пирог
и победи трехглавого дракона —
и приходи к царевне на порог,
стань мужем по любви и по закону.

А я еще к царевне не ходил,
и царской свадьбы я не ожидаю.
Пирог испек. Дракона победил.
А вот загадку все не отгадаю.

* * *

Напились из луж воробей с воробьихой.
Задул теплячок — южный ветер-кочевник.
Прогнали морозы Авдотья-плющиха,
Василий-капельник, Герасим-грачевник.
Уже и прошел Алексей-с-гор-потоки.
И галки галдят, и стрекочут сороки!
С заморья на север торопятся птицы.
Подснежник на горке расправился в рост.
Илюха-пророк прогремит в колеснице,
И брызнет над пашнею дождь-вербохлест!

Михаил Львов

* * *

Опять зима забушевала.
Кругом пустынно и бело.
И снова мне в горах Урала
метелью сердце замело.
Снег пролетает и клубится,
как море возится у ног.
Поземкой быстрою дымится
и убегает как дымок.
Войду ль в тепло, приду ли к другу —
метель не тише, не слабей.
Опять заносит в сердце вьюгу
улыбка юности твоей.
На голову свою дурную
любовь накликал молодую.
Не знаю, что и делать с ней…
Или влюбиться — как разбиться?
Иль жарким лбом к снегам припасть?
Опять в метели раствориться,
как в океане, в ней пропасть?

В окружении читательниц

Еще я трогаю кого-то,
кому-то что-то говорю…
Пишу автограф свой в блокноты
и книги с надписью дарю.

И странно даже мне немного:
вокруг — и шум, и толкотня,
как на стареющего Бога,
студентки смотрят на меня.

Плати, судьба, хоть эту плату,
хотя бы в этом не покинь
и дай мне двигаться к закату
в сопровождении богинь.

Букет

Я нес букет — и пчелы за букетом
(откуда только в городе взялись?)
неслись, не отставая, следом —
от площади до набережной вниз,
они в трамвай влетели за цветами,
на остановке вылетели с нами,
и вот букет попал к тебе на стол,
еще не отряхнувшийся от пчел.

* * *

Конечно, лучше б, если бы мне —
двадцать,
Когда и ты настолько молода.
Но мне не двадцать. И куда деваться?
Куда девать прожитые года?
Конечно, лучше б, если бы — без
прошлого
(когда ты вся — без прошлого. Без лжи.),
без всякого — плохого и хорошего.
А если есть, куда его? — скажи.
Куда поставить прожитые годы
и добрые и злые времена,
падения, ошибки, непогоды
и добрые и злые имена?
Куда девать все это мне, о память,
и в переплет какой переплести?
Иль снова это прошлое опламить,
под полное сжиганье подвести,
в высоком жаре жизни переплавить,
как жаркий сплав тебе преподнести?
И может, лучше, что приду — со сплавом.
Как бы со слитком золота к тебе —
не робким, начинающим, не слабым —
испытанным в страданьях и борьбе?
И если б вплавить
молодость и зрелость
в двух лицах —
в жизнь одну нам удалось —
как дальше бы и пелось и горелось!
И до твоих

седых волос
жилось.

Вадим Миронов

* * *

Улыбаясь светло и молодо,
Солнце в мае
из года в год
Полновесные слитки золота
Рощам весело раздает.

Но как только повеет холодом
Резкий ветер из-за реки,
Разменяют березки золото
На осенние медяки.

Июль

Бруснично-розовы рассветы,
И лес уже откуковал…
Стоит июль — вершина лета,
Под самым солнцем перевал.

Июль и август, как два склона,
На них с вершины погляди:
Цвет позади —
росно-зеленый,
И знойно-желтый —
впереди.

Повсюду, сколько взгляда хватит, —
Зеленый цвет и желтый цвет…
Не знаю,
кстати иль некстати
Я вспомнил, что мне сорок лет.

Я на вершине перевала,
Июльский зной в моей груди.
Прошла весна,
отбушевала,
И время жатвы — впереди.

Константин Скворцов

Шарманщик

В городе Туле в старинном посаде,
не признавая тяжести лет,
ворот рванув, умер добрый мой прадед.
Умер, а я появился на свет.

Скажут о нем — балагур и обманщик.
Скажут и следом забудут про все…
У перекрестка вечный шарманщик
Плачет и крутит свое колесо.

Лебедь летел и кричал ошалело.
Все в этой жизни, знаю, не вдруг.
Видимо, новое горе приспело:
Умер отец, но родился мой внук.

Новые лебеди низко летели.
Острые крылья касались земли.
Матушку белые вьюги отпели,
А по весне внучку в дом принесли.

Что же теперь мне в бессмертье рядиться?
Вечность прекрасная мне не жена.
Если умру я и правнук родится,
Значит, Россия наша жива.

Скажут мне вслед — балагур и обманщик.
Скажут и тут же забудут про все…
У перекрестка вечный шарманщик
Плачет и крутит свое колесо.

* * *

Опять сегодня с крыши каплет,
И ветер ходит по куге,
И старый глобус мокрой цаплей
Уснул на тоненькой ноге.

Ему, наверно, снятся тропы,
Стада оленей, облака.
И я боюсь рукою тронуть
Его потертые бока.

Прислушаюсь,
Как с крыши каплет,
Как ветер ходит по куге…
И мир предстанет
Чуткой цаплей,
Уснувшей на одной ноге.

Вино победы

На все века одно лекарство,
один магический кристалл:
Свобода. Равенство и Братство…
Как я от этих слов устал.
Вы повторяете их всуе,
Но час придет держать ответ:
один запьет, другой спасует
и третьего простынет след.
Я с вами был в одной упряжке
и не боялся вещих слов.
Читал призывы по бумажке,
слыл потрясателем основ…
Как упоительна победа.
Ах, тот магический кристалл…
Я меда этого отведал
И сам взошел на пьедестал.
Остались позади все беды —
Я выиграл с собой войну…
Кому нести вино победы,
ответьте, милые, кому?..
Ведь я играл, не зная правил.
И все, что Бог мне в жизни дал:
— Оставь во имя!.. — Я оставил.
— Отдай во имя!.. — Я отдал!..

Валентин Сорокин

Мать зовет

Много ездил
И не удивился:
Скоростями
Шар земной ужат.
Хорошо родиться,
Где родился,
Умереть,
Где прадеды лежат.

В облаках веселая
Крылатость,
Скачет ветер,
Листьями звеня.
Но опять —
Тоска и виноватость
Неотвязно
Мучают меня!

Рыцарями чести,
Не гостями,
Мы прошли
И суши, и моря.
Все дороги
Кровью и костями
К тишине
Приложены не зря.

Замирают
Ливневые громы,
Шорохов и звуков
Ночь полна.
Потому, наверное,
И к дому
Так зовет
Тревожная луна.

Словно мать,
Она из страшной дали

Вырастает:
Скорбные глаза.
Не звезда по небу,
А по шали
Катится
И катится слеза.

* * *

Стозвонных далей розовость,
Баюкающий день.
О светлая березовость
Российских деревень!

Там, где плела Аленушка
Любимому венки,
Выныривает солнышко
Из глубины реки.

И капли громко падают
Со жмурчатых ресниц
На вербу конопатую,
На хороводы птиц.

То перезвон кукушечий,
То щелканье клестов,
То рокотня лягушечья
В болоте у кустов.

Средь городской поспешности,
Асфальтовой пыли
Я очерствел без нежности
Моей родной земли.

* * *

То ли лебеди, то ли метели
Над моей головой пролетели.

Как забытые в детстве поверья,
Вдруг посыпались белые перья.

То ли юность моя прокатилась,
То ли просто мне это приснилось,

И в холодном январском рассвете
Взвихрил горе притихшее ветер.

Честно жил я, а глупо ошибся…
И упал, и надолго ушибся.

И теперь, как голодный по хлебу,
Я тоскую по небу, по небу!

Владимир Суслов

Хозяин

Подытожил рубанком труды,
посвистел на верху перекладин.
— Слышишь, Анка, — примерил, — лады?
И наличники к окнам приладил.

Так, штришок… Небольшая деталь,
да и та, по всему, допотопна…
Но смотрите, как светится даль
и смеются от радости окна!

Наталья Багрецова
Я доверяю этому городу

Челябинск часто бранят. И грязный он, и вечно раскопанный, и атмосфера отравленная. Я никогда не спорю, так как это правда. Но в душе больно: ведь это мой любимый город.

Я не родилась в нем, и детство мое не здесь прошло. Я и жила-то в нем немного: семь лет в войну и после, да семь лет сейчас, на склоне годов. А сорок лет лишь наездами, на пару дней, с промежутками по пять и десять лет.

А ведь были в жизни и другие города: старинный Таллинн, например, или фантастически прекрасный Фрунзе (Бишкек), утонувший на фоне величественных снежных гор. Не говорю уж про Москву и Ленинград, про мой «родной» областной Курган, где приходилось жить неделями на учительских курсах, да немало было и других городов. Но любимый все равно Челябинск.

В юности я была, конечно, романтиком, и романтизм мой питался книгами о великих стройках. Поэтому, пересекая страну от Прибалтики до Урала на подножке эшелона, я жадно искала взглядом фабричные трубы и корпуса заводов, досадуя, что их попадается на пути так мало! Слова «экология» тогда еще не сочинили, а к природе относились однозначно: покорять!

Не удивительно, что Челябинск с его гигантами-заводами покорил мое романтическое сердце.

Есть на проспекте Ленина, на перекрестке улицы Российской, самая возвышенная точка. В войну там многоэтажных домов не было, ничто не загораживало горизонт. И вот выйдешь на пригорок, и открывается вид на ЧТЗ и Ленинский район. На зеленоватом фоне позднего зимнего рассвета смутные громады зданий и дымы, дымы, дымы… Картина эта вызывала у меня восторг и гордость.

Те же чувства я испытывала, добираясь к подруге на Сельмаш. Девять труб ТЭЦ, из которых две отдыхали, а остальные деловито извергали разноцветный густой дым. Трубопрокатный. Завод металлоконструкций. Сельстрой. Отдельным островком КПЗ и С. И все это построено в годы войны! В холоде и голоде, при двенадцатичасовом рабочем дне! Это ли не памятник человеческому труду, терпению и выносливости! И как по сердцу пришлись мне сказанные через десять лет слова Твардовского: «Урал! Опорный край державы!»

К гордости за челябинцев примешивались и гордость за себя. Ведь и я немножечко участвовала в этом коллективном подвиге.

Чувство общности с народом в его самый трудный час пришло ко мне именно здесь, в Челябинске. Для людей моего поколения годы войны — самые главные годы нашей жизни.

В прекрасном южном городе Фрунзе мне, шестнадцатилетней девчонке, не раз приходилось подниматься по мраморной лестнице управления НКВД. Вежливо, но настойчиво там интересовались, почему мы сюда приехали, почему жили в Прибалтике, кто мы и что мы. Там я работала на строительстве военного завода, но никакой гордости не испытывала, а лишь чувство унижения от того, что мне не доверили стоять у станка, выпускавшего патроны, а только таскать на носилках глину и кирпичи. И все потому, что я не там, где надо, родилась и жила.

А Челябинск не разделял людей по сортам. Он по-братски принимал всех, ставил к станкам и машинам. Здесь я почувствовала себя полноценным человеком, здесь узнала я гордость трудовых успехов в овладении профессией. Здесь вспыхнуло желание учиться, поддерживавшее меня пять трудных — труднейших — лет. В Челябинске, наконец, мне повезло встретить много хороших людей, которым хотелось подражать, равняться на них. Просто мысль, что эти люди есть, помогала жить.

Челябинск остался в сознании, как очень организованный, трудовой и честный город. Привычка сверять по нему жизнь осталась навсегда. Стоишь на остановке в воспетой Гоголем Полтаве, битый час ждешь троллейбус и думаешь: «Нет, у нас в Челябинске троллейбусы лучше ходят!..» Или едешь в поезде «Сочи — Тбилиси», проводник насадил безбилетников, тесно, грязно, про чай не заикайся, и как светлое видение встает фирменный поезд № 13 «Челябинск — Москва»…

Так как я появлялась в Челябинске редко, мне особенно бросались в глаза происходившие в нем перемены. Широкое Копейское шоссе. Обтекаемые, почти бесшумные трамвайные вагоны. Неожиданно (для меня) появившиеся подземные переходы. Исчезновение знакомых бараков, а вместо них — новые многоэтажные микрорайоны. Новый вокзал! Новый цирк! Новые челябинцы — хорошо одетые, с книжками, с умными разговорами…

Сейчас в Челябинске многое меняется. Есть и перемены к худшему — это неизбежно, это везде. Идет переоценка ценностей, меняется поведение людей. Но я все-таки верю, что наш суровый и добрый город достойно пройдет все испытания, что возобладает здравый смысл и челябинцы сохранят выдержку и умение трудиться. Я рада, что в это смутное, переломное для Родины время я оказалась опять в Челябинске. Я доверяю этому городу.

Мария Мочалова
Друзей моих прекрасные черты

Прогулка по городу

Прогулка по городу… Но Челябинск огромен и некомпактен. Если до конца XIX века город рос естественным путем, оставаясь плотно сколоченным, не спеша отодвигая окраины от центра, где над морем одноэтажных и редко двухэтажных домов господствовали храмы и безраздельно царил величественный Христорождественский собор, то позже, с развитием промышленности, как ни досадно, в город пришел беспорядок, начиная даже с железнодорожных путей: проложенные к случайно размещенным предприятиям, например, к элеватору, они бессистемно расчленяли территорию города. Жилые массивы складывались близ возникавших промышленных гигантов. Годы и социальные заказы отзывались на их архитектуре: формалистический конструктивизм, неоклассицизм, «борьба с излишествами», типовуха, «хрущевки», многоэтажные шеренги с пугающе широкими дорогами, так называемый «постмодерн» с фальшивыми выпусками стен «силуэта».

Но архитектура — великое искусство. Разговаривать с нею надо только на Вы. Архитектура, тем более жилая, должна быть серьезной и теплой, приветливой, внушать спокойствие, надежность, умиротворение, существовать, прежде всего, для тебя, для человека, а не для машин. Именно такие черты присущи большинству старинных челябинских построек.

Откроюсь вам: ведь если бы не они, то, пожалуй, и не застряла бы я на всю жизнь в этом индустриальном городе. Для меня, выросшей на приокском рязанском раздолье, показался чужим гипертрофированный заводской Челябинск. Пугал безоглядный рост экологически вредных предприятий, поглощавших и без того чисто символические защитные зоны. «Челябинцам не жаль ни природы, ни людей: пришлые они; плохо станет — в другое место уйдут», — думала я.

Но… старые кварталы, старые улицы с деревянными и каменными домами и лавками, добротными надворными постройками, часто двухъярусными, — все это открыло мне своеобразную архитектурную и традиционно человеческую историю Челябинска, торгового города, когда размеренно текла жизнь за окнами со ставнями и резными наличниками, когда

приветливо зазывали украшенные «солнышками» тесовые ворота.

Меня охватило страстное желание побольше узнать о прошлом челябинцев, ставивших избы и дома так ладно и так прочно не на один век. А с изучением истории города, его корней пришли глубокое уважение и настоящая любовь, желание защитить его, сохранить его неповторимую красоту. Именно неповторимую! Ни один дом, ни один наличник не повторяются. Вот, например, прибрежная улица Красного Урала в Заречье… Ах, какие славные дома уничтожили здесь «благодарные потомки»: каждый дом — драгоценный экспонат архитектурного музея. Разве нельзя было, благоустроив, примирить их с сегодняшним днем? Ведь старые кварталы не составляли и одной двадцатой части города. Сберечь их надо было как эталон строительного мастерства, как лекарство для сохранения или привязанности к родному городу. Но все лучшее из деревянного зодчества уже уничтожено, да многое и из каменного, например, челябинские лавки, лавочки.

Маленькие, коренастые по фасаду, в два окна с дверью посередине, но емкие в глубину, со стенами из кирпича или дикого камня, с задиристым, подчас наивным, силуэтом, они наделяли торговый Челябинск особой характерностью. И сейчас пригодилось бы…

Только теперь, перекормленные типовыми повторами новых жилых микрорайонов, можем мы оценить врачующую благотворность разнообразия в архитектуре — при цельности, гармоничности застройки, ее соразмерности человеку.

Бывало, когда навалятся неприятности, станет худо и муторно на душе, уходила я к старым домам, воротам. И там, сидя на скамейке, прислоняясь щекой к теплой веере (ведь дерево и зимой теплое), вдруг чувствовала, как мир нисходит в душу, обиды «усыхают» до терпимых размеров. И снова тянуло к людям, к работе, хотелось больше доброго сделать городу.

Прогулки по Челябинску… Дивная осень стоит в этом году. Она скрашивает безликую архитектуру на АМЗ, упрощенный конструктивизм на ЧТЗ (впрочем, довольно привлекательный честностью и единством замысла); особая уютность окружает челябинцев на ЧМЗ, особенно в районе проспекта имени Б. Хмельницкого. Довоенные жилые дома на КБС, по улице Свободы, по проспекту Ленина в большинстве своем обладают приятными пропорциями, деталями и, главное, лишены порока тиражирования. Но нельзя объять необъятное. Задержусь и у домов близ кинотеатра имени Пушкина, вспомню молодых авторов этих скромных приветливых построек… Пусть «друзей моих прекрасные черты появятся… И растворятся снова»…

…Однажды в сквере у кинотеатра Пушкина я нечаянно подслушала разговор между двумя семьями:

— Какими судьбами! Вы, что же, теперь тут, поблизости, живете?

— Да нет. Живем мы на Северо-Западе. Но любим сюда приходить: уютно здесь; дома небольшие, неодинаковые… В общем, нам здесь нравится.

Так неизвестные мне люди одобрили труд моих коллег — моих однокашников по Московскому архитектурному институту.

Беззаветной жаждой деятельности отличались они, приехавшие в сорок седьмом году в Челябинск по окончании Московского архитектурного института: Федор Серебровский, Абрам Ривкин, Борис Петров, Анатолий Кладовщиков, а также двое из ЛИСИ: Ирина Рожкова и Алла Искоскова.

Конечно, приходится сожалеть, что на этом месте было ликвидировано кладбище, а кинотеатр имени Пушкина (архитектор Я. Корнфельд) встал на месте церкви. Но к нашему приезду от кладбища уже не оставалось никаких следов. Со временем кинотеатр с окружающей и прилегающей застройкой стал одним из самых привлекательных мест города. И как градостроительный ансамбль включен в реестр памятников архитектуры.

На двух домах вы увидите мемориальные доски в память архитекторов. Одна из них на доме № 29 по улице Тимирязева — в память о Федоре Львовиче Серебровском — талантливом зодчем и педагоге, заслуженном архитекторе России. Оригинальный жилой дом по улице Цвиллинга, 35, с «утюжками» (так прозвали мы между собой двугранные эркера), с добрыми лепными рельефами на них — одна из первых серьезных его работ. К особо значимым в городе надо отнести и его здание Челябэнерго на площади Революции: оно отличается выразительностью и монументальностью, прекрасно поддерживает просторную площадь и в то же время насыщено очень выразительными деталями, приближающими крупное здание к человеку.

Совсем неподалеку, на улице Цвиллинга, — его Дворец культуры железнодорожников, известный своей притягательностью, особенно для молодежи. Настоящий дворец! Но присмотритесь: какими скромными средствами, материалами достигнута его дворцовая торжественность. Для этого нужно быть истинным мастером. Он же, архитектор Серебровский, — главный закоперщик при создании комплексов молодежных общежитий на ЧТЗ по улицам Труда и Горького (в соавторстве с К. Евтеевым и Б. Петровым) — с запоминающейся башенкой на углу. И, конечно,

автор многих других работ.

Мемориальная доска на доме № 35 по улице Цвиллинга напоминает об архитекторе Ривкине Абраме Борисовиче. Он и построил этот жизнерадостный дом с лоджиями, арочным проездом. На редкость удачно поставленный на изломе улицы, дом этот знаком всякому челябинцу. Еще бы! В нем расположена популярная «Лакомка» (впрочем, по проекту первый этаж предназначался для магазина «Автомобили»). С его руководящим участием проектировался угловой дом по улице Цвиллинга, 37 (совместно с Д. Берштейн). Коснувшись творчества А. Ривкина, нельзя не упомянуть о большом доме на проспекте Ленина, 71. К сожалению, этот крупный сгармонизированный организм расчленяется на части различной покраской и способом содержания.

Дом напротив «Лакомки», Цвиллинга, 38, через трамвайную линию (архитектор Е. Александров), удивляет своими спокойными архитектурными мотивами. Впрочем, не забудьте, что Александров нагнетает выразительные средства на здании по мере приближения его к площади Революции. Об архитекторе Александрове требуется отдельный разговор. Это необычайно плодовитый, преданный архитектуре и городу зодчий. И, посекретничаю, как знать, может, и не поехали бы мы в Челябинск, если бы не его агитация в Московском архитектурном институте в сорок седьмом году…

Разумеется, достойно внимания и творчество других челябинских архитекторов: Т. М. Эрвальда, Б. А. Бирюкова, В. Я. Гофрата, К. Д. Евтеева, О. П. Ишукова, М. Г. Семенова и других. Но нельзя объять необъятное, поэтому вернемся к скверу у кинотеатра — на своеобразный «остров премьер» молодых архитекторов.

Угловой дом с башней (Цвиллинга, 39) архитектор Борис Петров достраивал, перепроектировал заново (дом предполагался трехэтажным). И если все угловые дома на этом перекрестке отозвались на свое местоположение каким-либо акцентом, то на доме № 39 этот акцент наиболее выразителен — башня. Знаю, автор не раз сожалел о недостаточной высоте ее. Может, он и прав. Тем не менее очень экономны примененные изящные детали, гладкий — только набранный, без кронштейнов, карниз, — вся эта сдержанность убранства помогает выразительности угловой башни. Она, бесспорно, господствует, причем место на перекрестке и на рельефе таково, что этот небольшой дом приобретает флагманские черты. Это был первый большой проект молодого архитектора Бориса Петрова. Потом были и Государственная публичная библиотека на проспекте

Ленина (в соавторстве с архитектором М. Мочаловой), и комплексы молодежных общежитий на ЧТЗ (в соавторстве с К. Евтеевым и Ф. Серебровским — премия СМ СССР), и выставочный зал Союза художников, и ансамбль четырнадцатиэтажных домов по проспекту Ленина, и многое другое. Но, может быть, самым задушевным созданием мастера осталась скромная первая постройка.

Вплотную к этому дому по улице Тимирязева, через проезд, примыкает дом, построенный по проекту архитектора Анатолия Кладовщикова, — тоже одна из первых работ молодого зодчего. Природа щедро одарила его талантами. Кладовщиков не только вдумчивый, яркий архитектор, но и блестящий рисовальщик, шаржист, рассказчик. Литературная одаренность его не раз приводила нас в восторг. Впрочем, известно, что одаренный в какой-то области искусства человек, как правило, бывает разносторонне одаренным. Все мои друзья увлеченно рисовали. Но Ф. Серебровский особенного совершенства достиг в рисунке пером; Б. Петров писал маслом, я влюблена в акварель. И так до седых волос…

Но вернемся на улицу Тимирязева. Между домами Петрова и Мочаловой (так между собой говорили мы о наших созданиях) оставалось свободное место. А. Кладовщиков заполнил его очень деликатно, не повторяя приемов соседних домов и не нарушая стилевого согласия. Вместе с тем очень пластичные стены его дома приятно контрастируют с почти гладкими стенами соседних, что вносит разнообразие при общем согласии архитектуры. Это один из главных принципов московской архитектурной школы. У Кладовщикова он просматривался во всех его работах. По его проекту построено одно из зданий, формирующих площадь Революции, — угловой дом с магазином «Ритм», при любом освещении играющий мужественной пластикой своих стен. Им же мастерски сделана в свое время реконструкция ДК ЧЭМК. Проект кинотеатра имени 30-летия ВЛКСМ А. Кладовщиков делал в соавторстве с архитектором Михаилом Семеновым — прекрасным человеком с трагической судьбой…

И «мой» дом, как уже упоминалось, включен в застройку вокруг кинотеатра; это угловое здание с гастрономом (Тимирязева, 29), к которому пристраивал Кладовщиков «свой» дом, отчасти продолжив мотив сграффито до раскреповки, чем проявил великую чуткость.

«Что за сграффито?» — возможно, спросит читатель.

По двухслойной цветной штукатурке в соответствии с шаблоном выцарапывается верхний слой. Непросто было

архитектору добиться осуществления сграффито на такой большой площади. Пришлось и поработать с мастерами на лесах, процарапывая орнамент. По существу, очень сдержанная архитектура дома с гладкими стенами и редкими сандриками (все балконы — со двора) имела две изюминки: угловой эркер на скульптурной акантовой корзине (так называется поддерживающая часть эркера) и сграффито на ризе высотою в этаж. Сграффито проникало и внутрь дома — в интерьер магазина: покрывало орнаментом плоскости арочных ниш за прилавками и даже было запроектировано в три цвета, выполненное лишь через… 40 лет постройки — во время капитального ремонта. И на том спасибо… Да еще изюминка: пристенный фонтан — с улицы Пушкина.

Неподалеку от этого дома, рядом с ДК железнодорожников, построен по моему проекту железнодорожный техникум; здание техникума должно быть и серьезно, и выразительно, но не претендовать на первую роль, хотя по высоте и больше Дворца, должно подчиняться ему. Этому деликатному обстоятельству пришлось посвятить немало усилий. Пришлось «сбивать» скульптуры (еще в проекте отказываться от них), многое упростить. Примечательностью здания назвала бы цилиндрический объем на углу с круглыми колонными залами под купольными сводами на каждом этаже.

Дорогие мои однокашники! Прекрасные мои! Сейчас, из дали воспоминаний, я еще больше чем прежде любуюсь вами — лохматыми, кудрявыми, вспоминая о том времени, когда вместе работали, спорили, помогали друг другу в авральные дни и ночи, корпели над конкурсными проектами.

Первые годы все мы жили в гостинице «Южный Урал», и вместе с нами городской архитектор Иван Еремеевич Чернядьев. Самобытная личность! О нем нужен отдельный рассказ. Без его поддержки не был бы таким плодотворным начальный период нашего творчества.

Какая это была жизнеспособная, спаянная группа голодранцев! На неустроенность внимания не обращали. Работали взахлеб: и после рабочего дня, и сверх объема, дабы не мыслить штучным зданием, а прочувствовать, как оно впишется в окружающую среду, не диссонирует ли с близлежащими домами. Вот и шли из-под наших рук развертки, перспективы сверх необходимого, положенного. Или — сверхнеобходимые?!

Может, потому и умиротворяет, притягивает созданная таким образом архитектура?..

Галина Зализовская
Один город и вся жизнь

Из семейных преданий

В ночь под Новый год

31 декабря 1926 года я проснулась с ощущением чего-то радостного. Наступает Новый год! Мама всегда говорила, что в ночь под Новый год случаются всякие приятные неожиданности и даже чудеса.

Вдруг мне послышался из кухни взволнованный, почти плачущий голос мамы, и другой голос — соседки Прасковьи Ивановны. Мы жили, семь семейств, на втором этаже каменного дома по улице Мастерской, ныне Советской.

Спрыгнув с кровати и накинув платье, несусь на кухню и замираю на пороге: мама, моя милая нежная мама, сидит на кухонной лавке и плачет. А у русской печи валяются мокрые обуглившиеся поленья, на столе расплывается выложенное тесто.

Я обнимаю маму, осторожно прижимаясь к ней. Я знаю — мы ждем ребенка, а он должен появиться в начале марта. Прасковья Ивановна тоже подходит к маме, гладит ей плечи и ласково говорит: «Анюта, перестань плакать, это вредно. Пойдем. Ляг и успокойся. С тестом я сама управлюсь, больше никто дрова из печи не выбросит».

Мама встает с лавки и, охнув, садится обратно. Мы ждем, когда мама поднимется, бережно ведем ее в нашу комнату и укладываем в постель. Прасковья Ивановна дает ей капли, и мама вроде успокаивается.

Вскоре пришел папа, поцеловал маме руку, погладил по голове, говоря: «Все будет хорошо, только не волнуйся». Мама слабо улыбалась, иногда стонала. Я поняла, что ее отвезут в больницу, и заплакала.

Прасковья Ивановна стала одевать маму. Я стояла у двери, полная решимости ехать вместе с мамой и помогать ей. Папа бережно повел маму по лестнице, я шла за ними.

У подъезда стояла лошадь, запряженная в сани. Была ли это «скорая помощь» или просто нанятый возница — я не знала. Маму усадили в сани, прикрыли ноги попоной, и лошадь тронулась. Я бежала за ними и кричала: «Мама, я с тобой!

Голубушка, возьми меня!» И еще не помню что. Меня насильно увел с улицы сосед с нижнего этажа. Наплакавшись, я успокоилась и уснула. Проснулась, когда уже наступили сумерки, и стала ждать маму.

Вскоре пришел дедушка, он был старенький, но бодрый и никогда не унывал. «Ну, Копалуха, — так он меня звал, — вот тебе новогодние гостинцы, а это вот для малыша», — и положил на сундук около голландской печки рукав от шубы, приговаривая: «Вот тебе парилка, вот тебе парилка, вот тебе парилка! Расти быстрей да хорошей!»

И как же потом пригодился этот рукав! Малышку два месяца держали у печки в этом рукаве.

Проснулась я, видимо, ночью. Соседи встречали Новый, 1927 год, а я была совсем одна. Стукнула дверь — это пришел папа. Сняв полушубок, обнял меня. Я робко спросила: «А где мама?» Папа сказал мне, что у мамы родилась дочка и мама пока с ней в больнице.

— Пап, а почему девочка родилась сегодня? Ведь ее мы ждали только в начале марта?

Папа объяснил мне, что это произошло из — за сильного маминого волнения, из-за ссоры утром на кухне, и наша девочка родилась в двенадцать ночи.

— А как мы ее назовем?

— Татьяной, — ответил папа.

— А она хорошенькая? — продолжала допытываться я.

— Она очень маленькая, — уклончиво ответил папа.

И, обняв его, я подумала, что мама права, говоря о чудесах под Новый год.

Вот и случилось чудо из чудес — в ночь под Новый год родился человек.

Пушкинский сад

Раньше Челябинск был небогат зеленью. Было всего три оазиса, три зеленых участка, где можно было отдохнуть. В центре города был старый сквер, который называли Сиреневым. Там росла только сирень, был фонтан, скамейки, позже поставили скульптуру — трехлетний Ленин, работа скульптора Татьяны Щелкан.

Второй уголок — это «Сад-остров» на реке Миасс, с кинотеатром, рестораном, эстрадой и лодочной станцией. Мы, девчонки, очень любили бегать туда в кино. В летнем кинотеатре всегда было прохладно, и шли, как нам тогда казалось,

потрясающие кинофильмы — «Ванька-ключник», «У камина» с участием красавицы Веры Холодной, «Гримасы Парижа» и много других.

Судьба этих зеленых мест печальна. Остров превратили в какую-то базу, а сиреневый скверик, как и его продолжение до улицы Кирова, уничтожили. Теперь там «Вечный огонь» и памятник танкистам-добровольцам. И зеленые насаждения вырублены, и видится это место пустым, хотя и с названием «Аллея Героев».

Но самым приятным местом для гуляний и отдыха в дни моего детства и юности был городской сад имени Пушкина. Прекрасный старинный, скорее даже парк, чем сад. О нем мне непременно хочется рассказать особо.

Справа от входа в сад стоял красивый фонтан, от которого до ресторана шел цветущий газон. Сам павильон, выкрашенный в зеленый цвет, был весьма причудливой архитектуры — с теремками на втором этаже, с открытой верандой, где читали газеты, играли в шахматы, шашки. Имелась здесь и бильярдная комната. Немного дальше, за рестораном — танцевальная площадка. Слева от входа шла красивая березовая аллея, рядом с ней находилась открытая эстрада в виде раковины, а немного дальше кинотеатр.

В центре сада стоял летний театр, где каждое лето выступали гастролеры, и очень известные: оперетта Леонтовича, Леонид Собинов, Папазян, Клавдия Шульженко.

В мае 1931 года афиши в городе извещали, что летом в горсаду будет гастролировать Пермская опера, которая уже тогда имела широкую известность. В конце сообщалось, что для участия в массовых сценах требуются статисты.

Мы с подругами Аней Игумновой и Ниной Барабановой решили пойти статистами, мечтая прослушать все оперы бесплатно. Обратились к контролеру зала, она направила нас в комнату за сценой. (Это, как оказалось, была наша гримерная.) Волновались так, как будто нам предстоит петь главные партии. В комнате уже было человек восемь-десять молодежи, среди них мой знакомый Витя Лукин и его товарищ Вася. У столика стоял довольно высокий худощавый парень и записывал желающих.

Витя обрадованно подошел ко мне: «Молодец, вместе будем все лето». И шутя надел мне на голову высокую шапку — часть какого-то театрального костюма. Я посмотрела на себя в зеркало. Витя, глядя на меня, сказал: «Люблю я смотреть в твои глаза, когда они смеются».

Парень, который нас записывал, посмотрел на меня внимательно и сказал: «А мне нравятся глаза мечтательные, а не

смеющиеся». Витя ему ответил: «Ты так говоришь потому, что эти глаза не на тебя смотрят». Парень усмехнулся и ответил: «Ах, вот как! Ну так они будут смотреть на меня».

Я смутилась, а Витя надулся. Этот восемнадцатилетний Виктор Зализовский, недавно окончивший Пермский художественный техникум, через три с половиной года стал моим мужем. Вот так Пушкинский сад решил мою судьбу.

Война

Лето 1941 года началось для нашей семьи внешне благополучно. Окончился учебный год, и меня отпустили в отпуск. Мои милые и любимые дети росли здоровыми, красивыми и не очень огорчали папу и маму капризами.

Театр оперетты, где работал муж, уезжал на гастроли в Уфу, и муж предложил мне поехать с ним. С этим все в семье согласились. А папа сказал: «Мы с Анютой в свадебном путешествии были в Уфе. Там нас и застало объявление империалистической войны».

Мама сердито посмотрела на него: «Сказал бы, что были в Уфе, и все. К чему войну вспоминать? Теперь не то время. Никто не собирается на нас нападать». Милая моя мама, как она ошиблась, и как скоро ей пришлось убедиться в этом.

Театр уехал раньше, а я приехала в Уфу 16 июня. Прошла неделя, 22 июня в 12 часов дня узнали о нападении на нас фашистской Германии.

Это казалось чудовищным и невероятным, и сразу вспомнились папины слова о войне 1914 года и ответ мамы — «Сейчас не то время».

Город изменился мгновенно. Люди шли серьезные, сосредоточенные. Много было военных. В магазинах к вечеру почти полностью опустели полки. Муж велел мне возвращаться домой, так как не сегодня-завтра его могли призвать в армию.

Я сама рвалась в Челябинск, но в театре нам стало известно, что билетов на поезда не продают, расписание не выдерживается. Что делать? Главный администратор театра Зайд предложил мне поехать вместе с ним завтра, как он выразился, «в неизвестность». Я с радостью согласилась, и утром мы с мужем пошли на вокзал. Какой-то железнодорожник повел нас по путям к составу, стоявшему, как в песне поется, «на запасном пути». Когда и куда пойдет поезд, никто не знал, но предполагалось, что не минует Челябинска.

Мы с Витей простились. Я заплакала. Зайд стоял

отвернувшись, смотрел в окно и говорил: «На запад идут в основном поезда с военными и снаряжением, а с запада уже везут раненых».

Было горько и страшно.

Часа через три поезд тронулся, и мы поехали в «неизвестность», но с надеждой, что попадем домой.

Когда я увидела наш вокзал, заплакала от радости. Выйдя на привокзальную площадь, я вспомнила, что нужно купить гостинцы детям, и поспешила к стоявшей невдалеке женщине в белой куртке с корзиной в руках, в которой были румяные пирожки.

— С чем пирожки? — спросила я.

— С крабами, — услышала ответ. Мы с Зайдом переглянулись: никогда раньше не слышали о пирожках с крабами. Консервы из крабов, как и другие нынешние деликатесы, до войны в магазинах стояли пирамидами.

Женщина улыбнулась:

— Да вы возьмите, попробуйте.

Мы взяли по пирожку, и это оказалось так вкусно — не описать. Решили взять по десять штук домой.

— Сколько стоит? — спросила я, показывая на кусочек пирожка в руке.

— Три рубля, — ответила продавщица. Я подала три рубля.

— Вы не поняли, — сказала она, — три рубля — один пирожок.

Тогда я очень удивилась, подумав, как быстро подскочили цены. Расплатившись, мы с Зайдом пошли на остановку трамвая «семерочка», как его называли.

Зайд поехал в театр решать судьбу труппы, а я — домой. Войдя в ворота, увидела сидящего у окна папу. А навстречу мне высыпали мои дети с криком: «Мама, а у нас война!» Я опустилась прямо на траву. Обняла их и заплакала от радости, что мы вместе.

Война продолжается

Мы жили только вестями с фронта — по радио, из газет. Вести были тяжелые, порой охватывало отчаянье. Уже приходили похоронки.

А жить становилось все тяжелей. Витя по-прежнему работал в оперетте. Ее сохранили, но направляли, кроме Челябинска, то в Копейск, то в Златоуст. Актерам редко платили зарплату, выдавали чаще из кассовых сборов по пятерке на пропитание.

Моей учительской зарплаты хватало только на отоваривание карточек да иногда прикупать на рынке хлеб (триста рублей за булку) и молоко детям.

И тут нас постигло горе. Умер папа. Ему не было еще и пятидесяти пяти лет. Больное сердце и истощенный желудок не выдержали.

Вскоре сестру Таню мобилизовали в ремесленное училище и отправили в Златоуст учиться на гравера. Мне пришлось взять уроки еще и в школе № 44 на ЧГРЭСе, и я мало бывала дома.

В январе 1943 года мужа призвали на фронт. Домой он не вернулся. Тяжко вспоминать. У дочери начался авитаминозный стоматит, а мама слегла с воспалением легких.

Однажды, когда я вернулась с работы, дома были мама и Неля. На вопрос, где Женя, они ответили, что он взял хлебные карточки и ушел, сказав, что выкупит хлеб и продаст его, так как врач сказал, что бабушке нужно усиленное питание.

Я бросилась на рынок, который был немногим дальше нынешнего базара на площади. Он был как муравейник. Где искать мальчика в такой толпе? И вдруг я услышала его детский голосок: «Батончики. Кому свежие батончики?» Это его голос! Я бросилась в ту сторону, увидела Женечку, идет кое-как, держит в руках батоны и зазывает. Слезы хлынули из глаз. Я прижала его к себе, а он повторяет: «Мама, мамочка, не ругай меня, врач велел хорошо кормить бабушку».

Мы плакали вместе. Я уводила его из толпы счастливая, что нашла его. У меня были деньги, мы купили молоко и вернулись домой.

Вечером пришла Лида Косякина — дорогой мой друг. Принесла кое-что из еды детям и маме и сказала мне, чтобы я по окончании учебного года сразу попросила отпуск и приходила работать к ней в облисполком, на время моих каникул.

20 мая 1943 года я пришла в облисполком временно поработать секретарем-кодификатором протокольной части, да так и осталась там на двадцать лет. Облисполком и работа в нем стали для меня смыслом жизни. Главное, что я спасла детей, они получили продовольственные карточки на детское питание.

В октябре этого же года Лида оставила работу и рекомендовала меня на свою должность.

В начале учебного года директор 50-й школы Иван Захарович Турмышев приходил к председателю облисполкома, просил, чтобы тот заставил меня вернуться в школу. Александрович вызвал меня. Я пришла и, как не жаль мне было школы, попросила оставить меня в облисполкоме. Мы расстались с директором дружески. Он был очень хорошим человеком и все

понял.

Победа

Восьмого мая 1945 года была какая-то особенная атмосфера на работе. Что-то носилось в воздухе, как предвестник конца войны, и все ждали, когда это произойдет. Ждали этот самый счастливый день и час.

Вечером в протокольную часть зашел Григорьев, заместитель председателя облисполкома. У меня на диване валетом спали мои дети, так как мама лежала в больнице. Она давно была уже тяжело и безнадежно больна, и я иногда, задерживаясь на работе, оставляла их у себя, чтобы потом нас отвезли домой. Григорьев спросил, почему здесь дети. Я объяснила. Анатолий Иванович сказал мне: «Сегодня ночью вам придется поработать — писать лозунг». Мы пошли в большой зал, где на полу лежал кумач — восемь метров длиной. К пяти утра лозунг был готов. «Слава великому советскому народу — народу-победителю!» Эти слова и сегодня звучат для меня как девиз — это и должно быть девизом и никогда не забываться.

Утром сообщили, что фашистская Германия капитулировала.

Общее ликование, слезы радости, а у многих — и горя. Это описать невозможно. Это надо было видеть и пережить воочию. И я это видела и пережила.

Детская рука

Нынче весной мы с сестрой Таней собрались на Центральный рынок за клюквой для правнука Артура. Он простудился и приболел. Зашли навестить его к бабе Неле. Артур сидел на кровати и рисовал.

Я спросила, как он себя чувствует. Артур ответил: «Скоро все пройдет». Потом сказал мне: «Баба Галя, какая ты худая!» Я ответила, смеясь: «Да, я худая, стала страшной — как Баба Яга».

Он внимательно посмотрел на меня и ответил: «Нет, я так не думаю, ты просто старенькая».

Дорогой мой «дипломат» не хотел меня обижать. Мы пожелали ему быть здоровеньким и поспешили к остановке троллейбуса.

При входе в троллейбус я замешкалась, поднимаясь на ступеньки. И вдруг ко мне протянулась детская рука. Я приняла эту руку и, войдя в салон, подняла глаза. Передо мной стоял

мальчик лет десяти-одиннадцати и смущенно улыбался. Я слегка сжала эту детскую руку и сказала: «Спасибо, милый!»

С переднего сиденья быстро поднялся молодой мужчина, предлагая мне сесть.

В вагоне было тихо, или мне это показалось, но на лицах многих пассажиров были улыбки.

В душе появилось ощущение чего-то хорошего и дорогого. «Да, — думала я про себя, — растут в нашем городе прекрасные мальчишки и девчонки, и кто-то должен помочь им вырасти сильными, добрыми, здоровыми».

Может быть, кто-нибудь, усмехнувшись, скажет: «Чепуха, сантименты!» Но я думаю иначе.

* * *

Пора ставить точку. Мне восемьдесят лет. Много прожито и пережито. Было всякое.

Выхожу ранним утром на балкон, и отсюда, с высоты девятого этажа, смотрю на милый мой город. Один город и вся большая жизнь.

Лера Авербах
Слово об органном зале

Фрагмент из романа «Зеркало»

…Челябинск. Три слога. Че-ля-бинск. Восемь букв. Язык совершает путешествие от нёба к зубам, чтобы закончить звонким причмокиванием губ: Че-ля-бинск! Слово, навсегда отпечатавшееся в моем сердце, на скрижалях моей судьбы. И как же это меня угораздило здесь родиться?

Далеко за морями-океанами, в полутемной комнате, водить медленно пальцем по карте, ощущая сквозь гладкую бумагу пупырышки и неровности стены, отыскивая крошечную точку с нелепым названием.

Пристанище моей печали, обитель сердца, навсегда приручennая памятью к раннему детству. Край, опутанный светом невыплаканных слез и морозом торжественных зим. Изначальная тема для многочисленных вариаций. (Тайная мелодия души.)

Город, в котором я впервые увидела свет, исток истоков. Несчастный, самолюбивый, серо-дымный, обрученный с памятью, обреченный на любовь. Любовь, вынесенную за скобки, любовь несмотря ни на что, как некий общий знаменатель, как символ детства.

Помню, лет в восемь я впервые попала в планетарий. Первое детское ошеломление перед великим и неизведанным. После планетарий был переделан в органный зал, а через несколько лет на зал «положила глаз» церковь, и началась война между христианами и музыкантами.

На защиту органа вышла интеллигенция города. Но это уже было после моего отъезда. А до — были долгие рассветные часы в органном зале, когда я подходила к этому огромному стройному чуду и говорила: «Ну, здравствуй!» И орган, вдыхая, шумел проснувшимися мехами и трубами. Золотые буквы немецкой фирмы проступали под слабым светом; сквозь высокие окна неумолимо проникал морозный уральский рассвет, и мне было так хорошо, как бывает только в отечестве, когда и боль и радость возрастают до символов, когда еще не сомневаешься в своих силах и возможностях и оттого, действительно, оказываешься всесильным…

14.01.95. Челябинск — Нью-Йорк

Нэлли Фадеева
Наследники Гиппократа

Мне вспоминается первый осенний солнечный день 1959 года. Только что закончена учеба в институте. В душе все поет: «Ты — врач!»

По распределению меня направили работать в самую крупную в области клиническую больницу № 1. Как я была рада! Всю свою жизнь я проработала в стенах этой замечательной больницы. Вначале — ординатором, затем — заведующей эндокринологическим отделением, ассистентом кафедры факультетской, госпитальной терапии, и в последующие годы консультантом-эндокринологом высшей категории.

История нашей больницы, которая «разменяла» свое 55-летие, интересна. Основанная в 1938 году, в 1941-м она была реорганизована в клинику Киевского медицинского института, а с 1946 года стала базой Челябинского медицинского института. Очень много для создания и развития больницы сделали заслуженные врачи РСФСР С. З. Глуховский, А. М. Рыскин, Н. С. Клюков, Г. И. Гроссман.

Сегодня, через десятилетия, не передать по памяти все свои раздумья, сомнения над диагнозом, все муки и радости такой трудной и прекрасной профессии, как наша. Годы пролетают быстро, а кажется, что все это началось совсем недавно. И всегда мы жили и работали с интересом, с молодым задором, с полной отдачей душевных и физических сил.

Я говорю «мы» потому, что таких людей вокруг меня было большинство. С ними рядом пройден этот трудный путь познания, надежд и разочарования, и той радости, когда тебе скажут: «Спасибо, доктор!» — и протянут цветы.

Увы, многое трудно вспомнить, но память об учителях остается неотъемлемой частью жизни.

Мне судьба подарила встречи с замечательными врачами, учеными, моими Учителями, чьи человеческие качества, высокий профессионализм были основой, опорой в моем становлении врача и человека.

Мой любимый учитель — профессор, доктор медицинских наук, заведующий кафедрой факультетской терапии в 1944—1970 годах — Михаил Вениаминович Бургсдорф. В 1971 году, после тяжелой болезни, он переехал к сыну в Москву. Я и по сей день с трепетом и самым теплым чувством перечитываю его письма, поздравительные открытки. Он очень скучал по своей клинике,

сотрудникам, которые любили его искренне, без малейшей фальши.

Это была талантливая личность. В нем поражало все: от профессорской бородки до раскатистого смеха, от умения одновременно быть и рядом с тобой, и в то же время вдали от тебя, когда он задумывался над историей болезни или у кровати больного. Больные всегда слышали от него одобряющие слова. Когда он проходил по коридору, некоторые даже низко кланялись ему.

Его любовь к классикам, знание творчества Голсуорси и Чехова были просто поразительны. «Сага о Форсайтах» — Флер, Сомс, Джун — имена многих персонажей этой любимой им книги часто звучали в его разговорах с окружающими. Становилось неловко от своего незнания. Но это был и волшебный стимул. Проходило время, и ты сам начинал «козырять» к случаю своими, вновь обретенными знаниями.

Двери его кабинета были всегда открыты, мы шли к нему за советом, делились своими радостями и огорчениями. Мы любили своего профессора, и когда он тяжело заболел, организовали круглосуточные дежурства у его постели. Мы не отходили от него ни на одну минутку, пока состояние его здоровья не улучшилось.

У него была традиция — в День 8-е марта (коллектив в основном был женский) поздравлять нас цветами и выделять немалую сумму на застолье. Его улыбка, смех, шутки делали его — профессора, руководителя — равным среди его учеников в часы отдыха.

А какой это был превосходный диагност! На его обходы, лекции мы всегда ходили с огромным интересом, боясь пропустить его высказывания, логическое построение диагноза. Он свободно владел латынью, знал в совершенстве несколько языков. К его обходам мы готовились задолго, как к большому празднику. Для него было характерно особое чутье — схватывать, казалось, малозначительное, но это, как нить из волшебного клубка, указывало на правильный путь в построении диагноза. Он не допускал листания истории при больном во время обхода, учил, что память врача, как и память актера, должна хранить все детали течения болезни, все анализы, исследования.

Основное научное направление кафедры под руководством профессора Бургсдорфа было связано с вопросами патологии кровообращения, гематологии и эндокринологии. Он смог привить интерес к научному поиску многим своим ученикам, недаром под его руководством защищено девять кандидатских диссертаций и четыре докторских. Я в 1973 году закончила заочную аспирантуру и защитила кандидатскую диссертацию по

сахарному диабету уже под руководством его преемника, профессора Петра Демьяновича Синицына, и профессора, заведующего кафедрой глазных болезней, Петра Соломоновича Каплуновича.

Я горячо благодарна судьбе за встречу с этими настоящими учеными.

Нашему Челябинскому медицинскому институту — сегодня медицинской академии — полвека! Просматривая альбом фотографий нашего выпуска, вспоминаешь многих людей, столь разных во многих отношениях, но оказавших на тебя большое благотворное влияние. Многих из них уже нет среди нас, но их дела столь значительны, что ощущаются и по сей день. Это профессора Георгий Дмитриевич Образцов, Абрам Харитонович Миньковский, Хаим Исаевич Вайнштейн и многие другие.

Страстно любил жизнь и свою профессию хирурга профессор, доктор медицинских наук, заведующий кафедрой общей хирургии Владимир Антонович Крижановский. Сколько дорог изъездили мы с ним вместе по области для изучения на Урале эндемического зоба (патологии щитовидной железы). Мне посчастливилось многие годы работать в контакте с ним, лечить и готовить к операции больных с заболеванием щитовидной железы, присутствовать на его операциях. Это было поистине прикосновение к высочайшему искусству хирурга! Разрезы, швы после его операций оставались «ниточные», невидимые.

Этот большой ученый умел спорить, отстаивать свои мысли, не унижая еще молодых, неоперившихся врачей. Хотелось подражать его четкой работе. Это была школа, учеба с «листа жизни».

В памяти всплывает и другой образ: немного мешковатый, грузный человек с красивым лицом и душой — Николай Семенович Клюков, заслуженный врач областной клинической больницы № 1. С его легкой руки я стала эндокринологом и пронесла любовь к своей профессии через всю жизнь. Мне пришлось многие годы быть его лечащим врачом. Он страдал сахарным диабетом, но сам лечиться не любил. Он был большой, добрый ребенок дома, в кругу близких, но требовательный и неутомимый на работе. В нем не было гордыни, хотения власти. Около него люди обретали чувство милосердия, понимания чужой боли и горя. На него никто не мог обижаться, его гнев воспринимали с пониманием, а не с обидой и досадой.

Сейчас трудно даже представить, что раньше на территории больницы цвели прекрасные розы, вызревал виноград и его первые грозди отдавали в детское отделение. Никто не посмел бы сорвать, смять творение садовника. Николай Семенович любовно

оберегал эти посадки. От него исходили мудрость жизни, море доброты.

Дай Бог, чтобы в нашем жестоком мире чаще встречались такие руководители с большой душой, умеющие совершенно искренне делить радости и огорчения со своими коллегами. Я приношу своим Учителям поклон за их мастерство и свет!

Мария Голубицкая
Визит инопланетянина

Рассказ

Мне приснилось, будто наш город посетили пришельцы из космоса. Они появлялись на улицах, заговаривали с прохожими и исчезали таинственным образом.

Мне снилось собрание жильцов нашего дома. Чиновник от соответствующего ведомства напористо задавал вопросы: кто их видел, где, когда? Как они выглядят? Федор Петрович из сороковой видел инопланетянина вчера вечером.

— Стою я, значит, а он окликнул меня и говорит…

Собрат по разуму явился ему в образе большой черной собаки, говорящей на чистом русском языке. Наверное, не знал, что собаки не умеют разговаривать.

Я проснулась. Сердце колотилось… Было досадно: на часах — шесть, в будни я всегда просыпаюсь в это время, но сегодня воскресенье. Я хотела еще поспать, но в полудреме меня преследовали черные собаки. Бояться было глупо, но я боялась. А самое худшее — испортилось настроение. Просто вот накатила тоска, да такая, что не знаешь, как и лечь, чтоб забыться.

Вчера мы с Мариной договорились, что сегодня идем на лыжах. «Тебе нужно развеяться, — сказала Марина. — А то ты от всех этих передряг сама на себя не похожа. Я специально для тебя пригласила Сашу Клюкина, он с моим Виктором работает в институте». «Какой Саша Клюкин? О чем ты?» — спросила я. «Не притворяйся. Это то, что тебе нужно: он большой умница, притом не пьет и не курит!» — «Да, конечно, это решает дело».

Вчера мы договорились совершенно точно, но сегодня я тоже совершенно точно поняла, что никуда не пойду. Я вовсе не боюсь некурящего Сашу Клюкина, но я никуда не пойду. Плохо только, что мама уже знает об этой прогулке. В восемь часов, оглядываясь на дверь маминой комнаты, я позвонила Марине. Марина меня хорошо знает:

— Что случилось? — убийственным тоном спросила она.

— Понимаешь, у моих лыж сломались крепления.

— Ты знаешь, кто ты? — начала Марина.

Ну, конечно, я знала, но моя лучшая подруга все же напомнила мне. Она сказала, что я безвольная, истеричная клушка. Что я никогда ничего не достигну в жизни, если все еще

буду думать об Игоре. Что она, Марина, день и ночь думает, как устроить мою судьбу, а я, неблагодарная…

Ну, да, я неблагодарная. Но я мало думаю об Игоре, и совсем бы о нем не думала, если бы мне о нем не напоминали.

— Мы ждем тебя в девять! — сказала Марина на прощание и звякнула трубкой.

После завтрака мы сидели в моей комнате, вернее, это общая комната, потому что она больше, и в ней телевизор. Я включила его, но передача мне не понравилась, и я опять выключила. Мама читала вчерашние газеты — вчера она не успела это сделать. Я посидела на диване, тоскливо глядя на нее. Не отрываясь от газеты, мама сказала:

— Сходи куда-нибудь.

Я не ответила, подошла к окну. И увидела ЕГО!

Он был в новой черной куртке. Он смотрел вверх, на наши окна. Через минуту он будет здесь. Я отшатнулась от окна. Мама посмотрела на меня поверх очков.

В дверях щелкнул замок. Мама вышла в коридор и растерянно сказала:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, — ответил он.

Вжикнула «молния», стукнули ботинки, он раздевался. Потом он вошел в комнату, и мама с растерянным лицом — следом. Она не знала и поэтому успокоилась. Наконец мама очнулась:

— Я — на кухню… У меня там кипит…

Он отодвинул от стола стул и сел.

— Ну, что будем делать? — спросил он.

— Ничего, — ответила я.

— Все еще сердишься?

— Нет, не сержусь.

— Тогда — мир? — он подал руку.

Я сидела на диване в двух шагах от него, но не подала руки. Мне очень хотелось, чтобы он исчез каким-нибудь образом, хотя бы таинственным.

— Так, — сказал он и достал сигарету. — Курить можно?

— Нет, — сказала я раздраженно и сама этому удивилась. — Ты же знаешь: у мамы будет мигрень.

— Та-ак. У мамы будет мигрень, — произнес он, отделяя каждое слово.

Теперь мы замолчали. Он держал сигарету, хотел сунуть ее в рот, но не донес и сердито затолкал в карман, встал и подошел к репродукции, которую я недавно повесила.

— Это еще что за чушь?

— Это «Голгофа».

— Не понимаю.

— Это аллегория.

— Не понимаю, кому это нужно!

— Ну, раз тебе не нужно, так уж и никому.

— Он что, не мог нарисовать понятную картину?

Я пожала плечами:

— Картины — пишут.

— Ах, простите! Чушь какая, кому она может понравиться!

— А мне нравится эта вещь.

— Это ты мне назло говоришь?

Господи, до чего же я его узнаю!

— Вот за что я тебя терпеть не могу: «пишут», «вещь»! Думаешь, ты умнее меня?

— Зачем ты пришел?

— Не знаю.

Он прошел по комнате и остановился у окна. Теперь он стоял на том месте, с которого я увидела его. Он опять сказал:

— Не понимаю! Ты хотела, чтобы я ушел — я ушел. Меня нет несколько месяцев, я прихожу — мои тапочки стоят на прежнем месте. Тогда почему такой прием? В конце концов, я пришел домой.

Домой! Вот как. Он уже все забыл.

— Твои тапочки я просто не трогаю, и маме не разрешаю. А когда я мою пол, я протираю пол вокруг них, не сдвигая.

— За что ты меня так ненавидишь? — спросил он. — Что я тебе сделал?

— Я тебя не ненавижу, а просто не люблю.

— Это одно и то же.

— Нет. Ненависть — это уже чувство, уже неравнодушие, а я к тебе равнодушна.

— Ну за что, за что?

Я пожала плечами. Если бы я могла, я бы улыбнулась. Если он мог забыть, что ударил меня, как тогда объяснить ему — за что? Он опять подошел к «Голгофе» и стал рассматривать ее.

— Ну хорошо, объясни мне, наконец, что это значит?

— Это? Ну, в общем — война, разрушение, трагедия маленького человека.

— Я — технарь, мне весь этот цирлих-манирлих ни к чему.

Он закурил, и я ничего не сказала.

— Ты даже не спросишь, как я живу.

— Я и так знаю, ты купил машину.

Он непривычно усмехнулся:

— Да, купил.

Мы замолчали. Он оторвал от газеты клочок и стряхивал

пепел. Мама эту газету еще не читала.

— Мне уйти? — спросил он.

— Да, иди…

Он встал не сразу, медленно вышел в коридор. Скрипнули ботинки, вжикнула «молния».

— Возьми тапочки. Где старые газеты, ты знаешь.

Газета загремела, как жестяная.

— Игорь, — позвала я. — Он появился в дверях. — Оставь ключ. Он послушно достал из кармана ключ и положил на сервант.

Наконец закрылась дверь. Мама вышла из кухни.

— Вы не помирились?

Я смотрела в окно. Ага, вон он, с тапочками в газете. Постоял подумал и решительно направился к мусорному бачку, бросил туда тапочки и удалился.

— Мы уже не помиримся.

Как сразу стало легко на душе. Только теперь я поняла, что все время ждала его последнего визита, который все расставил бы по местам. Как легко! Поеду-ка я в парк!

Я вышла на балкон и взяла лыжи. Когда я вернулась в комнату, мама насмешливо сказала:

— Какого мужа оттолкнула! Не пьет, на рыбалку не ездит, «козла» не забивает. Чего тебе еще надо?

Я улыбнулась:

— Мне надо, чтобы еще и не курил.

Маленькие челябинцы — о родном городе

Сто признаний в любви

А что думают о Челябинске маленькие горожане, которым сегодня восемь, девять, десять лет? Каким хотят видеть свой город его будущие хозяева?

На папке — надпись: «Сто признаний в любви». В ней — сто сочинений, написанных для «Городского романса» учениками вторых и третьих классов гимназии № 48, несколько работ, ребят немного постарше, из 112-й школы. Читаешь их с чувством изумления и гордости: какие они разные, эти ребятишки, какие забавные и какие же они молодцы!

Они все замечают.

Они очень активны.

Они умеют мечтать.

Они гораздо лучше, чем мы, взрослые, о них иногда думаем и говорим. Сколько в них душевного тепла, чистоты, стремления к добру.

Давайте же прочтем это составленное из фрагментов коллективное «Сочинение о Челябинске», которое написали для нас его маленькие граждане.

…Наша школа находится рядом с Комсомольской площадью. На площади стоит памятник — танк. Это боевая машина, которую во время Великой Отечественной войны сделали на тракторном заводе. Во время войны этот завод называли Танкоградом.

Мой дедушка тоже работал во время войны на этом заводе и за свой труд награжден медалью.

…Мне больше всего нравится бывать в органном зале. Раньше это была церковь Александра Невского. Сейчас в нем установили один из лучших органов в мире. Я люблю ходить в органный зал и слушать божественную музыку Баха и Моцарта.

…Мой любимый уголок — это парк Гагарина. Там можно покататься на лошадях, побегать, поиграть, просто походить и пособирать еловые шишки, или, как говорит моя мама, постоять на голове. Но иногда приходят невоспитанные люди, набросают на землю всякой гадости и уйдут. Я никогда не стану

невоспитанным человеком!!!

…Челябинск — это город студентов. Здесь получают профессию врача, учителя, инспектора. Наш город славится мастерами и профессорами.

…Я хотел бы стать хотя бы на часок-другой волшебником или магом. Для того, чтобы исчезли заводы, а машины бы работали на безвредном горючем. Кругом были бы цветущие лужайки и сады с фонтанами.

… В Челябинске очень много настоящей природы. Зайти, например, в парк Гагарина. Это же рай живой природы. Вот сидит белка и виляет своим пушистым хвостиком. Там дятел долбит носом толстую крону сосны. На земле много шишек, из которых можно делать поделки.

… Но люди в нашем городе живут нехорошо. В городе очень грязный воздух, грязные улицы и дворы. Появилось много безработных и бедных, в магазинах очень высокие цены.

Мне бы хотелось, чтобы жизнь в нашем городе была лучше. Не только наше правительство должно лучше работать, но и сами жители городов должны следить за чистотой улиц и дворов. Можно больше садить цветов и растений, помогать милиции бороться с преступностью. Я хотел бы, чтобы в городе больше было детских парков и кафе. Нужно строить больше красивых домов, и чтобы старые и бедные жили в них. Я хотел бы, чтобы про Челябинск говорили, что это красивый и богатый город.

…Во все времена люди думали, что их ждет впереди. Я тоже хочу представить будущее нашего города. Для того, чтобы жить лучше и интересней, нужна чистая атмосфера. Заводы не будут дымить, их трубы будут снабжены фильтрами, очищающими воздух.

Каждый автомобиль за год работы выбрасывает в воздух тонну очень вредных веществ. Но очень возможно, что этого не будет. Новым топливом может стать водород.. Водород при сжигании соединяется с кислородом и образует воду. Из выхлопной трубы автомобиля будет выходить безобидный пар.

Возможно, что в каждой школе будет свой плавательный бассейн. Вода будет набираться из реки Миасс, которую очистят.

…Люди в городе будут жить в больших красивых домах, похожих на старинные замки. Везде растут цветы и деревья.

Чистый воздух, чистые речки, чистые дороги. Все ездят на велосипедах. Тротуары выложены мозаикой. А по вечерам вдоль улиц зажигаются разноцветные фонари. В городе живут добрые, приветливые люди. Все улыбаются друг другу.

…Я хотела бы, чтобы на каждой улице стоял клоун и радовал детей сладостями.

…Я бы хотела, чтобы Челябинск был чистым, красивым городом. Чтобы все жители Челябинска были добрыми, очень веселыми людьми. Чтобы у каждого в школе были добрые учителя. И чтоб по радио и телевидению говорили только хорошие новости…

…Я хотел бы, чтобы в моем городе прекратились преступления. И в будущем он был не такой, как сейчас грязный. А когда он станет чистым, у него станет совсем другой вид. Ну, наверно, в будущем он такой будет. И чтобы в нашем городе было побольше кафе-мороженое. И чтобы водители и пешеходы соблюдали правила дорожного движения…

…Я и вся моя семья живем в городе Челябинске. Это большой, красивый город. В Челябинске много памятников. Около нашей школы стоит танк-памятник. На нем написаны слова:

«Уральцы,
вам,
чьи руки золотые
ковали здесь
победу над врагом».

Сбоку — цифры: «1941—1945».

Моя бабушка во время войны делала на заводе танки. Значит — это памятник моей бабушке и людям, которые во время войны делали танки для наших солдат.

…Когда мне было пять лет, я с папой была в цирке, и знакомый папы, дрессировщик тигров дядя Миша Багдасаров разрешил мне поиграть с двухмесячным тигренком и подарил книжечку-афишу с пожеланиями ко мне. А через год я даже сфотографировалась с этим тигренком…

…Я представляю свой город в будущем очень большим,

знаменитым и красивым. Все люди Земли будут знать о Челябинске как о городе, где живут счастливые люди.

Я очень люблю свой Челябинск и представляю его таким…

…Я очень люблю свой город. Но я хотела бы, чтобы в нем было меньше перекопанных улиц и больше веселых людей и чтобы было больше детей. Мы бы убрали и вычистили весь город. А когда вырасту, я хочу стать портнихой и открыть свое ателье, как Мария Лопес. Буду шить для челябинцев очень красивые наряды.

Я очень люблю свой город и никогда не перееду в другой…

…Мы с мамой и папой бывали во многих городах нашей страны, и я их сравнивал с Челябинском. Есть очень красивые города, но я родился в Челябинске, и я его люблю…

…Если бы я был мэром города, я бы постарался использовать налоги на ремонт дорог…

…В Челябинске есть политехнический институт, в котором учились мои мама и папа. Есть Первое озеро, на берегу которого стоит наш дом. Летом я в озере купаюсь, а зимой катаюсь на лыжах, а мой брат Женя ловит рыбу. Я довольна, что живу в Челябинске…

…Меня зовут Лиза. Мне восемь лет, я живу в Челябинске. У нас в городе мне больше всего нравится вокзальная площадь. Когда наступает вечер, там зажигаются фонари, а от них трамвайные рельсы кажутся разноцветными.

Я знаю, что в войну наш город называли Танкоград, потому что у нас делали танки, на которых солдаты защищали нашу Родину и победили.

Я очень люблю свой город…

…Я хочу, чтобы в нашем городе не было ни одного разбитого стекла. Чтобы не было нищих, пьяниц, разбойников. Я хочу, чтобы не было войны, разных болезней, подбитых голубей, кошек, собак. Я хочу, чтобы все челябинцы были счастливы…

…Многие люди сейчас уезжают из Челябинска навсегда. А я хочу, чтобы все оставались, а к нам приезжало бы много туристов. Ведь в Челябинске много памятных и красивых мест…

…Самое веселое место в Челябинске — цирк. Здесь я бываю

часто. Мне нравится смотреть выступления животных, особенно тигров и обезьян…

…А еще в нашем цирке есть душ для зверей…

…Я родилась и живу в Челябинске. В других городах я пока еще не бывала. У меня два любимых места: это цирк и центр города. А вот что мне не нравится в нашем городе. Каждый раз, когда мы выходим гулять, мы видим всякий мусор. А я люблю наш город чистым…

…Мой город очень хороший, но очень мусорный…

…Мне нравится парк «Алое поле». Там всегда можно побегать, поиграть. А кроме того, есть там кружок «Шуруп». Вы спросите, что в этом кружке делают? А вот что: конструируют и собирают действующие модели разных машин и роботов. А еще есть астрономия и «У-ШУ». С «У-ШУ» все понятно. А на астрономии мы смотрим в телескоп, собираем разные оптические приборы, изучаем строение Солнечной системы…

…Челябинск — хороший город, но не такой, как бы мне хотелось. Главный его недостаток — это мусор. Мне бы хотелось, чтобы никто не бросал мусор куда попало.

Если бы мне предложили переехать, я бы согласился, но в другой город — ни за что…

…Когда мы вырастем, то сделаем наш город таким, каким видели его в мечтах…

Авторы: Устинов Леня, Данилова Таня, Дегтярев Костя, Рихтер Илья, Павлова Аня, Борзыхин Андрей, Дворкина Настя, Аскарова Ира, Зеленкова Катя, Долгополова Ксюша, Сторожев Юра, Набиева Катя, Саликова Оксана, Бурцева Настя, Андреева Ира, Шваюн Павлик, Карпенко Саша, Глазырин Максим, Кузнецова Алена, Кузнецова Лиза, Волкова Лиза, Черепанов Лева, Шарапова Аня, Брик Вика, Лучинкина Наталья, Рибась Слава, Палева Даша, Стрихилев Вова, Майорова Валя и другие.

Человек, которого я люблю, живет в Челябинске

Вот он, человек интересной судьбы. Я расскажу о своем

дедушке, Тельмонове Дмитрии Аристарховиче.

В этом году ему исполнилось семьдесят восемь лет. За плечами — долгая жизнь, за три дня до начала войны его взяли в армию. Служил в пехоте, как он сам говорит: «Пешком от Челябинска до Берлина дошел». Семь ранений. Последнее ранение получил за три дня до Победы. Неделями приходилось сидеть в окопах по шею в ледяной воде. Иногда хотелось умереть, но чаще хотелось выжить и увидеть своими глазами, какая жизнь будет после войны. Больше всего он боялся потерять зрение.

У дедушки много наград, но больше всего он гордится медалями — «За отвагу», «За взятие Берлина». После войны, в 1945 году, открылись военные раны, дедушка стал пожизненно инвалидом. Дедушка о войне не любит говорить. Только в День Победы, вспоминая, плачет.

Сочинение Викулиной Карины

Кирилл Шишов
«Учитель, перед именем твоим…»

С годами судьба подарила мне много встреч с самобытными градами — мудро и щегольски устроенными, со старинной, тщательно ухоженной и небрежно запущенной архитектурой. Узнал, как могут быть города спесивы и двуличны, скрытны и таинственны. Но, как самую большую драгоценность, подарила мне судьба мой город, пророчески расположенный на перекрестье Евразии, на грани скалистой платформы Уральских гор и насыщенной черной кровью недр Сибири.

Я постигал свой город постепенно, сосредоточенно. Меня не смущала бесстыдность его временщиков, пользующихся мощью города для своих крошечных карьер. Я учился видеть сквозь время и находить великих учителей. О, сколько же открытий и потрясений подарил мне город, благодарный за сыновью верность и стойкость против соблазна бродяжничества, перекати-полья!

Прежде всего он научил меня преклонению перед Железом и Сталью! Добрая треть моей жизни прошла в его огненных кузницах и сталеварнях, откуда остывающий слиток шел в добрую половину мира. Пусть впоследствии короткопамятные летописцы упрекали мой край в избытке этого якобы бездушного металла, я знал, что культ огня мои предки чтили недаром, и недаром поставила судьба уральцев на этот страшный труд Гефестов Евразии. Тайная нить связывала далеких ариев Южноуралья с молчаливыми рукомеслами последней мировой, ибо они повернули мировую историю и не допустили торжества Зла на земле.

И я понял, что мой город недаром встал в центре континента, недаром связал тонкой двуединой стальной нитью высокомерную Европу и гордо-напряженную Азию. Равно открытый на Восток и Запад, он предназначен найти и обрести, быть может, самый дух этой страны, смятенный в годы перемен и сомнений.

Более двух с половиной столетий назад юный росс — пытливый академик Петр Рычков раскрыл для себя тайну бытия предков-славян в Зауралье. Посетив мой родной город тотчас после его основания, он узрел в нем великую роль моста между тюрками и россиянами и в слиянии этих рас предсказал великое будущее обожаемой им России. Недаром мудрые казахи чтут имя основателя Челябы как автора великого Договора дружбы двух народов, поместив его парсуну среди своего главного исторического музея.

Другого отца-основателя города, Василия Татищева, в последнее время стало модно славословить, но только «по верхушкам», не рискуя говорить о его геополитическом замысле, «наказанном» ему Петром Великим. А замысел этот выше временщиков всех новейших эпох: от Аркаима идущая тяга наших народов к Индии — стране великих духовных исканий. Тянулся к ней не только тверской купец Никита — сам Петр делал это по начертанию судеб и умыслу мужа зрелого. И Василий Никитович всем пылом страсти просветителя способствовал тому, в том числе — и Челябинской малой крепостью…

Город, основанный с таким высоким замыслом, на долгие годы был отвлекаем от духовных своих задач. То пограничный ратный труд, то огненный подвиг пожирали его сыновей. Духовная цель уходила на второй план, когда надо было просто выжить в безвременье смут и лихолетий. Но тем знаменательнее, что в нем всегда были те мудрецы и пророки, кто напоминал городу о его высшем предназначении.

Иных из них мне не довелось видеть, но я читал их страстные строки и благодарен им за сгустки духовного огня, которым они одарили нас. Это великий инженер и писатель Гарин-Михайловский, чей профиль украшает вокзал города и чьи слова я бы заставил, будь моя воля, учить наизусть всех молодых горожан: «Сюда приходили наши предки искать себе славы… Прошли века, и вот мы пришли доканчивать великое дело… Дороги необходимы как воздух, как вода… Общество право в своем раздражении на нас, инженеров…» Словом, весь монолог Кольцова из очерка «Вариант» с экономическими и патриотическими ошибками: «Мы должны показать Западу, что мы, русские инженеры, способны не только воспринимать его великие идеи, но и культивировать их в условиях русской жизни…»

Основатель столицы Сибири и автор знаменитой тетралогии, уникального нравственного образца исповедальной прозы, Гарин-Михайловский как бы оставил заповедь всем землякам своим — не терять стойкости даже в самые тяжкие дни нашествия иноплеменных идей и образчиков…

Двух других духовных наставников я застал в городе в дни своей молодости. Мощный кряжистый мэтр биологии Николай Тимофеев-Ресовский долгие годы пленял нас внесенной с Запада независимостью духа и мысли. Его биосферные замыслы вслед за Вернадским доносили до нас головокружительные перспективы овладения тайнами живого вещества. Каждая прогулка с ним в глубь Уральских гор — это могучая ода самоорганизации природы, расшифровка хода ее бытия, где человеку уготована

самая важная роль — посланца Разума…

Ощущение чуда увеличивалось с каждым философским диспутом, с каждым спором его с математиками и философами, свидетелями которых мы были. А имена Менделеева и Вернадского в его устах гремели по-шаляпински зычно, и мы все видели — вот она, преемственность великой России, ее гениев и пророков. Тогда узнал я великие строки самобытного Вернадского и запретные «Заветные мысли» Менделеева.

Надо ли говорить, что именно город подарил мне эти светлые истины, абсолютно потаенные для незрелых умов обманутого поколения. Но чем дольше я жил в нем, тем яснее становилась неслучайность этого: жестко надзираемый тайной полицией и доносами, город все же оставался средоточием мыслящих умов, протестантов от железного дела, и потому его скрытая жизнь всегда была обжигающе высока и духовна. О, далеко не все уцелели из этих страшных лет — жуткие, набитые трупами шахты Золотой Горы явили нам в начале 90-х всю чудовищную силу кары Власти за инакомыслие. Но именно в наш город милостью судьбы пришел из северного лагеря мой другой Наставник и Учитель — Леонид Оболенский.

Под именем Богоявленского я описал его в своей давней повести «Политехники», потом — после его смерти — в отдельном очерке «Последний князь». Пусть горожане прочтут эти строки и поймут, что нет более великого подарка в судьбе, чем получить Учителя в юности, в студенчестве, в незрелые восковые годы духовного медосбора.

Не было во всей России никого счастливее нас, молодых челябинцев, кому выпала эта радость внутреннего ожидания чуда и самовоспитания, вопреки всем казенным наставникам и лживым вождям. Оболенский стал духовным вождем уральских киношников и поэтов, журналистов и диссидентов. Власти мстили ему за это как могли, а молодежь, сцепляя руки, спасала его и себя от оподления, от уступчивости, от смирения.

Можно назвать сотни имен последователей, десятки — учителей. История этого еще не написана, потому что и новым временщикам нет дела до высоких духовных заветов своих сограждан. Я же скажу лишь о нескольких нестяжателях, которые либо уже ушли из жизни, либо ушли из города.

Юрий Динабург — поэт и философ, книгочей и ссыльнопоселенец пятидесятых, любимец тайных обществ и братств, — сколько преклонения оставил ты после своего отъезда в Ленинград…

Орлен Блюм — высочайшего класса библиограф, знаток потайной литературы зарубежья в страшные сороковые и смутные

пятидесятые! Сколько он подарил нам откровений, пожелтелых страниц редких книг, сколько папиросных листов, утая от ищеек, подарил нашим глазам, сколько сарказма сохранил и крепости духовной в слабодушных сыновьях славянства.

Арон Кербель — несравненный режиссер и мастер сцены, кумир молодежных актерских групп, ядерный заряд для броска на штурм столичных олимпов и создатель практики Литературного театра, не имеющего аналога в стране.

Илья Талалай — маэстро зодчества, ансамбля высотных зданий на главном проспекте, и в то же время — театральный виртуоз, акварелист и пейзажист тончайшего вкуса, душа компаний огневой поэзии и чистосердечного братства. Сколько народов и рас соединил ты в своей крови, но еще больше — сколько подарил нам, твоим друзьям, несказуемой радости и волшебства мужской дружбы.

Сурен Переплетчиков — лучший мастер психологического портрета в России, скиталец и бессребреник, ценитель тонкой поэзии и женской красоты, трепетный поклонник классики и знаток мудрости многих рас. Нет никого, кто бы не знал твой темперамент и страсть, кто бы не укорял себя за твой столь поспешный уход от нас…

Нет, никогда мне не перечислить даже самых самобытных своих современников, в которых город впечатал такой сплав духовности, человечности, что никакая казенная профессура, никакая власть не доберется до них, до тайны их влияния на город и его новые поколения, на ход вещей и событий, который не оценить никакой статистической наукой.

Лишь в нескольких штрихах я коснулся этой тайны моего Великого города. Скажу только — я спокоен. Есть и сила и разум у его инженеров и поэтов для XXI века. Есть опора и святыни для древних и вечно новых учений. Любите и служите своему городу, уральцы, не изменяйте ему — и он спасет вас и детей ваших.

17 июля 1994 г.

Нэлли Ваторопина
Родничок

Осень — мое любимое время года. Осень — и этот сквер над рекой Миасс возле Дворца культуры ЧЭМК. Здесь, напротив, в доме № 45-а по улице Сталина (ныне Российской) началась моя жизнь более полувека назад, здесь прошло мое военное детство и юность.

В этом сквере назначались первые свидания, проливались первые слезы. Сюда, на берег Миасса, я приводила потом своих детей — дочку и сына, а когда они стали взрослыми — внучек, Машеньку и Настеньку, приведу и внука Илюшку, как только он подрастет.

Этот сквер, маленький зеленый островок среди большого шумного города, обладает какой-то волшебной способностью успокаивать, возвращать силы и надежды. Я часто прихожу сюда одна, особенно осенью, когда все чувства обострены до крайности и все видится в черном цвете.

Сегодня я снова стою на гранитном выступе обрыва. Вокруг все серое: небо, воздух, вода в Миассе. Крупные капли редкого дождя тоже серые. В разрывах туч изредка показывается скучное солнышко, совсем ненадолго, и тут же тучи прячут его в свои глубины. Ветер налетает порывами и швыряет под обрыв сорванные с берез листья. Покружившись в воздухе, они исчезают внизу. Над серой пеленой воды стремительно проносится чайка и тоже исчезает. Как только они тут живут? Еще лет десять назад в Миассе можно было купаться. Сейчас нельзя, настолько он грязен. Но ребятишки купаются. Река все же.

Под обрывом, как раз подо мной, есть маленькое чудо — родничок с живой водой. Вокруг грязно, замусорено, а он, упрямый, пробивается из горы по капельке — прозрачный, холодный. До чего же вкусна вода из него! Когда мне совсем худо, я собираю в ладошку эти драгоценные капельки и, наслаждаясь, пью. Живая вода.

Совсем потемнело. Напротив, на берегу, в девятиэтажках засветилось множество окон. А когда-то на месте этих громад был поселок из маленьких деревянных домиков. Ни один из них не был похож на другой. Во время половодья Миасс становился грозным, и первые две-три улицы заливало до самых окон. Возле домов дежурили на лодках, чтобы случайной льдиной не задело домик. Зато весной в пору цветения и на этой стороне можно было опьянеть от аромата цветущей сирени и черемухи.

Ничего этого нет. Но есть сквер. Есть крутой обрыв над Миассом. Есть родничок с живой водой. Есть осень. И есть я. Здесь начало моей жизни, и здесь, только здесь она окончится.

Нэлли Ваторопина
Помню…

«Помни. Помни», — снова и снова повторяла бабушка, больно сжимая мою руку. Ее слова терялись в грохоте проходящего поезда. Это был казавшийся мне бесконечным состав с теплушками, в раскрытых дверях стояли и сидели люди в солдатской форме. Они нам что-то кричали, махали руками и пролетали мимо. Куда — я тогда уже знала: на фронт, на войну.

Потом мы шли с бабушкой домой вдоль путей. Наш дом находился совсем недалеко от станции, но мы шли долго. Часто останавливались, провожая проходящие поезда. Какой из них увез моего отца — я не знаю.

Не помню и того, как прощались с ним в этой сутолоке: очень много людей, детей, крик, шум, плач. Мне было тогда три года два месяца шестнадцать дней, а бабушке — сорок шесть лет.

Моя мать умерла, когда я родилась. Бабушка стала для меня и матерью, и другом. Вдова царского офицера, своего сына — моего отца — она воспитала одна, дала ему образование, пережила трагедию раскулачивания. Красивая, строгая, сдержанная, даже жесткая, она чем-то притягивала к себе людей. Особенно тянулись к ней женщины — со своими бедами и радостями, за советом и просто поделиться. Она умела понять всех. Ее любили и побаивались.

«Помни. Помни», — твердила бабушка, словно зная, что я больше никогда не увижу своего, отца и слова «круглая сирота» станут моими навсегда.

Это было 23 июня 1941 года. С этого дня бабушкины черные косы стали седыми.

Помню. Я все помню.

Олег Митяев
Всегда помню о Челябинске

Мой Челябинск… Об этом можно написать целую книгу. И будет мало. Ведь Челябинск — это тридцать лет жизни, начиная с самого рождения.

Если начать конкретно перечислять всех тех хороших людей, которые любили меня и помогали во всем (собственно, любят и помогают до сих пор), то есть большая опасность кого-то пропустить. Потому что таких людей очень много. От нянечки в родильном доме до преподавателей в институте физкультуры. Я благодарен всем без исключения.

Помню имена, фамилии, даты, свою практику в качестве монтажника на тракторном заводе и моего наставника, который учил меня прикручивать розетки качественно и вообще относиться к своему труду со смыслом. С удовольствием вспоминаю ребят из клуба «Моримош» при ДК ЧТЗ. И наши вечера самодеятельной песни. И эпопею с концертами по цехам завода, когда уже был я артистом областной филармонии.

Челябинск — это и юношеские влюбленности, и ночные бдения перед экзаменами, и «Весна студенческая» в ЧПИ, где так тепло принимали наш с Петей Старцевым дуэт. А Ильменский фестиваль, ставший для меня точкой отсчета в творческой судьбе! А уральская природа, подарившая столько тем для песен! Таганай… Тургояк… Озеро Смолино, на которое выходили окна нашей квартиры, когда мы жили в Ленинском районе…

Свежи даже самые ранние детские воспоминания. Старые грузовики на площади возле Дворца культуры ЧТПЗ, флаги, транспаранты, все оживлены и готовятся к демонстрации. Цеховые вечера, куда меня приводят за руку родители, и я с завистью смотрю на передовиков, которым вручают именные часы и медали «За трудовую доблесть». Мама с папой угощают меня конфетами, и они такие молодые…

Никогда это не вытравится из памяти. Где бы я ни находился — всегда думаю о Челябинске. Он со мною и наяву, и в сновидениях. Мне снятся старые дворы, уютная танцплощадка на берегу озера Смолино, каток…

— Ну а зачем же ты уехал из Челябинска? — до сих пор спрашивают меня. Были причины. Никак я не мог получить нормальную квартиру. Может, я решил доказать, что чего-то стою, заработал деньги и купил квартиру в Москве. Но это не имеет никакого отношения к моей любви к Челябинску и моим

родным челябинцам.

Как может художник выразить свои чувства? Ну, конечно, посредством творчества. Поэтому я решил выпустить альбом «Челябинск». Это песни, написанные мною здесь или в каких-то далеких краях, когда я думал о Челябинске.

Конечно, можно воспринимать альбом как дань любви к моей малой родине. Но мне хотелось бы большего: оказать помощь челябинским больным детям и немощным старикам. И я решил весь гонорар от продажи кассет, пластинок, лазерных дисков передать в конкретные больницы и дома престарелых.

Владимир Боже
Из челябинского фольклора

Челябинск — старый город. И в этом убеждаешься, когда держишь в руках архивные документы двухсотлетней давности. Кружева витиеватых букв с лихими росчерками пера, напрочь забытые слова, заставляющие бойко работать задремавшую было фантазию, солидная с водяными знаками бумага, и жизнь, — так хочется сказать, — запечатленная в разных своих проявлениях, навечно. Но, увы, разных проявлений не так уж и много. В основном это описи имущества, тяжбы по поводу украденной лошади да разбор затеянной кем-то драки.

О чем думали наши предшественники, во что верили, чего боялись и над чем смеялись?

Отчасти ответы на эти вопросы дает фольклорный материал, сложившийся в городе еще до появления газет и журналов и сегодня почти не известный челябинцам. Выявленный в редких рукописных и печатных изданиях и публикуемый ниже, он подтверждает тот неоспоримый факт, что Челябинск, как и все исторические населенные пункты нашего края, имел целый пласт устной краеведческой и этнографической культуры, утерянный в результате быстрого роста населения, вызванного включением города в число станций железной дороги. Не всегда сведения, в нем излагаемые, соответствуют исторической реалии и архивным документам. Но так ли это важно, если речь идет о «преданьях старины глубокой». Ведь они несут в себе нечто не менее ценное, чем истина — образ мысли наших предков, их представления о нравственности, справедливости, устройстве мира.

Только Челяк и остался

…На том месте, где теперь Челябинск, 200—250 лет тому назад был единственный рыбачий, шалаш. Стоял он на левом берегу реки Миасс против теперешних улиц Каслинской и Кыштымской.

Правый берег реки был занят дремучими лесами. На степную левую сторону реки Миасс пригоняли стада на летовку башкиры. В шалаше жил башкир-рыбак, у которого башкиры-пастухи выменивали рыбу на свои продукты. Так продолжалось из года в год. Но однажды прибывшие на летовку башкиры не нашли своего земляка и его шалаша. Шалаш был разрушен, а на том

месте, где он стоял, валялся беспризорный челяк, или по-башкирски селяк. (Челяк — деревянная посудина, ведро.) Рыбака с его шалашом не стало, но башкиры продолжали пригонять стада на полюбившееся им место с хорошими кормами и водопоем. И то место, где жил рыбак, стали называть «место, где селяк», или «место, где найден был челяк».

Примечание. Легенда, объясняющая топоним «Челябинск», была записана А. Шумаковым и опубликована в рукописном журнале «Челябинский краевед» (см.: Государственный архив Челябинской области, фонд Р-633, опись 1, дело 21, лист 26, 26 оборот).

Атаман Кривой был крут…

…Первые поселенцы селились на левом берегу реки Миасс, в заречной части нынешнего Челябинска. На правом берегу реки была башкирская деревня Челябха. Русские первые поселенцы жили совершенно свободно, не зная над собою никакого начальства. И только башкиры беспокоили их и заставляли быть настороже. Чтобы избавить себя от этого беспокойства, русские собрались на общий сход, решили действовать организованно и избрали себе в руководители атамана Максима Кривого. Максим был человеком энергичным, он предложил челябинским башкирам ультимативное требование, Чтобы они немедленно убрались из этой местности, угрожая в противном случае выгнать их силой. Учитывая превосходство русских, башкиры благоразумно решили исполнить требования Максима. Сложили свои незатейливые манатки, собрали свой скот и перекочевали в Сарт-Калмыцкую волость. После ухода башкир русские начали заселять и правый берег реки.

Примечание. Легенда записана Ф. И. Горбуновым (1871—1936) и опубликована в рукописном журнале «Челябинский краевед» (см.: Государственный архив Челябинской области, фонд Р-633, опись 1, дело 6, лист 35).

Небезынтересно, что версия о первоначальном заселении русскими левого берега реки Миасс довольно устойчива в легендарных сведениях. Так, в 1928 году, при проведении земляных работ, были обнаружены человеческие останки, по поводу которых на страницах «Челябинского рабочего» разгорелась настоящая дискуссия. В ее ходе семидесятилетний житель Челябинска Г. Игумнов, ссылаясь на рассказ своей матери, которая, в свою очередь, слышала его от своего отца, среди прочего писал: «Здесь, по направлению к реке, была крепость Челяба. Ранее она была только за рекой, а на этой стороне жили

киргизы» (Челябинский рабочий. 1928. 13 июня).

Народные поверья, суеверия, знахарство, россказни и прочее в Троицком и Челябинском уездах

(Из этнографических записок Ястребова)

Ворона и здесь почитается зловещею птицею, поганою, проклятою, окаянною. Очень много простолюдинов, по замечаниям стариков, убеждены, что, если на чьей-то крыше собравшаяся куча ворон долго каркает, в том доме будет падеж скота. Если она летает из конца в конец над деревнею — падеж или валеж в целой деревне. Вообще пролет с карканьем ворон над деревней — недобрый знак: будет ненастье, пожар, смертность.

Кто убьет ворону и сороку в Покров день, у того на следующий год урожай хлеба.

Про разбогатевшего крестьянина говорят: верно, уж ворону скурчил.

Кузнечик, кующий в стене ночью на воскресенье, предвещает скорую смерть кого-нибудь в семействе этого дома или какое-либо несчастье.

Кошка, умывающая лапкой рыльце, замывает гостей из той стороны, куда обращена головой.

Нечаянно потухшая свеча, крик сорок на заплотах или над завознею — тоже приход гостей.

Умирая, если кто сам не закроет глаз — признак скорой смерти из этого дома и другого.

Не бывает благословения над тем домом, где на ночь не закрывается вода в чану или сусеке. Не имеющий чем-либо покрыть ее должен класть хотя бы палку.

Не нужно на себе ничего зашивать или пришивать: пришьешь, потеряешь память.

Не прощайся на пороге, не обрезывай ногтей в гостях — поссоришься скоро с хозяином.

Родители, узнавшие о разврате своей дочери, должны обрезать ей косу…

Поющая курица предвещает хозяину несчастье. Треснувшая матица в доме — покойник.

Сани с красками — хозяева с ласками, санки с запятками — хозяева с оглядками, — говорят старики ребятишкам.

Во всяком доме есть суседушка, сусед — великороссийский домовой. Переходя на новое жилище, должно приглашать с собой и суседа. Если ему не нравится корова или лошадь, или они не по

шерсти, то от первой не ожидай приплоду, последнюю не откормишь.

Нелюбящую лошадь он мучает, нравящейся — заплетает косы в гриве (подобное поверье обще с Московской губернией).

С людьми он тоже ведет знакомство, особенно с женщинами.

Любимой им женщине он то заплетает косы, то во время сна он приходит к ней и дышит на спящую. Если его дыхание тепло — хорошо, холодно — дурно, бедственно для этой женщины.

Волосы на груди играют немаловажную роль. Человек, имеющий их в изобилии, должен быть или чрезвычайно счастливым, добродетельным, или безнравственным и мошенником — две крайности. Верх счастия, если эти волосы расположены крестообразно; люди с подобным или высокого звания, или достигнут оного.

С которых пор собака оделась шерстью, а человек начал харкать? Первый человек засыпает, на страже у него собака. Дьявола берет сильное любопытство взглянуть на новосотворенное создание — человека, но близко подойти к нему — напрасное старание: собака устрашает. После разных разностей, наконец, ему — дьяволу — удается уласкать собаку. Подойдя к первому человеку, он взглянул на него, усмехнулся с зависти и, как на презренного, харкнул ему на грудь. Собака за неверность свою наказывается шерстью, которой прежде не имела.

Стрелять в лебедей — грех, застреливший лебедку наплачется.

Зайцы — поганье (употребляющий их мясо — поганый человек). Казаки, потребляющие их, подвергаются насмешке, говорят — на свет Божий слепыми родятся: котенок, зайчонок, щененок да казачонок.

Никогда замужняя женщина не должна чесать косу при чужом: грешно, и коса вылезет. Еще больше грешней и вместе стыдно ходить простоволосой; когда взойдет солнце, голова должна уже повязаться платком — это остаток татарщины или влияние ее на здешний быт, в точности исполняемый.

Обильная земляная вода обещает раннюю и обильную снегом зиму. Если декабрь был холоден, август будет тепел; теплый ноябрь предвещает студеную весну…

* * *

Мать, желая позабавить ребенка, сажает его на порог избы,

берет за правую ручонку, плюет на ладонь и потом водит по ней указательным пальцем, припевая:

Сорока-воровка
Кашу варила,
На порог становила,
Гостей созывала;
Гости побывали,
Всю кашу посъедали…

И потом, поднимая его быстро на руках вверх, хохочет. Или занимает ребенка следующим:

Где были?
У бабушки.
Что ели?
Алябушки.
Где алябушки?
На полочке.
Где полочка?
На столбике.
Где столбичек?
Вода снесла.
Где вода?
Быки выпили.
Где быки?
На гору ушли.
Где гора?
Черви выточили.
Где черви?
В траву ушли.
Где трава?
Гуси выщипали.
Где гуси?
В тальник ушли.
Где тальник?
Девки выпололи.
Где девки?
Замуж вышли.
Где мужья?
Лесовать ушли.
Где леса?
Повыгорели.

Потом, поднимая ребенка, скороговоркой прибавляет: Прутька бычок по дорожке течет.

Сани не наши, хомут не свой, понужай — не стой.

Ехал бы ежеден, да нет пошевен.

Ехало не едет, тпру не везет.

Кому ехать домой, запрягай да ступай, кому спать-ночевать — стелись да ложись, вперед Богу молись…

Примечание. Заметки М. Ястребова были опубликованы в «Оренбургских губернских ведомостях» за 1851 год и являются одним из первых, если не самым первым собранием фольклорно-этнографических сведений, записанных на территории нашего края и бытовавших в конце XVIII века — начале XIX веков. Матвей Никифорович Ястребов (1826—1853) — преподаватель истории и географии челябинского уездного училища, сотрудничал с Императорским географическим обществом, опубликовал ряд статей и документов по истории и этнографии края.

Татьяна Шматько-Зальцман
На всю оставшуюся жизнь

Письма издалека

Я — дочь Исаака Моисеевича Зальцмана, Таня, Татьяна Исааковна. Родилась в Ленинграде в трагическом 1937 году, 22 июня 1941 года мне отмечали четыре года. А вскоре война привела нашу семью в Челябинск. И с первой встречи с городом и по всей жизни я несу к тебе, Челябинск, трепетное чувство, еще более трепетное, чем к моей родине — Ленинграду.

Наверное, это потому, что прожитые в Челябинске детские годы были временем славы наших отцов, их «звездным часом». То, что было сделано ими в войну, подарило им и нам, их детям, чувство невероятной гордости на всю оставшуюся жизнь.

Отец вспоминал, что при первой встрече Челябинский тракторный произвел на него очень сильное впечатление: огромные корпуса, конвейеры, специализированные станки.

> «Перед нами был промышленный колосс, но это был тракторный колосс, рассчитанный на массовое производство тракторов».

Отец рассказывал, как первые месяцы войны свели под крышами цехов ЧТЗ, а в некоторых цехах не было еще даже крыш, несколько крупных заводов: ленинградский «Кировский», харьковские танковый и дизельный, завод «Красный пролетарий» и завод фрезерных станков из Москвы, часть Сталинградского тракторного, абразивный и более мелкие. Так родился завод-гигант, получивший в народе гордое имя «Танкоград».

Отец говорил, что на заводе работало 80 тысяч человек, выдавалось около 300 тысяч продовольственных карточек! Весь Челябинск участвовал в организации выпуска танков и дизелей на этом гиганте, попутно создавая максимально возможные в то время бытовые условия для десятков тысяч эвакуированных, принимая в свои квартиры по две-три семьи.

Предстояла громадная работа по расстановке рабочих и инженерно-технических кадров. Директора, главные инженеры, главные технологи, заместители директоров и другие инженерно-технические работники разных заводов, не считаясь с собственной прежней должностью, занимали то место, где могли

принести наибольшую пользу, вспоминал отец.

Он рассказывал, как в короткий срок заработал громадный коллектив, наращивая темпы выпуска танков не по дням, а по часам в буквальном смысле слова:

> «Не ежедневно, а ежесменно мы подводили итоги и намечали мероприятия на следующую смену. Работали по двенадцать часов, а если нужно, и сутками. На ходу надо было формировать цеха, участки, тысячи станков соединить в линии серийного и массового производства, тысячи станков модернизировать, приспособив к новой технологии. За одну ночь переставляли от 30 до 500 станков. Создавали конвейерно-поточное производство. Всем сейчас известно, что мы превзошли немцев не только в конструкции танков, но и в организации производства: на трех конвейерах выпускались одновременно танки КВ, Т-34 и дизели не только для себя, но и для других заводов».

С балкона нашей квартиры были видны железнодорожные пути, по которым с завода уходили составы с танками на фронт. И мы с братом Лёней часто считали количество платформ, тянувшихся за паровозом. Однажды мимо нас проследовал большой состав с танками и танкистами. Паровоз и несколько головных платформ уже миновали мост через улицу Спартака, как послышался страшный грохот. Мы выскочили на улицу и увидели, что состав пошел под откос. Через некоторое время в сторону завода проследовали искалеченные танки, у некоторых сопровождавших их танкистов были перевязаны головы. Потом мы узнали, что это была диверсия.

Среди бумаг отца я нашла стихотворение, к сожалению, неподписанное. Там есть такие строки:

Когда в Москве,
Когда на Балтике,
Когда в тайге,
Когда в Крыму
Все говорят,
        что наши танки
Прорвали фронт
        и вышли к рубежу, —
Я знаю:
        речь ведут о фронте,
О фронте в доблестном тылу.

И когда сейчас осмысливаешь жизнь, которую прошли наши отцы в Танкограде, а были они гораздо моложе, чем мы сегодня, понимаешь, что сделанное ими было не только по истинному движению души, но и талантливо, оперативно, тактически и стратегически грамотно.

А сколько было сделано в конце войны и в первые же годы после Победы для рабочих ЧТЗ, чтобы украсить их жизнь! Прекрасный театр, зимний стадион, первые дома на Киргородке, садовые участки… Я хорошо помню замечательный заводской хор. А как мы болели за хоккеистов и футболистов! А какие самодеятельные коллективы были на заводе, какие яркие, интересные профессиональные концерты они давали! У нас в доме хранятся несколько живописных работ заводских студийцев. Теперь я особенно хорошо понимаю, как заботилась администрация ЧТЗ, чтобы личность человека реализовывалась не только в заводских цехах, но и духовно.

Наша семья гордится тем, что во всем этом есть большой вклад отца, горячо любимого деда, как называли в семье после рождения внуков, Исаака Моисеевича Зальцмана. Он любил вас, любил Челябинск, любил и гордился делом, которое вы делали вместе.

Когда его просили рассказать о наиболее ярких людях, о танкоградцах, он говорил, что это трудно, ибо каждый из них — поэма, если не большой роман. А потом начинал рассказывать. Мне кажется, он помнил их всех.

И как же так случилось, что с осени «знаменитого» 1949 года отец никогда больше не увидел заводских цехов, заводского театра, детского парка, который в народе так и называют зальцмановским? А главное, так и не увидел многих своих соратников: Евгения Васильевича Мамонтова — этого громадного, умного, удивительно порядочного человека, настоящего уральца. Николая Петровича Богданова, которого всегда вспоминал с громадной теплотой и благодарностью. И многих, многих других, с кем был связан годами совместного труда. Он не мог себе позволить приехать в Челябинск по частному приглашению, он ждал приглашения от завода, но так и не дождался…

Мне же довелось несколько раз, и всегда с большим волнением, побывать в Челябинске после нашего отъезда. Район ЧТЗ не очень изменился. В 1973 году мой любимый каток был еще огорожен тем же дощатым забором, что и при открытии. Но город постепенно менялся. С каждой новой встречей он приобретал облик крупного красивого промышленного города. Меня восхищали каслинские кружева на фасадах домов, в кафе, в

переходах, здание нового драмтеатра, цирк и многое другое. Но более всего радовало, что челябинцы сохранили свою уральскую душу. Могли подбросить на машине и не взять ни рубля, могли отказаться от чаевых в парикмахерской.

Моего отца нет уже шесть лет. Мы передали заводскому музею все, что он завещал: шинель, папаху, орденскую книжку, удостоверения лауреата Государственной премии и депутата Верховного Совета.

Обращаясь к нынешнему поколению заводчан, отец говорил:

> «Нужно, чтобы вы хорошо знали и всегда помнили, что работаете в цехах прославленного ЧТЗ-Танкограда. Чтобы вы трудились с полной отдачей сил, как это делали ваши отцы и деды в первые пятилетки и в годы Великой Отечественной войны».

Он желал вам никогда не останавливаться на достигнутом, жить и работать на благо Родины.

К словам отца я хочу добавить и свое личное пожелание. Постарайтесь сохранить добрую силу, что идет от земли уральской! Ведь мир живет непреходящими ценностями. Пусть девиз наших дедов и отцов «Нужно — значит возможно!» станет для вас руководством к действию, а гуманизм движет вашей душою.

Февраль 1995 г.

Наталия Слатина
Челябинск

Памяти моих родителей

Как я боялась приезда и встречи,
Осиротевшей душою дрожа!
А город подставил широкие плечи
Той девочке с первого этажа.

А город спасал от тоски по ушедшим,
А город меня, как свою, обнимал.
А прошлое не становилось прошедшим,
И, кажется, каждый меня понимал…

Уральский мороз обожжет и согреет.
Виднее начала. Прямее концы.
Деревья роднее. Прохожий добрее.
И даже приветливее продавцы…

Ефим Ховив
Улыбки памяти

Константин Николаевич

Старейшим жителем нашего дома (жил я тогда по улице Артиллерийской, 110), самым известным и самым уважаемым был, конечно же, Константин Николаевич Свидерский.

Квартира Свидерских — на первом этаже. В зимние дни Зинаида Петровна в домашних туфельках и в пальто внакидку выскакивала на крыльцо — проверить погоду, выводила Константина Николаевича, помогала ему устроиться на скамейке, снабжала множеством советов и наставлений, каждый раз одних и тех же, и убегала по своим хозяйственным заботам. Потом она еще несколько раз выбегала посмотреть — здесь ли он и все ли в порядке.

Большой, грузный, казавшийся очень широким в своей то ли боярской, то ли артистической шубе и круглой шапочке, Константин Николаевич чем-то напоминал мне Шаляпина с известного кустодиевского портрета. Но не того Шаляпина, которого нарисовал Кустодиев, а такого, каким он стал бы, если бы смягчил свой характер и дожил до возраста Константина Николаевича.

В летние дни несколько ребятишек торжественно выносили из квартиры Свидерских большое кожаное кресло, помогали выйти Константину Николаевичу, он устраивался в кресле и сразу становился центром жизни большого двора. Люди постарше подходили поприветствовать его, поговорить о политике, молодые справлялись о здоровье, а маленькие ребятишки весело играли возле его кресла, как бы ощущая доброту и спокойную мудрость этого очень давно живущего на свете человека.

Сходство с кустодиевским Шаляпиным было не только внешним. Дело в том, что Константин Николаевич в давние годы тоже был оперным певцом, и в свое время довольно известным. Впервые он вышел на сцену еще в студенческой тужурке, а его профессиональный дебют состоялся в начале века в Петербурге, в частной опере Зимина. В театральных афишах того времени молодой певец Константин Свидерский значился как исполнитель ведущих ролей классического оперного репертуара, а в газетных рецензиях его баритон называли бархатным и давали самые лестные оценки мастерству и таланту молодого певца.

Музыка прошла через его жизнь. Мне казалось, что она звучит в его душе постоянно — и тогда, когда он рассказывал о театрах, в которых работал, о своих товарищах по сцене, и тогда, когда он молча сидел у подъезда, уходя мыслями в далекое прошлое.

В годы первой мировой войны Константин Свидерский в составе концертной бригады, по приглашению командующего Северо-Западным фронтом генерала Рузского, много раз выезжал в действующую армию, пел перед солдатами. После революции несколько лет жил в Средней Азии, в середине 20-х годов был одним из ведущих солистов знаменитой екатеринбургской оперы. Старожилы уральской столицы хорошо помнят прекрасного певца Свидерского, выступавшего в спектаклях вместе с самыми выдающимися оперными артистами России. А в 30-е годы он навсегда переехал в наш город и стал первым солистом Челябинского радио.

Обо всем этом я узнал из наших долгих бесед с Константином Николаевичем, а также из большого семейного альбома с фотографиями и старыми пожелтевшими, бережно хранимыми газетами, попутно выяснилось, что мы могли познакомиться лет на двадцать раньше. Зимой сорок третьего — сорок четвертого я учился в 50-й школе на Российской, в то время улице Сталина. Это был первый год раздельного обучения, и по всему Челябинску смогли набрать только один мужской выпускной класс: семнадцатилетние были уже в армии, шестнадцатилетних набралось шесть человек, я, пятнадцатилетний, был седьмым.

Позади школы находился просторный плац, где нас учили военному делу, а через дорогу от школы, на берегу Миасса, в нынешнем Дворце культуры электрометаллургов, была оперетта. Мы почти каждый вечер бегали на спектакли, весь репертуар посмотрели раз по двадцать. Билеты покупать не требовалось, так как все артисты жили в соседнем доме, а их дети учились вместе с нами. Некоторых моих одноклассников, более рослых, даже приглашали на спектакли статистами, так как взрослые статисты все были в армии.

Оказалось, что Константин Николаевич в те времена не только пел в нашей оперетте, но и был там председателем месткома. Едва ли он замечал худенького мальчишку-контрамарочника, но уж я-то, конечно, не раз и видел, и слышал его в спектаклях.

После расформирования оперетты Константин Николаевич совсем оставил сцену. Несколько лет он где-то преподавал, возможно, в культпросветучилище, помню только, что директор культпросветучилища Марченко был его близким другом и

почитателем. А когда стали сильно болеть ноги, окончательно оставил работу и перешел на попечение жены.

Это была забавная, необычная и очень славная пара. Он — огромный, вальяжный, величественный, как океанский лайнер. Она — маленькая, худенькая, со вздернутыми плечиками, круглым личиком, блестящими глазками и совершенно седыми буколькими.

Константин Николаевич всегда говорил неторопливо, веско, хорошо поставленным голосом, а Зинаида Петровна — быстро и немного невнятно, как будто во рту у нее была каша. Несмотря на все несходство, они были очень привязаны друг к другу. И тем не менее всегда ощущалось, что он — это он, а она — как бы при нем. По профессии Зинаида Петровна была медиком, много лет проработала врачом — рентгенологом в медсанчасти ЧТЗ. Когда и при каких обстоятельствах они познакомились и поженились, я или не спрашивал, что, впрочем, маловероятно, или позабыл.

Свидерские были на редкость гостеприимны. Стоило гостю переступить порог их двухкомнатной, до блеска ухоженной «хрущевки», на столе тут же появлялся пузатенький графинчик с водкой, настоянной на лимонных корочках, бутерброды со шпротами или другой рыбкой, вазочка с конфетами и чай в стаканах со старинными подстаканниками. Отказываться было совершенно бесполезно.

По праздникам у Свидерских собирались друзья. В основном это были медики, коллеги Зинаиды Петровны. Из них я хорошо помню супругов Братниковых. Бывал здесь близкий друг семьи, главный врач диспансера Мирон Израилевич Клебанов.

Маленький Клебанов и огромный Свидерский были людьми одного поколения и одной культуры. Мне запомнился рассказ Мирона Израилевича о том, как он, выпускник петербургского университета, в 1906 году работал земским врачом в каком-то заштатном уезде не то Смоленской, не то Витебской губернии. Однажды, когда он выехал ночью к роженице в дальнюю деревню, на него напали лихие люди. Но, узнав единственного в уезде врача, сказали: «Так это доктор! Извиняйте нас, доктор! Поезжайте, пожалуйста!» Сегодня трудно даже поверить, что были когда-то на Руси такие благородные разбойники.

Возвращаюсь, однако, к Свидерским. Детей у них не было, и всю свою неистраченную нежность Зинаида Петровна отдавала кошкам. У нее постоянно жили «на всем готовом» две-три кошки, но, кроме них, были и приходящие, а среди них — некий Васька, отчаянный донжуан, о котором Зинаида Петровна очень беспокоилась и которого сердито отчитывала за его любовные похождения.

Когда Константину Николаевичу исполнилось девяносто лет, его поздравляли жители не только нашего, но и соседних домов. Дверь в квартиру Свидерских в те дни просто не закрывалась. Я рассказал об этом событии своему другу, сотруднику областного радио Александру Николаевичу Шепелеву, и мы с ним решили посвятить юбиляру целую передачу. Но была одна, казалось бы, неразрешимая проблема: не сохранилось ни одной записи голоса Константина Николаевича. Придумали такой выход: взяли у него большое интервью, а когда речь шла о его «коронных» оперных партиях — давали эти партии, по заявке юбиляра, в исполнении его любимых певцов.

Председателем Тракторозаводского райисполкома в те годы был Василий Васильевич Гусев. Я, рассказав ему о необычайном юбиляре, пошутил: хорошо бы хозяину района оставить на полчаса свой кабинет и лично поздравить старейшего жителя.

— Ладно, обдумаем, — сказал Гусев.

Дня через три Зинаида Петровна зазвала меня к себе и рассказала о странном визите. Приехали на машине — тогда это было чуть ли не событие — двое молодых людей, очень воспитанных, и привезли Константину Николаевичу огромный букет и большую коробку шоколадных конфет.

— Как же вы их приняли? — стараясь не улыбаться, поинтересовался я.

— Пригласила за стол, налила по рюмочке, — рассказала Зинаида Петровна. — Посидели немного, поговорили. Хотела налить по второй, но они сказали, что спешат на работу.

— Судя по вашему описанию, — высказал я предположение, — это были председатель райисполкома и его заместитель.

— Боже ты мой! — всплеснула она руками. — Да если бы я знала!

Люди в нашем доме дружили и ссорились, рождались и умирали, играли свадьбы, кто-то уезжал, кто-то въезжал. В нашем подъезде жила семья отставного летчика и бывший кузнец ЧТЗ с женой, в соседнем — супружеская пара с тремя дочерьми. Высокий мальчик с пятого этажа дружил с полной девочкой из соседнего подъезда. Про одного из жильцов, седенького сухонького пенсионера, в прошлом начальника квартирного отдела, говорили, что он якобы торговал ордерами, нажил огромные деньги. Мы с ним были знакомы, здоровались. Как-то он заболел, я его навестил. Однокомнатная квартирка, спартанская обстановка, то, что называют честной бедностью. И я понял, что человеку иногда трудно защититься от зависти, клеветы, недоброжелательства. Даже там, где люди друг друга

знают годами, дружны, готовы прийти на помощь, как это не раз бывало в нашем доме.

Мы уехали из этого дома, когда моя дочь училась в первом классе, а сейчас у нее уже двое сыновей-школьников. Это были шестидесятые годы, и мы были «шестидесятниками». Об этом времени очень точно и проникновенно рассказывал замечательный писатель Юрий Трифонов в своих вызывавших горячие дискуссии романах, о которых сегодняшние молодые читатели уже ничего не знают.

Свидерские не были «шестидесятниками». Они были людьми другой эпохи, волею судьбы занесенными в наше время. У Пушкина в стихотворении «19 октября» есть строки о лицеисте, которому последнему придется праздновать лицейскую годовщину — среди людей чуждого ему поколения. Грустные строки…

Бывая у Константина Николаевича, я с удовольствием слушал его рассказы о тех из его друзей, которые были еще живы. Он с юмором говорил, что в юности они писали о каких-то личных трагедиях, о любовных неудачах, позднее — о служебных неприятностях, а в последнее время, словно сговорившись, только о болезнях. Иногда во время беседы он извинялся и включал радио, чтобы послушать «Последние известия» или насладиться музыкой. Хорошему концерту он радовался как празднику.

Все это было, было, было…

Мы хоронили Константина Николаевича зимой, на Успенском кладбище. День был не очень морозный, но с ветерком.

Нас приехало сюда человек пятнадцать. Я сказал о покойном несколько слов, вспомнил то, что слышал когда-то от моей двоюродной бабушки: самое благородное существо на свете — русский интеллигент. Около раскрытой могилы стояла совсем потерявшаяся Зинаида Петровна, крохотная кукольная старушка, и зимний ветер трепал ее седенькие, под цвет кладбищенского снега, букольки.

С тех пор прошло уже три десятка лет, но я и сегодня хорошо помню Константина Николаевича. Вот он сидит в своем огромном вольтеровском кресле, в тщательно отглаженной толстовке, повернув ко мне большую посеребренную голову. В его глазах, в молодости очень красивых, а теперь уже потускневших, — внимание и интерес к собеседнику. Большие добрые руки спокойно лежат на подлокотниках.

На столе перед Константином Николаевичем — маленький динамик, который сообщает ему о новостях в мире и дарит ни с чем не сравнимую радость — музыку. А на стене, рядом с репродукцией шишкинского пейзажа, — портреты самых дорогих

для него людей — Чехова и Чайковского.

Загадочная улыбка Рустама

Время от времени челябинские партийные власти начинали проявлять повышенный интерес к литературной смене. Собирались совещания, проводились семинары. Однажды дело дошло до того, что всех поголовно руководителей литобъединения, даже таких беспартийных, как я, ввели в номенклатуру райкомов партии.

На одном из совещаний произошел такой казус. Перед литераторами выступал секретарь обкома партии по пропаганде Евгений Михайлович Тяжельников — молодой, красивый, интеллигентный, прекрасный оратор. Слушать его всегда было интересно.

После выступления — вопросы. Молодой Рустам Валеев, загадочно улыбаясь, по-обыкновению задает каверзный вопрос:

— Не скажете ли вы, Евгений Михайлович, для чего обкому партии нужны литературные объединения?

Тяжельников удивленно разводит руками. Рустам, все так же загадочно улыбаясь, говорит:

— Тогда я сформулирую свой вопрос по-другому. Зачем нужен обком партии литературным объединениям?

Тяжельников густо краснеет, руководители писательской организации в шоке. После паузы на выручку бросается человек, не раз бывавший под пулями, поэт и фронтовой журналист Марк Гроссман, литературный наставник Валеева.

— Евгений Михайлович, Рустам — русский писатель, но иногда он говорит так, что его нужно переводить на русский язык. Даже мы, его собратья по перу, не всегда его понимаем. Видимо, он хотел спросить: каким образом литературные объединения могут быть полезны обкому партии?

Такой «перевод» устраивает всех. Тяжельников успокаивается, литруководство облегченно вздыхает. Только на лице у Рустама продолжает играть все та же загадочная улыбка.

Знаток Пушкина

Случилась эта забавная история больше тридцати лет назад. Я тогда работал литературным сотрудником в редакции многотиражки ЧТЗ, которая носила романтическое — в духе времени — название «За трудовую доблесть!». Только что прошла

пушкинская дата. В газете отметили ее традиционной страничкой: три-четыре стихотворения из «обоймы», портрет работы Кипренского, несколько «откликов трудящихся» — молодого рабочего, кадрового рабочего, представителя технической интеллигенции, кого-то из знатных людей.

Страничка как страничка, не хуже чем у других. Прошло несколько дней, и вдруг — звонок редактора:

— Ну-ка, зайди!

Захожу. Настроение у шефа мрачное.

— Ты что это себе позволяешь?

— Упрек носит общий характер, — отвечаю я, усаживаясь напротив. — О чем речь?

— Тебе кто позволил Пушкина редактировать?

— Бред какой-то! — изумляюсь я.

— Бред? А это что?

Беру протянутый листок, читаю. Письмо в редакцию. Автор, работник конструкторского отдела, фамилия мне совершенно незнакомая, интересуется: кто позволил уважаемым товарищам заводским журналистам нагло, нахально, беззастенчиво, бессовестно редактировать Пушкина? На странице, посвященной юбилею великого поэта, в таком-то стихотворении такие-то слова заменены такими-то, в другом — то же самое. Стихи эти знает наизусть любой школьник. Вероятно, именно школьный этап в биографиях товарищей заводских журналистов отсутствует.

Письмо внешне очень корректное, но под этой корректностью столько яду, что хватило бы целому семейству гюрз на целый год. Для доказательства нашей наглости и беззастенчивости приложена обложка школьной тетрадки с напечатанными на последней странице стихотворениями — «К Чаадаеву» и другими.

— Что будем делать? — сердито гудит редактор. — Извиняться перед читателями? Всенародно краснеть?

— Ничего не понимаю, — растерянно бормочу я. — И в мыслях не было…

— Разберись, — резюмирует шеф. — Через час доложишь.

Иду в библиотеку, беру том академического издания Пушкина, из которого были перепечатаны стихи для юбилейной страницы. Все точно, до последней запятой. И вдруг до меня доходит: варианты! Мог бы и сразу догадаться, да что-то в голове заклинило.

Звоню приятелю-конструктору, спрашиваю об авторе письма: что за человек? Ответ гласит: «Нормальный парень. Правда, пожилой, лет сорока пяти (Боже мой, сорокапятилетний казался нам тогда пожилым!). Есть, правда, один заскок: Пушкин. За Пушкина горло перегрызет».

Получая эту информацию к размышлению, не без злорадства думаю: «Ну, голубчик, держись! За любовь к Пушкину я тебя похвалю, а за язвительный тон — ты уж не обижайся — я тебя достану!»

Сажусь сочинять ответ автору.

> «Многоуважаемый Н. Н.! Читал Ваше письмо, проникнутое горячей любовью к Пушкину, с великим недоумением. Так же, как и Вы, я полагаю, что Пушкин писал достаточно хорошо и ни в каком редактировании не нуждается.
>
> Не знаю, был ли в Вашей биографии школьный этап, но любому школьнику известно, что в разных изданиях великих и даже не очень великих писателей могут быть разночтения, различные варианты. Напечатал поэт какое-нибудь стихотворение, а потом, для следующего издания, какую-то строчку в нем взял да и поменял, переделал. Все очень просто.
>
> Судя по Вашему письму, человек Вы еще очень молодой, не научившийся сдерживать своих порывов. Но молодость — это недостаток, который с годами непременно проходит. А за пламенную любовь к Пушкину можно простить некоторую несдержанность тона Вашего очень интересного письма.
>
> С искренним уважением и самыми добрыми пожеланиями — литературный сотрудник такой-то».

Сочиняя этот ядовитый ответ, я, вероятно, получил не меньше удовольствия, чем запорожцы, писавшие знаменитое письмо турецкому султану. Послание свое я отправил по внутризаводской почте. Очень хотелось знать: что будет дальше? Ответит или нет? Дня через три нахожу у себя на столе конверт со знакомым почерком, а в нем — тетрадный листок в линейку. Ни обращения, ни подписи, только одна-единственная строчка: «Сгорел граф Нулин от стыда…»

С тех пор прошло без малого тридцать пять лет. Сегодня в моей домашней библиотеке Пушкин и книги о Пушкине занимают несколько полок. В минуты жизни трудные рука привычно тянется сюда: «Дубровский», «Капитанская дочка», «Евгений Онегин», «Борис Годунов», лирика, дневниковые записи, письма…

Если у кого-то из моих друзей когда-нибудь спросят обо мне — что он за человек? — очень хотелось бы, чтобы ответ был примерно такой: «Нормальный парень. По возрасту мог бы на отдых уйти, но все еще бегает. Есть, правда, один заскок: Пушкин.

За Пушкина голову оторвет!»

Честное слово, это не так уж далеко от истины.

Дела целинные

Когда началась эпопея освоения целины, на страницы газет и журналов хлынула полноводная река «целинных» стихов, поэм, рассказов и даже романов. Начались писательские командировки на целину — за свежатинкой.

В те дни у нас в Челябинске на писательском собрании пустили по рукам несколько дружеских шаржей на местных писателей. Нужно было срочно сделать к ним стихотворные подписи. Ко мне попал шарж на челябинского поэта Александра Гольдберга, только что вернувшегося с обильным творческим уловом из командировки на целину. Художник изобразил поэта на пашне, плугом ему служила авторучка с приделанной к ней лирой, на поднятых целинных пластах было написано: «стихи», «поэма», «очерк».

Дернул же меня черт потянуться за пером!

Строчка к строчке набегает,
Песни новые слышны,
Широты тебе хватает,
Не хватает глубины.

Экспромт пошел по рукам, его одобрили, и через два дня он появился в газете. Мне потом рассказывали, что Александр Яковлевич очень рассердился, особенно его разгневало подозрение в том, что он «строчкогон». В адрес автора четверостишия было сказано: «Этот мальчишка, которого я учил ходить!»

К счастью, Александр Яковлевич был отходчив, и мы скоро помирились.

Из удачных эпиграмм той поры запомнились две.

Юрий Подкорытов — на Самуила Гершуни:

Мы стихи твои читали,
Долго думали, гадали,
Наконец, решили так:
Самуил, но не Маршак.

И Якова Вохменцева — на Лидию Преображенскую,

выпустившую книжку стихов для детей «Не боимся мы зимы»:

Всю жизнь кропает человек
стихи холодные, как снег.
К его стихам привыкли мы:
не боимся мы зимы.

Пример правильного отношения к «уколам» критики показал Михаил Львов. Когда в «Правде» — в «Правде»! — после выхода книжки стихов «Живу в XX веке» появился фельетон «Сверчок на печке», Михаил Давыдович пошутил:

— Я и не мечтал о такой рекламе!

Книжку раскупили за три дня.

Елена Селиванова
Слово имеет адвокат…

В предисловии к своей книге «Трагедия в доме № 49» я написала:

> «Трудно вырвать корень дерева, но еще труднее вырвать корень зла, хотя не всегда он имеет под собой почву. Доброта может поднять человека до высот горы, а зло завести в такие дебри, из которых одному, без помощи, трудно вырваться…
>
> Я адвокат. У меня трудная профессия — быть поводырем заблудившегося. Ведь тонет не тот, у кого меньше сил, а тот, кто потерял надежду. Адвокат обязан научить бороться за свои права, обязан вернуть надежду, что справедливость восторжествует».

Мне посчастливилось работать с коллегами, которые были адвокатами «от Бога». Это кандидат юридических наук Михаил Григорьевич Стучинский, Павел Петрович Блюм, Вероника Михайловна Бершадская, Татьяна Ивановна Перминова. О каждом можно написать книгу.

Несколько лет назад ушел из жизни Николай Андреевич Давыдов. Он до сих пор перед глазами: высокий, широкоплечий, с добрым русским лицом и шевелюрой овсяных волос. Многим он спас жизнь. Я и сейчас, возвращаясь с работы, часто встречаю спасенного им К-ва.

К-в был приговорен областным судом к расстрелу за убийство старухи матери. Измученный долгим следствием и ожиданием расстрела, осужденный отказался писать прошение о помиловании. «Я не убивал, и просить пощады мне не надо. Не хотят верить мне — пусть расстреливают!» — заявил он адвокату.

Владимир Павлович Знаменский от своего имени написал кассационную жалобу, и приговор был отменен. А осуществлять дальнейшую защиту К-ва в порядке бесплатной помощи взялся адвокат Давыдов. И он доказал, что в смерти потерпевшей был заинтересован ряд лиц, да и в заключении судебно-медицинской экспертизы нет данных, исключающих самоубийство измученной болезнью и страданием старой женщины.

Долго совещался Челябинский областной суд. Сколько пережил адвокат Давыдов, пока услышал, что его подзащитного оправдали.

Когда судья предоставлял слово адвокату Стучинскому, в зале наступала мертвая тишина. Он вставал медленно, поправлял запонку накрахмаленной рубашки и, немного помолчав, обращался к суду, подсудимому, публике, призывая понять, как могло случиться все то, в чем обвиняют его подзащитного. И, если тот действительно был виноват и вина бесспорно была доказана, становилось ясно, что это не только вина, но и беда человека. И на глазах преступник, которого люди готовы были растерзать, становился обыкновенным человеком со своей трагедией, с криком души, бессонными ночами, страшными письмами и воплями о помощи.

Михаил Григорьевич был великим оратором. Он владел словом, как шпагой. Сотни людей приходили слушать его и аплодировали, хотя каждый раз судья напоминал, что это не театр, а суд.

…Вячеслав Комадей, бывший артист, стал адвокатом по призванию. Он выступал ярко, темпераментно, отдавая защите всего себя. Для него было страшным горем, если он проигрывал процесс. Но если дело заканчивалось в его пользу, он старался успокоить коллегу — вставал в позу и, как будто на сцене Большого театра, хорошо поставленным голосом пел: «Сегодня ты, а завтра я!»

Он ушел из жизни неожиданно, так же быстро, как и ворвался в наш коллектив. Мы уговаривали его не лететь в Москву защищать честь опозоренного центральной прессой клиента. Можно было отложить дело, ведь он был болен — высокая температура, плохой анализ крови…

— Что будет, то будет! — махнул он рукой и помчался в аэропорт.

Он выиграл процесс. Но мы потеряли любимого коллегу. Он успел написать письмо, последнее в его жизни, чтобы отпели его в Симеоновской церкви, чьи дела он вел, да поставили простой крест на могиле.

Огромный букет принес на его могилу последний клиент адвоката. «Как хороши, как свежи были розы!» — сказал бы поэт Иван Мятлев, стихи которого так любил Вячеслав Комадей…

* * *

Какая трудная, но прекрасная у меня работа! Грешным делом, я иногда думаю: может, за мое сиротское, босоногое детство и военную юность Бог подарил мне профессию адвоката.

Ирина Егурная
Рождение музея

(Центр историко-культурного наследия Челябинска)

Дата рождения нашего Центра — май 1993 года. И уже в начале следующего месяца самыми первыми музейными предметами стали фотонегативы городской застройки Челябинска, тех самых деревянных домиков 30—50-х годов, которые в наше бурное время со стремительной скоростью исчезают с улиц Труда, Карла Маркса, Российской, Красноармейской, Пушкина. Фасады с разных точек, детали деревянного декора, интерьеры внутренних двориков — все это тщательно фиксировалось на пленку, становившуюся подчас последним источником информации о целой эпохе деревянных построек Челябинска.

Постепенно фототека расширялась — в нее органично вливались фотонегативы и фотографии памятников архитектуры и монументального искусства Челябинска, достопримечательностей города и его окрестностей.

Узнав, что мы собираемся создавать музей истории города, в Центр потянулись люди — краеведы, историки, студенты и преподаватели, пенсионеры, любители старины, коллекционеры — люди, в общем, разные, но все как один объединенные любовью к родному городу, его истории. И каждый старался прийти не с пустыми руками.

Так, одной из первых принесла нам в Центр свой архив Вера Степановна Колпакова, краевед, бывший преподаватель агроинженерного университета. Здесь были с любовью подобранные материалы о челябинских поэтах, писателях, художниках, артистах (Н. Русакове, А. Шмакове, Л. Преображенской, А. Лесковой и многих других) и материалы, связанные с памятными местами города — улицами, скверами, площадями, памятниками, и даже исследования по истории челябинских кладбищ… Так, архив Веры Степановны положил начало одному из самых больших собраний Центра — документальному фонду.

Документы в Центр поступали по-разному. Были разовые поступления или в составе комплексов, вместе с фотографиями, книгами и другими предметами. Так, например, поступил в фонды входной билет в цирк Стрепетова, относящийся к началу

века, а через год к нему добавился билет в электро-театр «Луч» (в советское время в здании театра располагалась гарнизонная столовая, сейчас это здание надстроено, так что совершенно потеряло первоначальный облик).

Интересным приобретением стали документы семьи Чирковых: выписка из метрической книги Николаевской церкви о бракосочетании Ивана Васильевича Чиркова и Анны Григорьевны Еремеевой за 1873 год, заверенная нотариальной конторой П. Ф. Туркина в Челябинске, купчая на продажу дома Чиркову И. В. от 13 мая 1904 года, завещание Ивана Васильевича, составленное через три года после покупки дома, в самый разгар строительных работ, о чем свидетельствуют многочисленные накладные Лесопромышленного товарищества «Лаптевы и Манаев» на доски, бревна, брусья; переписка вдовы Анны Григорьевны с судом об утверждении завещания и указ Челябинского сиротского суда об утверждении попечительства А. Г. Чирковой над детьми; документы дочери Чирковых — Евгении: свидетельство об окончании 1-го женского начального училища и Похвальный лист этого училища, аттестат об окончании Челябинской женской гимназии в 1907 году. А также всевозможные квитанции, окладные листы, свидетельствующие об уплате налогов за дом, постройки, землю вплоть до 1918 года. Целый отрезок жизни семьи почти в двадцать лет проходит через эти документы…

А вот другая жизнь, другие документы — командира 27-й особой конной сотни Оренбургского казачьего войска есаула Колбина Григория Васильевича. Из мирной жизни последнего представлены расписки на получение денежных переводов и интересный рукописный план поселка Николаевского (с 1902 г. Никольского) Челябинской станицы. На плане имеется подпись: «Рисовал хорунжий Колбин» и дата — «9 августа 1896 г.». А дальше — воинские предписания о выполнении приказов за 1915—1916 гг., сами приказы, копия Инструкции 27-й особой конной сотни Оренбургского казачьего войска, несущей военно-полицейскую службу в районе 39-го армейского корпуса, письмо сослуживца Колбину за 1915 год и небольшой листочек бумаги с образцом фронтовой «лирики» того времени — стихами о «невесте прапорщика Тане»…

Оттуда, из прошлого Челябинска, дошли до нас фотографии старых челябинских фотографов — В. Г. Половникова, Ф. Т. Катаева, В. Н. Попова, В. И. Степанова. С них смотрят на нас лица горожан — молодых и старых, красивых и не очень, именитых и неизвестных. Последних — большинство. В лучшем случае на обороте фотографии торопливым почерком сделана

пометка, например, имя ребенка — «Симочка», или просто инициалы — «А. Ш.» и все. Никаких сведений, за исключением фамилии фотографа или рекламы фотоателье.

Среди таких безымянных портретов привлекает внимание один, запечатлевший супружескую пару в полный рост. Изготовлен он в фотографии Ф. Т. Катаева, о чем говорит тисненая золотом фамилия фотографа по паспарту. А интересен он своим оборотом. Там, где обычно размещались адреса и рекламы, оказался помещенным выполненный типографским способом фотоснимок участка улицы с симпатичным двухэтажным особнячком, с отдельным входом под вывеской «Фотография Катаева». Все изображение заключено в витиеватую прямоугольную рамку с растительными элементами и обрамлено надписью «Фотография Ф. Т. Катаева в Челябинске по Мастерской улице, собственный дом». Как говорится, лучше один раз увидеть…

Вот другая фотография. В отличие от первой, не известны ни фамилия мастера, ни адрес ателье. Молодая женщина в светлом платье сидит вполоборота, облокотившись правой рукой о столик. Слева от нее — моложавый мужчина в круглых очках. Позади сидящих стоит молодой мужчина в форменном кителе. На обороте имеются две записи, сделанные черными чернилами. Первая — «Идеальной искательнице смысла жизни — на вечную память от идейного «трио». Виноградов». И вторая: «Подпись г. Виноградова свидетельствую. И меня не забудьте. Мировой судья 1-го участка гор. Челябинска И. Покровский».

Несомненно, что вся работа с этим фотопортретом еще впереди — предстоит выяснить историю снимка, дату и место съемки, имя фотографа, постараться поподробнее узнать об участниках «идейного трио»…

Фотография, чудесное изобретение XIX века, породила еще одно новшество — так называемую фотооткрытку. Сам город Челябинск начала века тоже оказался запечатленным во всей своей красе на многочисленных открытках. Величественный Христорождественский собор и не менее величественный католический костел, Народный дом и театр Вольного общества на острове, живописные окрестности озера Смолино и мусульманская мечеть, женская гимназия и реальное училище, Переселенка… — ничто не ускользало от зоркого глаза фотообъектива. Спешили такие почтовые карточки из Челябинска и в Челябинск с весточками от родных и близких, друзей и знакомых…

Держу в руках старую, потертую, с разноцветными разводами от красок открытку. В течение долгого времени хранилась она у

челябинского художника И. Л. Вандышева, отсюда и следы краски. Издана открытка владельцем челябинского писчебумажного магазина И. А. Гуревичем, и изображен на ней железнодорожный вокзал. На открытке под пятнами краски виден адрес, четко написанный твердым уверенным почерком — «Челябинск, казенный винный склад, Аркадию Космичу Малкову». А на обороте, под изображением вокзала, тем же твердым почерком написано — «Поздравляю! 22 января 1903 года». И подпись — «Б. Сурьянинов». От себя добавлю, что Б. Сурьянинов — челябинский врач. Фамилия Сурьяниновых встречается еще на одной открытке с видом на женскую гимназию, адресованной в Петроград, на Стебутовские высшие сельскохозяйственные женские курсы, Вере Федоровне Сурьяниновой. Поздравления по случаю Нового 1915 года шлет Вере Федоровне ратник ополчения, получивший шесть месяцев отсрочки по состоянию здоровья, некий Иван Д.

Из художественных открыток, поступивших в Центр, представляют интерес адресованные П. Ф. Туркину, челябинскому нотариусу, бывшему в 1909 году городским головой, и жительнице Челябинска Марии Георгиевне Сергеевой, получившей поздравления по случаю дня ангела в трагичном для Челябинска 1919 году.

Ценным приобретением стали в 1994 году фотоархивы заслуженного строителя РСФСР Валерьяна Васильевича Спасоломского (1904—1993) и архитектора Константина Дмитриевича Евтеева (1912—1993), любезно переданные в Центр их родственниками.

Фотографии, сделанные Валерьяном Васильевичем и Константином Дмитриевичем, приоткрывают нам слегка «подзабытый» Челябинск 40—50-х годов: только что отстроенные дома, еще не тронутые разрушительным временем, не обремененные многочисленными пристройками-павильонами, магазинчиками, заборами, а также показывают нам Челябинск, каким он мог бы стать — не реализованные по разным причинам проекты перепланировок улиц и площадей, проекты реконструкции старых и строительства новых зданий.

И совсем уже необыкновенным приобретением стал архив известного челябинского фотохудожника Семена Григорьевича Переплетчикова (1931—1994). Он вобрал в себя уникальнейшие фотопортреты известнейших людей России, бывшего Союза, живших в Челябинске, приезжавших в Челябинск. Это громадная коллекция фотонегативов почти за сорок лет творческой деятельности мастера, это коллекция афиш, плакатов, концертных программ, каталогов художественных выставок с

автографами Д. Шостаковича, С. Рихтера, В. Пикайзена, Э. Гилельса, Р. Керера, Э. Миансарова, А. Маркова, В. Спивакова, Л. Головницкого, В. Воловича, Г. Мосина, Э. Неизвестного, Е. Широкова и многих других. Это коллекция фотопортретов с автографами А. Сахарова, А. Даниэля, Л. Копелева, Б. Окуджавы, В. Высоцкого, М. Эсамбаева, В. Данилина, Я. Френкеля, М. Жарова, Е. Леонова, Л. Оболенского, Р. Рождественского, И. Кио, С. Герасимова, В. Караковского, Г. Елизарова. Это подборки материалов о деятелях культуры, искусства, науки, образования, медицины, это огромная коллекция грамзаписей, обширная переписка, редкие издания книг, в числе которых такая редкость, как тоненькая книжечка М. Одинокого (псевдоним Борисоглебского Михаила Васильевича, русского советского прозаика) с драмой «Ложь», выпущенная в Троицке типографией Госкома в 1923 году на средства, преподнесенные автору в день 10-летия литературно-художественной деятельности.

Но челябинцы любили не только запечатлевать себя и свой город на фотопортретах и открытках, они любили еще украшать свой быт. Правнуки и внуки старых горожан это подтвердили. Так, откликнувшись на одно из радиовыступлений, пришел к нам в Центр Олег Петрович Курилло и принес театральный бинокль дивной парижской работы конца XIX века, инкрустированный перламутром, на складной ручке. По его словам, бинокль принадлежал его бабушке Ефросинье Денисовне Павленко и хранился в семье с 1907 года.

От Татьяны Ивановны Никитиной (1904—1980), главного режиссера Челябинского кукольного театра, поступило редкой красоты зеркальце в деревянной оправе на длинной стебельчатой ручке, инкрустированное металлическими цветами и искусственными, «под рубины», камнями. И хотя мы знаем из семейной легенды, что принадлежало оно матери Татьяны Ивановны — Валентине Яковлевне Филимоновой, невольно кажется, что именно с него А. С. Пушкин списал волшебное говорящее зеркальце злой мачехи в сказке «О мертвой царевне и семи богатырях».

Пришла как-то в Центр Клара Васильевна Хлобыстова, большая патриотка нашего города, и принесла шкатулку для ювелирных украшений. Большая такая шкатулка, старинной работы. На откидывающейся крышке — инкрустация, внутри — зеркальце, чтобы удобнее было примерять украшения, не отходя от шкатулки. Изнутри вся шкатулка обтянута розовой шелковой тканью, причем на донце лежит мягкий стеганый матрасик из той же ткани. Все продумано до мелочей, все предусмотрено.

А взять рамки под фотографии, будь то резные деревянные

или каслинского художественного литья, они же глаз радуют своим исполнением, своей работой.

Есть у нас и несколько кабинетных скульптур чугунного литья. Одна из них, «Киргиз на лошади», скульптура А. Обера, интересна тем, что изготовлена не в Каслях, а в городе Куса в 1904 году.

В самом конце 1994 года Центр приобрел две большие картины челябинского художника Николая Петровича Загороднева из серии «Старый Челябинск». На обеих изображена улица Большая (ныне улица Цвиллинга) с разных точек. На одной из картин мы можем видеть Перцевскую церковь, на другой — Одигитриевский женский монастырь. Глядя на них из сегодняшнего времени, даже трудно себе представить, что пройдет всего несколько лет — и весь этот великолепный комплекс будет уничтожен, оставаясь только на открытках да картинах старых мастеров…

В июне 1870 года прошла городская реформа, которая ввела принцип городского самоуправления. Эта реформа предусматривала, ко всему прочему, и присвоение специальных знаков должностным лицам городского самоуправления. Они носились на шее, на цепи. Один такой знак, члена Челябинской городской управы, поступил в фонды Центра в 1994 году. Он представляет собой довольно крупный овал, в центре которого, на лицевой стороне, расположен герб Челябинска под императорской короной, украшенной двумя царскими скипетрами, перевитыми Андреевской лентой. По овалу идет надпись: «Челябинская городская управа», на оборотной стороне проставлена дата «16 июня 1870 г.». Такой знак носился на посеребренной цепи.

Не следует думать, что все самые интересные экспонаты будущего музея истории города относятся к дореволюционному периоду. Есть у нас немало таких и советского времени, первых лет постсоциалистического периода.

Вот, например, металлическая копилка в виде чемоданчика с ручкой и ключами. Обе стороны «чемоданчика» украшают надписи-наставления: «Храни каждую свободную копейку на сберегательной книжке» и «Государственная трудовая сберегательная касса — кошелек и кассир трудящихся». Такие копилки были в ходу в конце 20-х годов.

Или вот две афиши из коллекции Анастасии Спиридоновны Лесковой, народной артистки РСФСР, переданные в Центр преподавателем педагогического университета Виктором Петровичем Рожковым. Одна из них приглашает на загородное гулянье в воскресенье 15 июня 1924 года с участием артистки

Лесковой (все сборы пойдут на борьбу с туберкулезом). А вторая приглашает посетить спектакль «Сильва» с участием артистов Богдановой, Лесковой и других 4 ноября 1925 года.

Вот одна из первых книг, выпущенных Челябинским областным государственным издательством (будущим ЮУКИ), — В. Бианки «В гостях у челябинцев». Год издания — 1936-й. Есть и другие редкие издания Южно-Уральского книжного издательства.

А вот совсем тонюсенькая книжица — «Путеводитель по третьему карнавалу Челябинского парка культуры и отдыха за 1938 год».

Подвеска от знака с гордой надписью «Дворник города Челябинска № 122».

Отдельные номера газеты «Челябинский рабочий» за первые дни Великой Отечественной войны…

Поиск продолжается…

Явленье музы (продолжение)

Сергей Борисов

* * *

Не устрашись, когда мгновенья
тебе поведают чуть слышно,
что сердце из повиновенья
уму презрительному вышло.

И так враждебно и влюбленно
оно забилось, как в неволе,
что ты не в силах поименно
назвать слагаемые боли.

Стерпи порыв его незрячий,
когда проступят капли пота
и в грудь, как паводок горячий,
живая хлынет позолота.

Пробейся к образу и звуку
от злобы, зависти и скверны
и, может быть, обманешь муку
и сном забудешься неверным.

И все, что поглотили в яви
твои глаза, как два колодца,
в слезах, сиянии и славе
на мысль угрюмую прольется.

* * *

Эту звездную погоду,
эту исповедь греха
я толку, как в ступе воду,
в утлой амфоре стиха.

Дни, по коим ныть не надо,
сны, заведомо не те,
я несу в ладонях лада,
точно воду в решете.

И от бега дней зависим,
сам с собою говоря,
я мечу слова, как бисер,
опрометчиво и зря.

Скорбный труд — строкой и речью
вновь и вновь, пока живой,
биться в душу человечью,
будто в стену головой.

Мария Голубицкая

* * *

Кончается лето.
Краснеет рябина.
А я и не знаю,
Была ли любима.

Была ли любима,
Иль только казалось?
И что мне на память
От лета осталось?..

* * *

Плотник возится с деревом,
Токарь — с металлом,
А поэт за словами
Шагает и в солнце и в тьму.

Каждый знает свое
Сопротивленье материала.
Каждый знает и то,
Как не поддаться ему.

Если тупым рубить топором —
Дом получится косо и криво,
Если токарь запорет деталь —
Будет меньше деталью одной.

Ошибется поэт —
Станет меньше на свете счастливых
И чужая душа
Так и будет чужою душой.

Ася Горская

Снег в апреле

Что за снег
Невесомый
В апреле!..
Он прозрачен,
Как детская
Грусть.
Перепутал весны
Акварели,
Пусть немного
Покружится,
Пусть.

Снег в апреле —
Он словно
Приснился,
Снег в апреле —
Не снег,
Ерунда!
В чьи-то волосы он
Опустился
И останется
В них
Навсегда.

Петровна

Распечалилась
Школьная бабка
Петровна,
Знать, прослышав,
Какая ее ожидает
Беда:
В школе думают ставить
Звонок электронный,
Ну а как же Петровна?
Что станется с нею тогда?
Разве плохо звонила? —

Минута в минуточку!
Как ребенка,
Звонок сберегала она.
Ну а если он все же
Запаздывал чуточку —
Значит, в классе
Контрольная,
Бабкина помощь нужна.
Перед тем, как звонить,
Вытрет фартуком руки,
Поглядит на часы
И торжественно
Кнопку нажмет…
И по всем этажам
Загалдят и затопают
Внуки.
Бабка очень гордится,
Что знает их
Наперечет.
Все бывает:
И шлепнет в сердцах
Окаянных,
Коль не видит никто —
Перекрестит
порой.
А своих «не было»,
Не дождалась Ивана,
И осталась навечно
Солдатской вдовой.
Пусть же бабка звонит,
Бережет
Нашу школьную хронику,
И себе, как случится,
Даст последний,
прощальный звонок.
Не спешите, директор,
Пускай подождет
Электроника,
Доброта
В нашей жизни —
Главный урок.

Римма Дышаленкова

Вечный сюжет

И глина любит гончара,
когда ваяет он богиню.
Ты создал женщину вчера
из белой равнодушной глины.

В твоих горячечных руках,
тяжелых и неутомимых,
метался дух, горел очаг,
рождалась женщина из глины.

И родилась, и вознеслась,
спросила: — Ты ли — мой создатель?
Зачем на свет я родилась?
Кому нужны мои объятья?

Но ты признаться не посмел,
зачем терпел огонь и муки.
Ты от восторга поглупел,
забыл гончарные науки.

И, не успевшая понять
бессилья твоего, Создатель,
она отправилась искать,
кому нужны ее объятья.

А ты, кто чудо сотворил,
глядел бездомною собакой.
И ждал ее, и водку пил,
и от стыда украдкой плакал.

* * *

Быть бы ненастью,
                но дождь помешал.
Быть бы любви,
                да любовник сбежал.
Бегает бедный под теплым дождем,

Богу помолимся и подождем.

Куры кудахчут, мяукает кот.
Бедный любовник сушиться идет.

Печь деревянную я затоплю,
высушу блудня и погублю:
пусть не мешает плескаться дождям,
курам кудахтать, мяукать котам.

В пещере

Вода, скользя, роняла капли.
И, не найдя ростков нежней,
Вода выращивала камни
И вот взрастила сад камней.

Стволы и стрелы сталагмитов
Темно буравят толщу лет,
От перламутровых покрытий
Течет подземный тихий свет.

А меж стволов — грибы и травы,
Из камня — зверь, из камня — куст,
Порою слышится картавый
Камней ломающийся хруст.
И многозначно и тревожно
Струится горный шепоток,
И кажется, вот-вот возможно
Увидеть каменный цветок.

Анатолий Зырянов

* * *

Журавли,
как горнисты в строю,
над землею трубили зарю,
и оранжево
у пруда
аистенком кружилась звезда.
А теперь из ночного пространства
бьется в форточки
наших квартир
тот, что в детстве далеком
остался, —
на березовой ветке снегирь…

* * *

Тяжелеет как яблоня
небо, полное сини,
И разносят ветра
листопад над Россией.
И летит листопад —
красно-бронзовый звон,
И сквозь память летит
и сквозь Вечный Огонь.
Мать стоит поседевшая
у подножья огня.
Не дошел ее сын
до победного дня.
И звучит тишина,
натянувшись струной,
Между памятью матери
и прошедшей войной.

* * *

Роняют тихо деревца
Листву на подоконники,

Как будто письма от отца —
Скупые треугольники.
Бессмертием обагрена
Печально осень льется,
льется.
И, кажется, вот-вот
зажжется
От медных листьев тишина.
И, значит, скоро по лугам
Снег полетит печально-белый…
Как искры проседи несмелой
У нас по молодым вискам.

Виталий Кальпиди

* * *

Мне не понять войны меж вечностью и годом,
меня копили те, что канули на ней,
но раньше провели по темным коридорам,
там жизнь моя текла, и старший крикнул: «Пей!»

Столетие мое, я жизни не покину,
пусть факельщики тьмы и выстроят конвой.
Два миллиона лет я пробивал плотину
небытия. И что? Уже пришли за мной…

Нефть

Шарообразен Бог кустарника.
Бессилен плоский Бог осоки.
В одежде рыб плывут молоки
на стол чумазого нефтяника.

Смешна индустриализация
в балетном вывихе реки,
но обалдели старики,
когда заговорила рация.

А каланча деревни бросовой
была задумана как церковь.
И расцвела, как фокус в цирке,
река бензиновыми розами.

Нефть ерзает, как слякоть грязная,
как выдохшиеся борцы.
А рядом ходит Бог на цы-
почках, судить-рядить обязанный.

Но, как чекист времен Дзержинского,
прораб участка № 9,
из кадра выдернув деревья,
всю местность оснащает вышками, —

я каламбурю не из подлости:
ведь из внутриутробной волости
я выплыл в этот мир без риска
по чистым водам материнским.

Юрий Кашин

На свадьбе

…А над деревней ночь плескалась,
она сгущалась все темней.
А мне на свадьбе не плясалось
и становилось все грустней.
И я с веселого подворья,
прикрыв калитку, в ночь шагнул.
И месяц, как знакомый дворник,
мне заговорщицки мигнул.
И ночь качала на ладонях
меня, с деревней заодно.
А где-то близко ржали кони,
как в приключенческом кино.
Вобрав в себя прохладу ночи,
на свадьбу шумную вернусь,
хвачу штрафной и что есть мочи
за пляску буйную рванусь.
И что с того, что не плясун я,
ведь эта пляска для души.
Коль сердце радостью плеснуло
с гармонью в лад — айда, пляши!
Пляши…
Вот с грустью лишь управлюсь,
переборю ее сполна…
Иду, а ночь колышет травы,
и звонко плачет тишина.

Вера Киселева

* * *

Вечер тихо касался оград
И наощупь окутывал сад.
Пела мама на чистом крылечке.
Я люблю, когда мама поет,
Словно ветка по речке плывет,
По равнинной, замедленной речке.
Все такие простые слова,
Но как будто восходит трава —
Пробуждаются тонкие связи
С той войной, что была не со мной,
С полем льна и с лучиной слепой,
С засыхающим деревом вязом.
Стали сутью моею во мне,
Неразрывно сплетясь в глубине,
Песни русские, мама, Россия.
И стоит над крылечком звезда
На года, на века, навсегда,
Освещая заботы простые:
Чтобы в поле ходили стада,
Чтобы в речке не сохла вода,
И горланил петух спозарани,
Чтоб земля зеленела весной
И из горницы плыл за окно
Чистый запах цветущей герани.

Ясная Поляна

Хрустальный купол полон синевы.
Как ты прозрачна, Ясная Поляна!
Деревья так мудры и постоянны,
Что хочется с деревьями на Вы.
Над головой сомкнулась тишина,
И я могу спокойно оглядеться.
И, словно невесомую, меня
Раскачивает собственное сердце.
Щекой касаюсь сморщенной коры,
От чувства непонятного немею.

Я принимаю это, как дары,
А отдарить, наверно, не сумею!..
А на округлых фразах тонкий лак,
Экскурсовода голос раздражает:
Он слишком равнодушно обнажает
Всю жизнь его.
Все так и все не так!
Его душа живет в страницах книг.
Они над временем и вне религий,
Но Лев Толстой
настолько был велик,
Что не сумел
в свои вместиться книги.
Любые рамки гению тесны,
И нравов и законов давят своды.
И посреди такой большой страны
Свободный ум свободы не находит.
Мир затаился. Он совсем не прост.
В нем зреют беспокойные известья…
Какой неразрешаемый вопрос
Его погнал из тишины поместья?
Возможно, мысли, что остались за
Пределом книг —
искали воплощенья!
Возможно, правда вторглась,
как гроза,
Грозя его идее всепрощенья.
Кто знает! И кому о том судить,
Великий граф —
известен и неведом!
А всем догадкам —
вылиться в труды
На хлеб насущный мудрым
толстоведам.

…Весь парк охвачен золотой
листвой,
Осенний воздух августовски синий.
И я иду аллеей по России,
Где Анна шла, Болконский
и Толстой!

Инна Лимонова

* * *

Как я живу — так ходят по жнивью.
Мои ступни исколоты — шагаю.
Так строки в строфы, мучаясь, слагаю
И так крутое зелье жизни пью.

Кого люблю? Теперь люблю весь мир!
Люблю тебя — ты лучший в целом свете.
Но главное не мы с тобой, не мы,
А наши очень маленькие дети.

Когда они взахлеб зовут к себе
И затихают на моих ладонях,
Я обо всех необогретых помню,
Я целый мир могу вот так же греть.

Жги мне ступни, шершавая стерня!
Как без любви, мне не прожить без боли!
Весною вновь зазеленеет поле,
Чтоб лечь под ноги нашим сыновьям.

* * *

Льняная скатерть утреннего луга.
Туман окутал речки синеву, —
полувосторга крик, полуиспуга:
«Простудишься!» — но я уже плыву.

Чуть-чуть знобит, слегка пугают глуби
разверстые, глотая взмах руки.
Но если ты меня и вправду любишь,
войди за мной в крутую стынь реки.

Ты вправе и рискнуть и уклониться,
но эхо зова древнего в крови…
Мы нынче снова рыбы или птицы,
ну что же ты, ну что же ты, плыви!

…Меня речным течением относит.
Тебя не слышно. Голубеет высь.
И незнакомый голос тихо просит:
«Вернись ко мне, вернись ко мне… вернись…

Ким Макаров

Отдохновение

Отдохновенье для души —
Уйти к реке, сидеть на зорьке
И видеть в утренней тиши
Томленье вод, зари узорье.

Отдохновенье для души —
Моих друзей простое братство.
Вчера на огонек зашли —
Застолью скромному предаться.

Отдохновенье для души —
Когда в ночи идешь на плаху
Стихов… И сердце так спешит!
И бьется птицей под рубахой.

Отдохновенье для души —
Когда с женой любовь — не служба.
Здоровы дети, хороши…
И с тещей — золотая дружба.

* * *

Осень. Воздух золотист.
Льется легкий желтый лист.
В поле тихо. Спят стога.
Кружит в небе пустельга.
Вдоль дороги — след телеги
да березовые слеги,
словно осень уезжает…
Даль примолкла —
провожает.

Владимир Носков

* * *

Старушки в доме престарелых
Живут от нас через реку.
Мерцает свет платочков белых
На том, на нашем берегу.

К ночи, когда на перевозе
Туманный стелется закат,
Они в отвесные березы
Уходят, словно в снегопад.

Уходят, полные терпенья,
В разлуку веря не совсем.
Но нет взаимопритяженья
Меж этим берегом и тем.

Молчат уключины и тросы.
И знаю я наверняка,
Что это нас от них уносит,
Как льдину от материка.

Еще ясней за далью плеса
Высокий свет платков льняных,
Не исчезающий в березах,
А растворяющийся в них.

* * *

В эту светлую ночь
Я услышал: звенят тальники.
Я проснулся,
когда
межозерье в серебряных бликах.
Два ствола за плечом,
Но пока отдыхают курки,
Слышу все родники
от таймырских болот до арыков.

Так светло на земле!
Так от лунного света светло!
Два ствола за плечом —
неужели для хищного дела!
И уютный такой —
неужели кому-то во зло
ниспадающий гул
на краю звукового барьера…

* * *

Я умру не с последним дыханьем,
А как только не тронут души
Банный запах осенней елани,
Голос птицы в небесной глуши.

Дни сшибаются — льдиной на льдину,
Рушат берег, ломают лозу.
Посадил под окошком рябину,
Диковатую, словно в лесу.

Чтоб в эпоху, где смерть на дорогах,
Где мгновенно сменяется Бог,
Не остаться без трепетной, строгой,
Пережившей немало эпох.

Это ж, право, такая удача:
Факел жизни, порывистый куст…
Но сама она плачет и плачет
И пугается, лишь прикоснусь.

Вячеслав Рождественский

* * *

Весь мир и счастье — кверху дном.
Никто не спас.
Губами
Губы мы найдем
В кромешный час.
Изобрели мы много зла,
Но не сгореть Земле дотла —
Любовь умнее нас.

* * *

Нужно очень мало,
чтобы все пропало,
чтобы все совпало —
нужно очень много.
Так уже бывало…
И молите Бога,
чтобы все совпало.

Надежда

Надеждою живет
приговоренный к смерти:
не ангелы, так черти
развалят эшафот.
Надеждою живет
приговоренный к жизни,
когда в его отчизне
упадок и разброд.
Надеждою живет
раздавленный врагами,
оставленный друзьями
бедняга Дон-Кихот.
Ее звезде зеленой
затеплившись в ответ,
в ночи глухой, бездонной

рождается рассвет.
К утру терпеть невмочь
напор свинцовой стужи,
но тем, кто прожил ночь,
уже не станет хуже.
Не уставай, Надежда!
Шагай проводником
по узкой тропке между
отчаяньем и сном.
Не музою туманной,
а женщиной земной,
желанной
будь со мной.

Наталья Рубинская

* * *

Шуршат березовые храмы
на почвах каменных седых.
Прекрасен мир. Но плачет правый.
Но гений вырублен под дых.

Кто там хлопочет: мол, поэты
ничуть не краше дикарей? —
Они впотьмах идут по свету
и умирают поскорей!

Ведь всем дороже злак насущный
пророка жилки на виске. —
И вертоградарь рубит кущи,
крепя вертеп, доска к доске.

* * *

Косте

Мы любовью с тобой обрастаем, как кроны
тополей на апрельском недружном ветру.
Все алмазы со мной, над тобою — корона;
вечно буду с тобой, никогда не умру!

Посмотри, как нас радостно любят и жадно:
собираются люди со всех-то широт!
Зарядят, заласкают, зальют виноградом,
оранжадом, крюшоном сердечных щедрот.

От павлина пера до порфирных каменьев,
все сокровища мысли, музык торжество
помещаются в нашем ледняцком именьи,
в райской хижине — там, где душа — божество.

Наталья Рябинина

* * *

Потекла между рук,
между мук
моя главная песня.
Задержался таинственный звук,
одинокий и бесполезный.
Зацепился хрустальным зрачком
за
Уральские горы…
Там жужжащим волчком
мой промышленный город.

Среди домен, дымов и домов,
через рокот турбины
зафиксировал в пене снегов
горсть рябины…
гроздь рябины…
грусть рябины…

* * *

Вышла замуж верная жена
павшего за Родину солдата.
И невосполнимого звена
незаметна горькая утрата.

Именем солдатским назвала
сына,
нарожала дочек…
Памяти горючая зола
ей не выела живые очи.

И на ней не оборвался род.
Худо-бедно жизнь бурлит, ликует…
И войны не знающий народ,
поминая павших,
каждый год
в День Победы

водку пьет.
Тоскует.

* * *

Мы,
приспособившиеся жить в темноте,
притерпевшиеся к неудачам,
машинально
без надежд
долбящие лбами стену,
замерли,
разглядев
на темном граните
черную паутину трещин —
неужели она поддалась?!
Что там за нею, проклятой?!
Божественной истины свет?
Взбесившаяся стихия?
Или другая стена?

Юрий Седов

Золотая осень

Тает время. Уходят года.
Даль прозрачна.
Тепло и знакомо
пахнет поле. Сверкает солома.
Паутиной блестят провода.

Дружно вспыхнули плети ботвы.
Хлынул дым. Поднялась из-под спуда
память мая и первой листвы.
Эти лица и звуки — откуда?

Этот смех… словно не было лет.
Эта боль… словно праздником встречи
вновь для дружбы и счастья согрет.
Покачнись — и почувствуешь плечи

закадычного друга… того,
той, чей след в облаках потерялся.
Дунул ветер. Огонь заметался.
Дым рассеялся — нет никого.

Наталия Слатина

* * *

И ближнего не сотри во прах,
И дальнего не зови…
Мир держится не на трех китах
Может быть, на любви?

Но чей-то локоть дырявит бок,
Выталкивает толпа,
И ты неловок и одинок,
И вера твоя слепа…

Когда и любить не хватает сил,
И мудрость уже слаба —
Дарует то, что и не просил,
Надежда, а не судьба.

* * *

А где моя трава?
Моя трава
В начале.
Начальные слова,
Лишенные печали.
И в жажде красоты —
И сторож не заметил —
Украдкой рву цветы
В послевоенном лете.
И солнца легкий звон
Над перепутьем мая.
И я бегу на зов,
Судьбы не понимая.

Года… года… года…
И сеяла,
И жала,
А все иду туда,
Куда не добежала.

Геннадий Суздалев

Помощь селу

Любо и недорого —
Пара крепких рук:
Мужики из города
Убирают лук.

Дождь косой и сетчатый
Не поднять лица.
Ах ты злой да репчатый
Не видать конца.

Луковое полюшко —
Заготовка впрок,
Луковое горюшко —
Не поднять сапог.

Мужики не ведают
Про напрасный труд.
Сядут — пообедают,
Небо поклянут.

Злые и серьезные…
Ах вы, мужичье!
Все вокруг колхозное,
Все вокруг ничье.

Совет старика

— Будешь тише воды,
будешь ниже травы:
ни один волосок
не падет с головы.

Как же я позабыл
этот добрый совет?
Жил и воду мутил
столько зим,
столько лет?

Все пытался подняться
повыше травы…
И дела не видны,
и слова не правы.

Ничего не сберег,
никого не согрел…
Но в воде не утоп
и в огне не сгорел.

Огляделся вокруг:
ни покрышки, ни дна.
Вот и время пришло
расплатиться сполна.

И за то, что вода,
как трава, зелена,
и за лишний глоток
все того же вина.

И за лишний привал,
и за лишний кусок,
и за годы, ушедшие
в мертвый песок…

Ну а если в трудах
не сносить головы:
буду тише воды,
буду ниже травы.

* * *

В плену хрустального излома
ликует муха.
Давно ушла любовь из дома.
И тихо,
глухо.

Здесь каждый вечер без причины
за стол садятся
тень женщины
и тень мужчины,

как будто снятся.

Ребенок прыгает теперь
цветной, как мячик…
А ночью в доме плачет дверь.
И ставни плачут.

Александр Терентьев

* * *

Неодолим манящий запах
Душистой хвои и ухи.
Гуляют здесь на желтых лапах
С луженым горлом петухи.

В речушке — шустрые гольяны,
На грядках — репа и пырей.
И три зарода на поляне,
Как шлемы трех богатырей.

* * *

Мы с тобой гуляли по тропинке.
Искрами — росинки там и тут.
Знаешь, говорят, что ты — картинка,
Я же — неоконченный этюд.

Вечер. Тихо. Узкая тропинка.
Спит луна на горке под кустом.
И идет прекрасная картинка
Рядом с неоконченным холстом.

Северина Школьникова

Черемуха

Май прокатился в грозах, в громах,
Окрасил кружево берез
И зелень нежную черемух
Снегами белыми обнес.
Где пруд и старая плотина,
Клубится снег под ветерком,
И ранний выводок утиный
Плывет, осыпанный снежком.
Похолодало — оттого ли
Вовсю черемуха цветет,
Или весне последний холод
Она подносит на уход?
От буйных зарослей по свету
Струится запах за версту.
Невестой завтрашнего лета
Стоит черемуха в цвету.

Бессмертник

Сухой невянущий цветок,
Степная иммортель!
Не погубил тебя песок,
Не замела метель.
Как солнца золотистый блик,
Ты горсткой огоньков
Так неожиданно возник
Над белизной снегов.
Оставив хрусткую лыжню,
Шагаю к хрупкому огню:
Гори, не греющий ладонь,
Застывший солнечный огонь!

Римма Дышаленкова
«Армагеддон, чаша Грааля, чаша Иосифа»

> «Как ни сердятся на обывателя идеологи, но живой человек отличается от человека-идеи тем, что он живет своими интересами. Мои интересы в Челябинске связаны с писательской организацией, это мой круг обитания, это моя Челябинская планета. Планета любви в Челябинске есть у металлургов, у актеров, у военных и проституток. Я люблю писателей. Это моя утеха и тайна. Писатель не полностью выражается в книгах. Я люблю их за то, что могу слышать ненаписанное».

Эта запись в дневнике посвящена прекрасному прозаику Татьяне Алексеевне Набатниковой. Один фрагмент из встреч с автором романа «Каждый охотник», повести «Единорог», автором множества острых рассказов, написанных в городе Челябинске, в четырехкомнатной квартире по улице Российской.

Главный вопрос, который тайком решают окружающие меня литераторы, анекдотичен: «Уж не еврейка ли она? Слишком умна». Да, есть разум настолько просвещенный и посвященный, даже вопреки окружающей его среде, что он становится самоценным и вызывает удивление сам по себе. Человек в таком случае именно — носитель сосредоточенного активного разума. И уже не имеет значения, что делает такой человек, он все делает максимально. Это Татьяна Набатникова.

Я встречаю ее на проспекте Ленина, она бормочет стихи.

— Что это за стихи, Татьяна Алексеевна?

— А это стихи Николая Гумилева. Они мне нужны, чтобы прояснить какую-то мысль. Ходит эта мысль, как рыба в глубине, а слову не дается. Это похоже на строчки:

> Как некогда в разросшихся хвощах
> Кричала от сознания бессилья
> Тварь скользкая, почуя на плечах
> Еще не появившиеся крылья…

Действительно, тот, кто подступил к слову вплотную, чувствует себя именно этой «скользкой тварью», которой никак не удается назвать мысль словом. Для Татьяны Набатниковой

писание — это жизнь, способ познания жизни: «Я тебя не знаю? Хочу узнать». Во-вторых, у нее очень сильно светское образование и технократическое в том числе, она закончила Новосибирский электротехнический институт, кажется, она знает все наиболее популярные философские и религиозные модели мира от Конфуция до Платона и от Ньютона до Пьера Тейяра де Шардена. Глубоко, убежденно религиозна, но, конечно, не сектантской религиозностью, а той, что записана у Гете:

Имеющий науку и искусство
Имеет и религию.
Не имеющий науки и искусства
Да обретет религию.

— Рим, истина имморальна. И хотя это сказал антихристианин Ницше, но ведь это правда. Какое дело истине до морали? Это уж дело людей — танцевать вокруг истины.

Я: — Другое дело, Тань, что истина скорее всего против человека вообще. Она-то, может быть, его главное препятствие. Человек это знает, но предпочитает делать вид, что он не знает, что есть истина… Жить-то надо. Эта всеобщая фраза в себе уже таит какое-то препятствие.

Так вот мы по-девичьи или по-птичьи «кулюкаем», сидя на диванчике в окружении великих книг.

А Сергей Петров, наш челябинский же прозаик, автор книг «Легенда о розовой лошади», «Сага о любимом брате», в то же время ропщет по адресу Татьяны Набатниковой: «Понимаешь, для нас, мужчин-писателей, образ женщины, любимой, нелюбимой ли, произрастает и защищен матерью, материнством. Мы не можем, не смеем сказать всей правды о женщине. Все-таки мы моделируем женщин в своих книгах, какими нам хочется их видеть… Творчество таких писательниц, как Набатникова, — это саморазоблачение женщины. Я думаю, этим приемом она в целом оказывает плохую услугу человечеству. По-мужски, глаза бы не глядели на женщин Набатниковой, не то, что помогать им, защищать от погибели…»

Я: — Татьяна имморальна, как дождь.

С.: — Татьяна имморальна, как огонь. Так можно без конца играть, но все же она только человек, а не дождь и не огонь.

Тогда рассуждает сама Татьяна Алексеевна: «Понимаешь, я наговариваю на себя… потому, что не смею обвинять других. Мне так легче. Это мой метод рассказа о людях, моя летопись. А меня считают жестокой. Не знаю, как объясниться?» Теперь Татьяны нет в Челябинске, она живет в Москве. А со мной осталась ее

кофейная чашка. У этой чашки есть три имени: Армагеддон, Чаша Иосифа и Чаша Грааля.

История чашки такова. Мы с Таней любили раскапывать забытые в XX веке культурные слои: то разглядывали эпизоды из Библии, то Суры из Корана. Почему, например, библейскую Мелхолу Бог наказал бесплодием только за то, что она посмеялась над танцующим и поющим царем Давидом? Уж не намекает ли Библия на то, что пение и танец — это контакт с Богом? Ну и так далее. Однажды, это было осенью 1989 года, я возвратилась в Челябинск из Магнитогорска, позвонила Тане. Она ответила приглашением: «Забеги, я соскучилась».

Татьяна любит работать помногу, бурно. Утром — кофе и до полудня собственно писательство. После обеда — час отдыха. С 16-ти часов работа с почтой, ответы на письма. С 20-ти часов до 22-х — спорт. В 22 часа снова за письменным столом, она это называет «попыткой прорыва», записывание того, что не поддается слову, наверное, дневник. Отвлекать ее я считаю делом неделикатным, приглашение в гости — радость, подарок. Отложены дела жизни ради меня, с 18-ти до 20-ти часов.

Прибегаю. Вся возбуждена:

— Таня, я видела американский фильм об Антихристе. Они не боятся выйти на прямой бытовой разговор о добре и зле через такой архетип, а мы боимся.

— Расскажи сюжет…

Коротко рассказываю:

— По их версии в Палестине до сих пор стоит древняя деревня Армагеддон.

Таня в это время подает мне чашку для кофе. Чашка анодирована под золото, в ее жерле, там, на дне, поигрывают огни.

Я: — Там, в катакомбах, будто бы хранится наскальный рисунок — Антихрист. И он будто бы такой всегда, и появляется вновь…

Таня: — Почему же деревня-то так называется — Армагеддон? Я подхватываю любимую тему разгадывания прошлого: «Может быть, это память о каком-то подземном огне. Вот как эта чашка, она в жерле своем похожа на Армагеддон». Таня вздрагивает: «Я тебе подарю эту чашку…» Даже с испугом. Наверное, у нее на этот счет есть своя модель, которую она использует когда-нибудь в прозе.

Я заверила, что не возьму эту чашку, что это за подарки такие!

Затем мы еще с часок проговорили, позабыв об Антихристе. Раскапывали возможности культурного слоя, чем он мог бы нам

помочь в деле возвращения идеи Бога на нашу атеистическую и Богом забытую землю. Я ухожу, разгоряченная путешествием по столетиям в обществе Татьяны Набатниковой. Тряпичная моя сумка звякнула. Я говорю: «Это уже похоже на подсунутую нашим праотцам египетскую чашку Иосифа». Таня отвечает мне с благодарной улыбкой: «Нет, Римма, это не чаша Иосифа, я тебе тайком передаю чашу Грааля…»

Теперь Татьяна Набатникова в Москве, своим чередом выходят ее прекрасные метафорические книги.

А кофейную чашку я подаю своим гостям, — челябинским поэтам, художникам, актерам, — и говорю: «У этой чашки есть древнее имя — Армагеддон. И глубокие, допотопные огни поигрывают на ее дне». Когда же льется черная лава кофе, огни поднимаются по стенкам кратера, я добавляю: «А теперь — это чаша Иосифа!» Когда же чашка наполняется до края, я подаю гостю «волшебную чашу Грааля». А гость с опаской косится на великие книги, сияющие, как твердь небесная, на книжных полках.

Светлана Миронова
Трагедия Золотой горы

Про Золотую гору челябинцы никогда не забывали, но примерно полвека о ней не говорили вслух. Нет, поначалу очень даже говорили, но только в определенном месте. Говорили «бытовики» в тюремных камерах, притесняя и издеваясь над «политическими». Чаще, правда, место, где расстреливали «врагов народа», называли не Горой, поскольку гору давно срыли старатели да и золото уже промышленным способом не добывали. А говорили так: «Что, Шершни захотел? Там места всем хватит».

Установить примерный текст угрозы оказалось довольно просто. Во время «оттепели» вернувшиеся из лагерей сели за воспоминания. Не все авторы дожили до нового политического всплеска. А их дети и внуки, узнав о создании в Челябинске «Мемориала», стали приносить не увидевшие свет воспоминания к нам. Судя по рукописям, авторы, приводившие эту фразу, скорее всего, и знакомы между собой не были. А запамятовать те зловещие слова было трудно. В них заключалась судьба арестованного.

О Золотой горе в Шершнях в НКВД вспомнили не случайно. Торопясь выполнять одну за другой грозные директивы, шедшие из Москвы, о недостаточной борьбе с «контрреволюционерами», «террористами», «шпионами» и «вредителями», местные энкаведешники фальсифицировали крупные дела, типа Кабакова-Рындина, набивали тюрьмы до отказа жертвами. В самое жаркое лето 37-го в камеру на 30 мест заталкивали и все 280. А аресты продолжались… Так что «разгружаться» «казенным местам» было просто необходимо.

Справедливости ради следует сказать, что часть арестованных все же выпускали. Видимо, когда арестовывали вообще из-за какого-то абсурдного доноса. Хотя логику в действиях НКВД найти сложно. Все дела о людях, подлежащих ликвидации, были насквозь сфальсифицированными и инициированными в стенах высшего начальства. Расстреливали в Челябинске почти ежедневно, если позволял запас патронов. Если случался простой, то в следующие дни добирали до нормы.

По официальным данным, всего было арестовано более 37 тысяч жителей области, каждый третий-четвертый приговаривался к высшей мере наказания. А сколько не дотягивали до приговора, умирая от пыток, голода и духоты в камерах?! Скольких следователи доводили до самоубийства?!

Наверное, на производственных совещаниях в НКВД одной из серьезных проблем стояла проблема утилизации трупов расстрелянных. Раньше подобной практики не было. Так куда же девать трупы? Тюремные кладбища не годились, слишком малы. Рыть котлованы хлопотно, да и к чему, если есть глубокие заброшенные шахты Градского прииска? Место идеальное, тихое, удаленное от города.

Конечно, оно было не единственным в городе, использованным под эти дикие цели. Очевидцы из областной прокуратуры рассказывали, что трупы сбрасывали и в ямы на Митрофановском кладбище… Но Гора имела исключительно важное значение. Недаром она охранялась, жителям запретили заходить на ее территорию. И только во время войны охрана покинула свои посты… Несмотря на то, что никто не забывал о страшной тайне Золотой горы, «открытие» ее произошло почти случайно и не враз.

Однажды мы напечатали в «Челябинском рабочем» малюсенькую заметку о том, что житель то ли Пензы, то ли Сызрани собирает материал о фактах репрессий. Читатели пропустили город, но зацепились за фамилию собирателя — Дробышевский. Ну кто из старожилов Челябинска не знал редактора «ЧР» Вячеслава Ивановича Дробышевского? Посыпались письма. Мы их опубликовали. И в одном из них оказалась новая «подсказка»: среди возможных мест массовых захоронений упоминались Мариинское и Митрофановское кладбища. Нашлись свидетели, которые видели, как ночью на кладбище на грузовике подвозили трупы и кидали их в заранее приготовленную яму. Следующее письмо я восприняла как бред сумасшедшего, настолько оно было несуразно. Автор в виде литературной притчи поведал жуткую историю.

В 1947 году он начал работать на Градском прииске (государство снова вспомнило о недовыбранной кладовой горы). Молодой старатель полез в старую проходку и наткнулся на гору трупов, которые из-за свободного доступа воздуха стали моментально разлагаться. Можно представить, что пережил юноша, когда увидел шевелящиеся кости, которые падали к его ногам. Глаза слезились от аммиака, дышать было нечем. Уже наверху он узнал от своего товарища, что это за могильник.

Я, может, и поверила бы в чем-то автору письма Ю. Л. Герасимову. Но шабаш покойников — это слишком! Две недели письмо лежало на редакционном столе, заставляя постоянно мучиться вопросом: верить — не верить? И чтобы положить этому конец, я поехала к автору.

— А я вас давно жду, — сказал Юрий Леонтьевич. Еще через

несколько минут, прихватив с собой братьев Надымовых, мы приехали на Гору. Старики Надымовы, осторожно ступая и прислушиваясь к почве под ногами, показали шахты, дудки, проходки, штреки.

Газета рассказала о случившемся 1 ноября 1988 года. И с этого дня Гора стала в центре внимания многих челябинцев. В эти дни и появилась идея создания «Мемориала». Кстати, автором идеи был нынешний редактор «Челябинского рабочего» Борис Николаевич Киршин.

Два года на Горе велись раскопки. Люди все шли и шли к этому страшному месту. Приезжали из других городов, районов, областей. Здесь побывали японцы, французы, немцы, итальянцы… Помню, какой многоголосый стон стоял по округе, когда запричитали над раскрытой ямой вдовы погибших из Курганской области. Их в то лето приехало почти сто человек.

Помогали тогда «Мемориалу» все: и предприятия, и областное начальство, и жители. Зная, что средств на раскопки не хватает, приносили кто хлеб, кто горячие щи, кто яблоки из своего сада. Раскопки стали поистине общим делом.

И наступил день, когда должен был состояться митинг и перезахоронение останков. Ни одна политическая партия, ни до, ни после, не собирала столько людей, сколько пришло и приехало 9 сентября 1989 года на Золотую гору. В тот момент мы еще не думали о том, что отныне Гора стала неотъемлемой частью нашей истории и что такие митинги будут проходить каждый год. И что с ней мы отныне свяжем еще одно имя — имя Андрея Дмитриевича Сахарова.

О его приезде знали только несколько человек. Андрей Дмитриевич вместе с Еленой Георгиевной Боннэр и Галиной Васильевной Старовойтовой накануне выехали на заседание межрегиональной депутатской группы в тогдашний Свердловск. Там же собрался и активизировавшийся Объединенный фронт трудящихся. Можно представить себе, какими уставшими приехали гости из Свердловска. Но машина привезла их сразу на митинг. А после митинга, по просьбе челябинцев, А. Д. Сахаров и Г. В. Старовойтова провели встречу в бывшем Доме политпросвещения. Несмотря на то, что о встрече никого дополнительно не оповещали, в актовом зале к объявленному часу не было свободных мест…

Спустя три недели, выступая перед лионскими учеными во Франции, Андрей Дмитриевич начал свою лекцию с рассказа о том, что он чувствовал, когда стоял у разверстой братской могилы на Золотой горе, и какие слова сказал о той страшной опасности, которую таит для человечества тоталитаризм.

Память нельзя остановить. Такие мысли приходят каждый раз, когда стоишь у братской могилы. Тяжелый красный гранит, установленный на Золотой горе, не бездушен. К нему идут люди, чтобы поговорить со своими погибшими в неволе родителями, идут, чтобы излить боль, чтобы побыть здесь вместе с внуками и правнуками. Чтобы передать им свою память…

Место здесь печальное, но благодаря людскому причащению здесь сегодня стало больше чистого и светлого. На Золотой горе удивительные закаты, очень тихо и зимой, и летом. Но только осень с яркой позолотой или нитяными дождями удивительно точно совпадает с людскими переживаниями. Оттого и наши сентябрьские митинги всегда многолюдны. Но не пустует Гора и в обычные дни, всякий раз у памятника кого-нибудь да и встретишь. Приходят семьями, молодожены оставляют у памятника живые цветы. Такое ощущение, что у Горы началась новая судьба.

Виктор Пряхин
Кир-сараи

Очерк быта и нравов

Люди постарше помнят расположенные почти в центре города знаменитые Кир-сараи. Они занимали площадь от теплотехнического института (тогда его еще не было) до кожзавода в глубину и от улицы Каслинской до Миасса в ширину. Застроены были Кир-сараи в основном развалюхами и полуземлянками, хотя встречались и вполне приличные дома. Но эти немногочисленные приличные терялись в в общей массе развалюх и общее впечатление от этого массива было весьма неприглядным. Так как на ЧМЗ довольно часто приезжали зарубежные гости, а путь их лежал в непосредственной близости от Кир-сараев, то решили загородить эту клоаку от посторонних глаз пятиэтажками. Просветы между зданиями все-таки остались. Говорят — проезжали наши чешские друзья, и вот один из гостей спросил: «Что это за постройки, там, за домами?» — и один из отцов города не нашел ничего лучшего, как ответить: «Это конюшни и свинарники». Тогда гость с сарказмом заметил: «Вот это прогресс! У русских даже свиньи телевизор смотрят!» В Кир-сараях, ближе к Каслинской улице, располагалась знаменитая «миргородская» лужа, заросшая осокой и никогда не пересыхавшая. Я хорошо знал Кир-сараи, так как был женат на кирсарайской и больше года проживал там, учась в институте. В нашей ограде располагались довольно приличный дом деда и бабки жены, пониже — тещин и полуземлянка дяди Андрея (брата бабки). К этой полуземлянке привалилась такая же полуземлянка горбатого соседа. Улочки в Кир-сараях были узенькими и извилистыми. Шутили, что пни зимой какое-нибудь дырявое ведро ногой и услышишь вопль: «Ты что безобразничаешь? Зачем дымовую трубу сшиб?!» Но зато на таких улочках тебя оглоблей не угостят — размаха не будет. Население Кир-сараев было криминогенное на сорок процентов, пьяное и бесшабашное. Жили здесь такие воры, как Толя Мазя и его брат Мишка Мазенюк, Братья Полозковы («Полозята»), Коля Червонец, Вася Красюк; жили и спекулянты, и скупщики краденого, и самогонщики. Но в самих Кир-сараях воры и бандиты не шалили. Мне часто приходилось пробираться к тещиному дому довольно поздно, и ни разу я не сталкивался с гоп-стопниками (грабителями).

Участковый милиционер занимал нейтралитет — он никого не трогал и его не трогали. Жили в Кир-сараях весело. Представьте себе деревню, вдруг откуда-то взявшуюся посреди города! Здесь можно было услышать гармошку и залихватские частушки, не всегда цензурные, многие держали голубей, а на берегу Миасса картежники самозабвенно «шпилились под интерес» (играли на деньги) в карты. Вот одна деталь из моей свадьбы — у забора, со стороны дворика, на табурет была поставлена бочка с брагой, а рядом на гвоздике висел ковшик. Бочка была прикрыта чистой простыней от многочисленной мухоты. А так как заборчик достигал человеку до груди, каждый проходивший мимо видел бочку. Протягивал руку, снимал ковш, наполнял его брагой, выпивал, громко поздравлял молодых и шел восвояси. Ближайшие соседи, да и просто забулдыги, делали по нескольку заходов и в конце концов не вязали лыка. Был на свадьбе и свой, местный гармонист.

Теперь на месте Кир-сараев вполне современный микрорайон, с высокими красивыми зданиями, благоустроенными квартирами, засыпана лужа, исчезли мухи — и это хорошо! Но немного грустно — так ли вы дружны и веселы? Нет у вас таких тесных контактов, некоторые не знают даже своих соседей по площадке, разобщены. Духовная разобщенность приводит к озлоблению и равнодушию. И это минус современной действительности…

Челябинцы шутят

Веселый ли город наш Челябинск?

— Как вы можете сомневаться? — даже обиделись сотрудники центра историко-культурного наследия города и подготовили специальный доклад «260 лет челябинскому юмору».

Но «Городской романс» — книга современная, и мы не станем углубляться в историю вопроса. Тем более, что веселый жанр особенно расцвел за последние 18 лет, когда в Челябинске появился свой, ставший уже традиционным фестиваль юмора и сатиры.

Челябинский ФЛЮС даже занесен в Международный Календарь Веселых Фестивалей и Карнавалов в Габрово.

Итак, Челябинцы шутят…

Семен Нестеров

Экологический заплыв

За городом мы разделись, сложили одежду в машину и вошли в воду. Шофер медленно поехал вдоль реки. А мы поплыли вниз по течению. Черепицын плыл на спине. Я на левом боку. Так мне были хорошо видны погрузившиеся в воду тело начальника и объекты на берегу. Проплыв несколько десятков метров, мы почувствовали запах каленого железа и заметили, что вода в реке несколько порыжела.

— Металлургический? — спросил Черепицын, скосив глаз на прибившегося к его боку пескаря. Я кивнул головой и тоже посмотрел на пескаря, который, как и мой начальник, плыл кверху брюхом.

— Да, — с сожалением сказал Черепицын. — Тяжелая индустрия шутить не любит!

— Пескарь — рыба сорная! — заметил я. — Не останавливать же из-за нее завод? — Пока мы так разговаривали, я почувствовал, что у меня начинают гореть пятки.

— Что за объект? — спросил Черепицын.

Я в ответ только дернул плечом, чувствуя, как медленно начали растворяться мои новые синтетические плавки.

— Срочное погружение! — приказал Черепицын.

Глотнув побольше воздуха, глубоко нырнул и, проплыв почти у самого дна с полсотни метров, всплыл. После всплытия я заметил, что вместе с плавками исчезла и моя кудрявая шевелюра. Теперь в воде лысых стало двое. Черепицын отреагировал на это по-своему. Он стал на моих глазах угрожающе чернеть. Я перепугался и тронул его рукой. Он был еще жив и, шевельнув с усилием губами, прошептал:

— Кожевенный?

— Он самый! — заскрежетал я зубами, чувствуя, как начинает дубеть кожа.

Не доплыв немного до сернокислотного, Черепицын опять побелел, и мы остановились, пытаясь удержаться на одном месте.

— Что у нас там по списку? — спросил Черепицын.

— Лакокрасочный, электродный, цинковый… — начал перечислять я.

— Мне через два года на пенсию, — неожиданно прервал меня Черепицын.

— Живем один раз, — в тон ему изрек я, и мы повернули к

берегу. Тут нас ждала машина.

— Что будем говорить завтра на комиссии? — выходя из воды, спросил Черепицын.

— Как всегда! — сказал я, погладив рукой гладкую, как яйцо, голову. — Несмотря на наличие негативных явлений, жить все еще можно!

Старые балконы

В пятницу в доме номер шесть по улице Горького сломали старые деревянные балконы. А в субботу утром в травмпункт из этого дома стали поступать жильцы со сломанными руками и ногами.

Первым упал со второго этажа Вадим Селифанов, который вышел на несуществующий балкон покурить и подышать свежим воздухом.

— Двадцать с лишним лет прожил в этом доме и никогда этого со мной не случалось, — жаловался он врачу, накладывающему шину на его сломанную руку, в которой он все еще держал зажженную сигарету.

— Больной, — сказал ему доктор. — Минздрав предупреждал: курение опасно для вашего здоровья.

— Слушался врачей — не брякнулся бы, — поддержала доктора жена Селифанова, Ирина. Она кувыркнулась с балкона чуть позже мужа и сломала толстое дерево, которое росло под окном.

Когда Селифанова увезли, с третьего этажа с бутылью горячего самогона в руках рухнул пенсионер Чивадзе. Бутыль разбилась, а Чивадзе не пострадал.

— Лучше бы сам вдребезги, чем она, — поднимаясь с земли, сказал Чивадзе.

Сильно потянуло спиртным. На запах, прихватив из дома закуску, выпало еще шесть человек: пять мужчин и одна женщина.

Потом с первого этажа за компанию со всеми упал главбух Бондаренко.

Следом устремился к земле поэт Щеглов. Творческое вдохновение не оставило его даже в свободном полете.

— Взошла заря, — начал он, открывая балконную дверь, и, уже падая, продолжил, — но, видно, зря!

Когда его заталкивали в машину «скорой помощи», он пришел в себя и едва слышно произнес:

— И все-таки крылатый конь Пегас поэта спас!

Но спас его не Пегас, а горгаз. Щеглов упал в вырытую горгазом траншею, заполненную до краев дождевой водой.

Затем упало четыре пары влюбленных от шестнадцати и старше, вышедших посмотреть на звезды. За влюбленными, с большим телескопом в обнимку, последовал астроном Мандельбаум. За Мандельбаумом с догом на поводке величественно бухнулась товаровед Виноградова.

Дольше всех падала с четвертого этажа самая старая жительница дома девяностолетняя гражданка Мешкова. Она приближалась к земле, держа в руках свечу и старинную икону, медленными широкими кругами, тщательно выбирая место для посадки.

Обогнавший ее сосед по балкону Елкин успел крикнуть:

— Бабуся — божий одуванчик! Спускайся скорее, а то в больнице мест не хватит, будешь спать на раскладушке в коридоре!

Услышав об этом, разом упали: милиционер, два пожарника, прапорщик Львов и давно нигде не работающий Спицын.

Последним упал дом, дом образцового быта, построенный ровно пятьдесят лет назад.

Анатолий Коломейский

Третий отряд

Третий отряд, стройся в ряд! Как строятся в ряд? Ну, как в очередь, знаете? Что будут давать? Ничего! Кто спрашивает, что такое ничего? Вы бы еще спросили, что такое карамель! В столовую шагом — марш!

— Витя, я понимаю: ты из интеллигентной семьи — мама — уборщица, папа — дворник. Но манную кашу с ножом не едят! Ах, нож предназначен не для каши, а для повара… Не надо! Его в прошлый заезд так минометом напугали, что до сих пор мясо даже в компот кладет.

— Саша, какой ты грубый! Бери пример с Вити — он никогда не скажет взрослому «твою мать!..», а всегда говорит «вашу мать!..»

— Вовочка, ты почему не отвечаешь «Всегда готов!» старшей вожатой? Кто сказал, что Вовочка давно готов? Нализался? Не мог он нализаться — в лагере никогда не было мороженого. Нанюхался? Накурился? Учился пускать дым из ушей, как фокусник, выступавший на прошлой неделе? Хорошо, что выступление шпагоглотателя отменили!

— Теперь, дети, читательский час. Вот книжка про старика Хоттабыча. Юра, о чем бы ты попросил волшебника? О видеомагнитофоне… А ты, Зоя? Правильно, чтобы сделал всех людей счастливыми! А как, Зоенька, сделать всех людей счастливыми? Дать каждому по видеомагнитофону…

— В прошлый заезд в лагере видеосалон работал. Как ни спросишь, один фильм крутят: «Тимур и его команда». А потом оказалось, что это фильм про татарского хана и его гарем. Что такое гарем? Ну, это когда один муж и много жен. Как у твоего папы, Леночка? Он был женат шесть раз… Но хан-то живет со всеми женами, а твой папа — ни с одной!.. Вернемся, дети, к положительным героям. Кого из них вы знаете? Дюймовочку? А у Светы, кажется, альтернативочка? По-твоему, она отрицательная, так как жила с кротом… И у Веры есть мнение? Дюймовочка глупая, так как жила с кротом бесплатно… Я сама скоро сойду с ума!

— Третий отряд, купаться! Надя, где твой купальник? Нудистка? Конечно, я замечала, что ты нудная, но не думала, что до такой степени!

— Эдик, немедленно вынырни! Считаю до трех! Раз! Два!

Три! Четыре… тысячи пятьсот девяносто семь… Хороши шуточки! Пока тебя искали, три спасателя утонули!

— Третий отряд, стройся в ряд! Тише, дети! Тишина должна быть такой, чтобы слышать, как пролетает муха. Уже слышно? Но это не муха, а самолет!

— Сейчас, дети, мы идем в лес, где нам разрешено срубить сосну для пионерского костра. Смотрите внимательно, запоминайте на всю жизнь: трава, камень, деревья… Кто водится в лесу? Туристы!

— Третий отряд! Кто это сделал?! Я понимаю, что вы могли не отличить сосну от телеграфного столба, но как можно спутать электромонтера с дятлом?! Красиво летел?.. Быстро уносим ноги и монтера! Нет, не ноги, а монтера целиком!

— Третий отряд! В лагере проводится конкурс «Умелые руки». Дима, что ты умеешь делать? Выпиливать? Из чего? Из фанеры… Ну, из фанеры — не страшно. А то в прошлый заезд выпилили замок из сейфа начальника лагеря.

— Третий отряд! Отбой! Вася, что у тебя под одеялом? Машенька? Из сказки про медведя? Нет? Из второго отряда?! Маша! Что он тебе пообещал? Что у вас не будет детей?.. Сказал, что будет отпугивать аистов свистом… Вася, не свисти! В наших краях аистов не бывает! Третий отряд, не надо кричать «ура!». Аистов не бывает, но дети появляются! Откуда? Конечно, я знаю, но дала подписку молчать.

— Третий отряд! Соседний корпус горит! Ведь предупреждали вожатую первого отряда, чтобы не разучивали песню «Взвейтесь кострами, синие ночи…» Дети — они такие впечатлительные!..

— Третий отряд, всем спать! В случае чего придут взрослые и всех спасут. Вы же — наше будущее. А мы — ваше настоящее…

Евгений Сычев

Фотосалон

— Здравствуйте, товарищи! Что, вы все фотографироваться? На семейный снимок? Хорошо, проходите, пожалуйста. Вставайте вот сюда. Да нет, не вы, у вас прическа не фотогеничная. В парикмахерской за углом стриглись? Что? Это кудри? Это в парикмахерской вам сказали? Шляпу наденьте, она вам лучше пойдет. Так, а вы сюда перейдите, сделайте мне умное лицо. Нет, не такое. Умное. Умное, я сказал. Хорошо, уйдите на задний план. А вы сюда выйдите. Господи, зайдите обратно. Дайте ему вон ту сумку хозяйственную, чтобы живот видно не было. Рубаху надо по размеру надевать. Вчера еще хорошо было? Значит, вчера и надо было приходить. Живот немного в сторону отодвиньте, там за вами кто-то стоит. Все, приготовились, улыбнулись. Стоп! Кто с зубами, на передний план выйдите, пожалуйста. Кстати, сколько вам лет? А выглядите еще ничего. Простите, вон там, в сторонке, на вас платье или кофта? Юбка? Вы косметикой часто пользуетесь? Потому что глаз до ушей не бывает. Скажите вашему спутнику, чтобы лицом повернулся. Как, вот это лицо? Кому там стоять надоело? Кто сказал? Зря вы это сделали, у вас лицо нефотогеничное. А вот так все получится, кроме лица. По фигуре узнаете. Сколько вы весом? А ростом? Скажите, вас ветром не сдувает? Значит, две гантели с собой носить надо. Поплотнее немного встаньте! Товарища с гантелями не задавите. Живот спрячьте, пожалуйста, а вы рот закройте и улыбайтесь поменьше. У вас, кроме рта, ничего не видно. Да не на меня смотрите, а в объектив. Все смотрим в объектив. Ну, представьте, что там тысяча долларов лежит. Да куда вы все с мест пососкакивали? Я только сказал — представьте. Внимание, снимаю! Перестаньте зевать, глаза откройте, снимаю ведь. Все, готово! Поздравляю вас, можете радоваться, не получилось. Будем снимать снова. Встаньте сюда, закройте живот, улыбнитесь. Ну не надо рот во всю ширь раскрывать, вы не в хоре. В другую сторону улыбайтесь. Слушайте, спрячьтесь, а? Товарищи, вы куда? А, сниматься? Очень жаль. Ну вот так всегда, хоть бы один досидел. Перестраиваешь их, переставляешь, и все равно ничего не понимают. Что за люди пошли? Не пойму…

Владимир Иванов

Марафон

Афанасий Грачев, житель южного города, из видов спорта признавал только бег до магазина, когда заканчивалась водка.

— Бросай пить, — говорили ему.

— Дудки! — отвечал Грачев. — Только телеграфный столб не пьет, у него чашечки книзу.

Но вот однажды, хватив лишнего, Грачев забрался в трубу строящегося газопровода и там уснул. Поутру пришли сварщики соединить смежные участки газопровода.

Проснулся Грачев в кромешной тьме. Решив, что он дома, долго щупал стенки трубы.

«Чертовщина какая-то, — подумал он. — Была комната квадратной, а стала круглой. И стены почему-то железные!..»

Ему стало жутко. Грачев побежал на четвереньках, как рысак на ипподроме. Потом остановился и снова ощупал стенку. Выхода не было.

«Труба дело!» — решил он. И тут его осенило: «Труба и есть. Газопровода. Мать честная! Как же я сюда попал?»

Он безуспешно пытался определить, в какой стороне он находится. Чтобы опохмелиться, нужно было преодолеть сотни, а может быть, тысячи километров, хотя магазин был где-то рядом. В подобной ситуации он оказался впервые.

День за днем Грачев испытывал волю к жизни. Бежал и бежал. Когда выбивался из сил, то ложился на дно трубы и с тоской думал о красном портвейне за две тысячи рублей. Тогда словно какая-то неведомая сила поднимала его и несла вперед. Через несколько суток Грачев столкнулся с бегущим навстречу человеком.

— Федя! — представился тот. — Скажи, друг, где магазин?

— На востоке, — неопределенно махнул рукой Грачев.

— А где есть восток?

— Напротив запада.

— Ясно! — сказал Федя. — Ну, бывай, — попрощался Федя и ушел в ночь.

На десятые сутки показался конец трубы, и Грачев услышал голоса. Разговаривали на непонятном ему языке.

«Мать честная! — подумал Грачев. — Никак за границу попал…»

Грачев прислушался. После каких-то гортанных звуков до

него донеслось:

— Ноль-пять не принимаем: нет тары.

— Наши! — закричал Грачев и вылез из трубы, по-собачьи отряхиваясь и поднимая вокруг себя облако ржавой пыли. Огляделся. Высоко в небе полыхало полярное сияние.

— Вот так ускакал, чуть не до самого полюса! — Грачев восхищенно посмотрел на свои стоптанные руки.

— Братцы! — обратился он к людям. — Душа горит. Где у вас тут винный магазин?

— Винный? — удивились те. — Нет у нас винного магазина. Мы по контракту работаем. Сухой закон у нас. Бутылки вон из-под лимонада сдаем.

Грачева это потрясло. Он представил себе, как будет жить дальше, если останется здесь. Приходя с работы, помогать жене по дому, смотреть телевизор, читать книги.

Безотчетный страх перед такой жизнью овладел Грачевым. Он трудно вздохнул и нырнул обратно в трубу…

Нэля Романова

Из Мишкиных историй

В воскресенье позвонила классный руководитель Анжелика Алексеевна:

— Миша, в понедельник вместо ботаники будет география.

— Миша, у тебя по географии отметки есть? — спросила мама.

— Ни одной.

— Вызовут обязательно. Будут спрашивать тех, у кого есть телефоны.

Мишка сел за географию и выучил все о влажных экваториальных лесах Южной Америки.

На второй день вечером мама поинтересовалась:

— Ну что, спрашивали тебя по географии?

— Нет. Вызвали Бобыль.

— Ну и как она?

— Встала и говорит: «Борис Федорович, я географии не учила. Думала, ботаника будет». «Ну ладно, — говорит Борис Федорович, — что у вас там по ботанике? Одноклеточные растения? Пожалуйста, рассказывай».

— Что же было дальше?

— У Бобыль глаза полезли на лоб, и она даже всхлипнула.

Мишка страшно веселился. У него даже уши шевелились — так он был доволен, что Бобыль всхлипнула.

Мишка в классе из небольших. Меньше его только Козин. Чтобы компенсировать этот — недостаток, Мишка ходит на самбо и часто возвращается с фонарем под глазом.

Как-то отец купил бананы, зеленые.

— Мам, — спросил Мишка, — когда они пожелтеют?

— Вместе с твоим фонарем.

Утром Мишка встал и первым делом — к зеркалу:

— Мам, фонарь желтый, а бананы как там?

С тех пор прошло много лет. Мишка вырос, отслужил в армии, рост у него — под метр девяносто, туфли сорок пятого размера. Но когда он чем-то доволен, у него, как в детстве, шевелятся уши.

Иосиф Лемешек

Хотите блинов?

Рассказ-загадка

Вас пригласили к теще на блины.

Вы пришли, родня уже в сборе. Тут и шурик, то есть шурин с… Как ее, жену шурина? Многие уже забыли, как по-старинному называются наши родственники. Давайте попробуем вспомнить. Предлагаю несколько коротких текстов с заключенными в них загадками.

1. — Бог на помощь, девица, жать пшеницу с чужим мужиком.

— Что мне, чужой? Его-то матушка моей матушке свекровь.

В каком родстве эта женщина находится к «чужому» мужику?

2. Мать с дочерью, да мать с дочерью, да бабушка с внучкой, а всех-то их трое.

Почему их трое? Назовите их.

3. Шли гурьбой: теща с зятем, да муж с женой, мать с дочерью, да бабушка с внучкой, да дочь с отцом.

Сколько их шло?

4. Мужчина и женщина работали в поле. Идут прохожие, спрашивают:

— Вы родственники?

Женщина отвечает:

— Его-то мать моей-то матери свекровь.

В каком родстве находятся работавшие в поле?

5. Шуринов племянник кем зятю приходится?

Правильно ответившие на все пять вопросов получат почетное звание заслуженного родоведа Южного Урала. Он будет иметь право два раза в неделю ходить к теще на блины.

Примечание: У вас нет тещи. Зато есть два выхода:

а) срочно заиметь тещу;

б) вместо блинов кусать свой локоть.

(Ответы на вопросы: 1. Отец и дочь; 2. Бабушка, дочка и внучка; 3. Четверо: бабушка, ее дочка с мужем и их дочь; 4. Отец и дочь; 5. Сын.)

29-176-73 женится

Мытарь 29-176-73, спортивного телосложения, холост, без

вредных привычек, решил наконец жениться. Откуда пришла в голову ему эта блажь, он и сам не знал. То ли влияние космических сил, то ли солнцем голову напекло.

Рубрика в газете «Ищу тебя» его не устраивала, и он решил подойти к вопросу о женитьбе по-научному. Для этого ознакомился с теорией американского физиолога Э. Кана, который в результате многолетних наблюдений установил связь между характером человека и его любимыми фруктами. И понял: распознать характер будущей невесты легче, чем яблоко съесть. Нужны только фрукты. Те фрукты, на которые в нашей сильно слаборазвитой стране не наработаешься. Сам-то он любит груши и, значит, по Кану, добродушный, постоянно любящий, умеющий утешать человек.

Расходы на фрукты сумел свести к нулю: отправился на рынок и начал внимательно приглядываться к покупательницам.

Вот одна покупает яблоки (реалист, ценящий верность, надежный человек). Женщина приятная, но яблоки, ясно, для внука. А эта красотка приценивается к апельсинам (замкнутая личность). Да и глаза у нее желтые, как у Сталина. Запахло трибуналами, чрезвычайными тройками. 29-176-73 содрогнулся. Крашеная блондинка плотоядно разглядывает бананы. Сразу видно: чувственная натура. Но, увы, в возрасте.

А вон та к клубнике подошла. Премилое существо лет восемнадцати. В мини-минимальной юбочке. Кто любит клубнику, утверждает Э. Кан, тот весельчак и предпочитает все красивое. Значит, может по-достоинству оценить и его, 29-176-73, спортивного телосложения, холостого, без вредных привычек.

И он «причаливает» к ней.

Кому это нужно, чтобы мужики перед женщинами глупели? Говорят, Богу. Так ему веселее…

29-176-73 женился…

Теперь он часто задумывается: кому нужна эта теория о фруктах и человеческих характерах? И вообще: зачем пришла ему в голову эта дурацкая мысль — жениться? У его жены недолго держалась любовь к клубнике, но очень быстро развилась мелкая хвастливая «сила и храбрость к питию».

Сейчас он часто повторяет:

— Может быть, по старинному обычаю, со свахой-то, было лучше?

Андрей Лебедев

Семейное счастье

Я прихожу домой в отличном настроении, на пороге меня встречает теща и бросает в глаза нелепое обвинение: «Ты съел всю заварку из чайника!»

Как поступите вы в этой абсурдной ситуации? Наверное, начнете отрицать, убеждать в своей полной непричастности? Но чем больше вы будете говорить, тем подозрительнее на вас будет смотреть главный обвинитель. И вот вы уже сами не помните, ели вы заварку или нет, а дыма без огня не бывает. Может быть, и съели, да потом забыли в текучке дел.

Есть еще такой вариант: обернуть все в шутку. «Да, съел, мне врачи советовали! А вы разве не читали: это всем полезно — есть на ночь заварку, и именно из чайника!» Но не радуйтесь раньше времени, это маленькое признание повлечет за собой ряд новых обвинений, более страшных: «Ты почему так долго чистишь зубы?!» и, наконец: «Ты ждешь моей смерти!» А тут уже не отшутишься.

Я действую иначе, и мой метод всегда приносит успех. Я не говорю теще ни слова, разворачиваюсь и ухожу: в лес, в горы, а если хватит сил — в тундру. Я питаюсь листьями и корой, сплю под березами и под осинами. Через неделю прибегает жена и умоляет вернуться. «Мама говорит, что ей совсем не жалко заварки, и она уже все забыла». Я в ответ только смеюсь. Еще через неделю: «Мама приготовила твои любимые блинчики с творогом». Я гордо отказываюсь. Через месяц: «Дорогой, возвращайся! Мама сварила гороховый суп и испекла твой любимый торт «Наполеон».

Я сдаюсь и возвращаюсь. Теща хватается за сердце: «Боже, как ты похудел!» — собственноручно снимает с меня плащ, пропахший кострами и болотами, ботинки, от которых остались одни шнурки. Меня, победителя, кузнеца семейного счастья, отмывают, откармливают, укладывают в чистую постель. Меня окружают покой и уважение. До утра.

Светлана Хижина

Чокнутая

Все человечество ждет любви, в том числе холостяки и старые девы. И Анна тоже ждала любви. Симпатичная и порядочная женщина, великолепная хозяйка, трудяга, с одним-единственным недостатком: ее мышление имело явный философский уклон. Отчего жизнь ее давала резкий крен в одиночество.

Но однажды Анне повезло. Она встретила мужчину, который всерьез обратил на нее внимание. Дело дошло аж до раздевания в теплом, укромненьком местечке, куда он пригласил ее на импровизацию любви. Нет, Анна, конечно, не была против, но она хотела, чтобы все было честно, так сказать, от души, от сердца, а не только потому, что сильно захотелось.

Ее избранник снял рубашку и уже начал снимать брюки, когда она мягко притормозила его:

— Мы знакомы только один вечер. У меня, конечно, есть недостатки, у тебя тоже. Но, если мы встретились — это перст судьбы. Только я хочу, чтобы мы проверили друг друга. Чтобы все между нами было честно. Без любви нельзя. Давай подождем.

Он вытаращил на нее глаза, но продолжал снимать брюки. Анна не унималась:

— Мы не должны без любви. Пойми, ты мне очень нравишься. Но давай просто так погуляем, ну просто так, в кино сходим, хочешь — в театр.

Но он тоже был упрямым и настойчиво продолжал раздеваться. Закончив с раздеванием, он подошел к ней, весь готовый и даже более.

— Надо, чтобы все было по-человечески. Пойми, быть может, мы и созданы друг для друга, но необходимо притереться, — убеждала его Анна.

Он взял ее на руки и понес.

— Но мы с тобой совершенно чужие, быть может, и совсем антагонистичны. А после этого не будет возврата назад. Ты пожалеешь, что без любви, — сказала она и вырвалась из его тисков.

Но он тут же нашел ее и уже потащил, так как она здорово сопротивлялась.

— Сказано в Писании: «Похоть же, зачавши, рождает грех». Любовь должна быть, пойми! — запищала она и снова вырвалась из его лапищ.

Он схватил брюки, быстро влез в них, накинул на себя рубашку и, толкнув Анну к двери, крикнул:

— Давай отсюда, стукнутая!

Но Анна не унималась и вновь возникла перед своим избранником. Прямо с порога затараторила:

— Вспомни Ромена Роллана: «Любовь такова, каковы души, несущие ее, героическая у героев и животная у скотов». Любовь же должна быть! Я же…

Но легкий удар дверью по лбу прервал ее пламенную речь.

Нектар в капельках

Угол зрения не должен быть тупым.
Кудрявые мысли не расчешешь.
И цвет нации выгорает.
Первой согрешила не Ева, а яблоня.
В политике, как в театре, в главной роли — суфлер.
Выйдешь из себя — замерзнешь.
Добродетель — конфетка, да грех-то — эскимо.
Рогатый муж бодается.
От критики теряют в весе, но прибавляют в росте.
У крылатых слов общипывает перья вечность.
И со дна снимают сливки длинным языком.
Холостяки — средний пол.
Политика грешит, а у экономики цены беременные.
Свобода — это когда ботинки не жмут и пломбы не мешают.
Слабый пол небеса держит.
Не зубри, облысеешь!

Валентина Наумова

Вот будет культура…

Монолог в трамвае

— Культуры у нас нет, Семеныч! Культуры нет! Вот где собака зарыта. Люди злятся, грубят, нервничают. А вот будет культура, тогда и обращение между людьми будет вежливое… Ну, ну, бабуля, куда ты прешь со своим мешком? Ноги мне обступала! Ну и что, что сижу? Куда хочу, туда и выставляю ноги, не твое дело! Место тебе? А дома у тебя место есть? Вот и сидела бы дома! А то вон того амбала попроси, он помоложе. Ну, чего ты уставился-то? Правды не любишь? И свою намалеванную можешь поднять, вон брюхатую посади! Ну и молодежь, никакой культуры и вежливости. Погоди, бабуля, вот будет культура, тогда и место тебе уступят, и через дорогу с мешком переведут. Не может быть, чтоб правительство культуру не сделало. Все равно указа дождемся. Вот тогда эти сукины сыны и будут уважать старших, уж это точно! Вот тогда и требуй вежливости!..

Рамазан Шагалеев

Миниатюры

* * *

— Никак не пойму, что случилось с костром?
Дрова кладу не жалея,
а он не горит, он только дымит,
он только дымит и тлеет.

— Напрасно ругаешь ты свой костер,
вины его в том немного.
Сырые дрова — как пустые слова:
ни гореть, ни согреть не смогут.

* * *

Не скачи во весь опор
по крутым камням.

С дураком вступая в спор,
вспомни, кто ты сам.

* * *

Ты бил горшки,
тарелки бил подряд,
но обижаться на тебя
не буду.
Посуда к счастью бьется,
говорят.
Так вот зачем
ты нашу бил посуду!

Секреты пения

Он говорил с оттенком сожаления:
— Я мог бы петь почище соловья,
когда б открыли мне секреты пения,
не знаю их, и в том беда моя.

А рядышком, среди ветвей,
даря прохожим бездну наслаждения,
совсем не знающий секретов пения,
пел, и весьма недурно, соловей.

* * *

Борода-мочало —
мудрости начало.
Бородатых много,
аксакалов — мало.

Андрей Лебедев

Демократическая гимнастика

Приготовьтесь к демократической гимнастике.

Исходное положение: пятки вместе, носки врозь, руки по швам.

Упражнение первое — «Ускорение»:

Медленно потягиваясь, сделали шаг вперед. Посмотрели вверх, сделали шаг назад. Повторили упражнение. Вернулись в исходное положение.

Упражнение второе — «Борьба»:

Встаньте прямо, расправьте плечи, дышите равномерно. Из исходного положения сделали шаг влево — руки вверх! Шаг вправо — руки вверх! Опустите руки, борьба закончена. Расслабьтесь.

Упражнение третье — «Центристское»:

Выполняем из основной стойки. Делаем выпад влево — одновременно наклон вправо, выпад вправо — наклон влево. Активнее выпад, точнее наклон! Пружиняще выполняем движения. Закончили.

Переходим к модным процедурам.

Исходное положение — стойка перед холодильником. Делаем энергичный рывок руками, раскрыли холодильник, развели руки в стороны. Закрыли холодильник. Подтянули живот, выше голову, шире плечи! Раз — два! Повторяйте процедуру. Всего вам доброго!

Илья Герчиков

Шершеляфамизмы

Два тупых угла бывают только в любовных треугольниках.

Если мысль об измене приходит в голову в отсутствии мужа — это беда, но если в его присутствии — это уже катастрофа.

Мечтающему о гареме суждено остаться холостяком, ибо с таким количеством тещ ему не справиться.

Научив жену играть в карты, вы сможете честно возвращать себе часть зарплаты.

Не спрашивайте жену, что подарить ей на день рождения, ибо таких денег она вам все равно не выдаст.

Пока жена учится готовить, важно не разучиться есть

Современная мода: минимум ткани, максимум информации.

Здравоохранизмы

Благодаря экстрасенсам больные могут попадать на кладбище минуя очереди к врачам.

Врачи не всем рискуют давать советы, но зато все дают советы врачам.

Диета — пролог к перееданию, переедание — пролог к эпилогу.

До эпохи СПИДа запретный плод был значительно слаще.

Министры здравоохранения уходят на пенсию по состоянию здоровья трудящихся.

Раньше больные жаловались врачам, теперь — на врачей.

Чтобы быть здоровыми, смейтесь, и будьте здоровы, чтобы смеялось.

Рекламная газета «Тумба»

Спецвыпуск для «Городского романса»

*Продается детский комбинезон с ручками и ножками.

*Куплю глобус Московской области.

*Продается пара китайских кроссовок 42-го и 44-го размера.

*Куплю сапоги с бикфордами.

*Объявляется всесоюзный розыск мужчины ростом выше 180 см.

*Блондинка 30 лет, имею сад и дочь, замужем не была.

*Переведу с английского языка на суахили.

*Сдам однокомнатную квартиру на Северо-Западе вместе с 28-летним хозяином. Подробности и условия в переписке.

*Для создания крепкой семьи познакомлюсь с сотрудником УВД.

*Куплю иглу дикобраза.

*Уральская рябинка ждет своего дуба.

(Подготовил А. Ярушин)

*Выйду замуж. Хоть за черта. Фото обязательно.

*В помощь компьютерным центрам.

Для подстраховки ваших ЭВМ предлагаю счеты бухгалтерские, б/у, отсутствуют четыре косточки.

*Куплю мягкий уголок. Твердые и скрипучие не предлагать. Возможен обмен на три ведра белой и желтой мелочи.

*Найдена собака породы скотч-терьер, сука. Но очень ласковая и симпатичная.

(Подготовил В. Пахомов)

Виль Андреев

Узелки на память

Кажется, знаешь о себе все, так нет! Находятся люди, которые знают больше.

Мужчины, как правило, живут меньше. А чтобы век показался длиннее, женятся.

Старый неврастеник взрывался без нитроглицерина.

Глобус считал, что не обязательно иметь мозги, достаточно иметь стержень.

ЭВМ упорно не работала. А раньше этим занимался целый отдел.

Если женщина перестала передвигать мебель — значит она состарилась.

На кафедре физики пахло элементарными частицами.

Не всякий орел — беркут. Есть и стервятники.

Лариса Шебалдова

Новый Козьма Прутков

Ничего никогда нельзя. Но иногда можно.
И ворона не каждый день каркает.
Разве можно знать все о бутербродах? Ведь они такие разные.
Хорошая шляпа: знает на ком пристроиться.
Уж лучше тараканы, чем война.
Как свистнется, так и аукнется.
Осел себе цену знает, но сказать не может.
«Бонжур, Манька! Твой Ванька!» (Из письма).
Мужчина индивидуального пользования.
У каждого народа есть какое-нибудь правительство.
И неприятности-то валютные.
Комары с юга, как правило, не долетают.
Пальма первенства в большой кадке.
Новинка ЧТЗ — чайник с кукушкой.
Где мои 1917?
Ба! Кто к нам с мечом пришел!
Вышел в люди. Походил, посмотрел. Нет, дома лучше.

Надежда Капитонова
Прогулка по литературному Челябинску

Есть в Челябинске, в геологическом парке, очень дорогое для меня место. У входа — небольшой бронзовый барельеф с изображением одноэтажного деревянного домика, который когда-то стоял на этом месте. В 1905 году здесь побывал Я. Свердлов. Но для меня дом славен не этим. Здесь, на Труда, 108, с довоенных лет была Центральная детская библиотека, куда после окончания Московского библиотечного института я с моей однокурсницей была направлена на работу. Летом 43-го город и библиотека встретили нас теплом и добром.

Город мне тогда показался тихим, провинциальным. Сегодня трудно представить Челябинск без Северо-Запада и Северо-Востока, без телевидения, без нового (хотя уже давным-давно обжитого) вокзала, Торгового центра, цирка, кинотеатра «Урал», Дворца спорта… А оперный театр тогда еще не был театром, он еще только освобождался от станков завода «Калибр». Тогда наша улица Труда была почти сплошь деревянной, да и проспект Ленина (в то время улица Спартака) еще строился, и там попадались деревянные дома.

Конечно, город за сорок с лишним лет сильно изменился. И сейчас все его видят таким, каким он стал. Но мне хочется еще раз вернуться к тому старому дому с запущенным садом. Чем же он мне дорог? В нем я встретила самого хорошего человека на свете. В этом доме была наша свадьба. Здесь, в комнатке при библиотеке, сделали первые шаги наши дети. Сюда приехали из Казахстана мои родители, чтобы остаться с нами навсегда.

На Труда, 108, я поняла, что выбрала самую интересную и важную работу. Ведь детский библиотекарь соединяет два чуда: ребенка и книгу. Работа наша не приносит много «злата и серебра», ее результаты не меряются тоннами или метрами. Но когда встречаешь бывших читателей, которых мамы еще до войны приводили в детскую библиотеку (а они до сих пор помнят, какие книги тогда читали), становится ясно, что не зря на свете есть детские библиотеки. Во время войны и мы «спасали» детей, отогревая их у круглых железных печек, «уводили» с Майн Ридом, Жюлем Верном, Фенимором Купером от неустроенности и голода в жаркие прерии, джунгли, в совсем другие миры.

Наша библиотека давно сменила адрес, стала областной,

одной из крупнейших в России. И сейчас тысячи совсем маленьких и уже совсем больших читателей считают библиотеку родным домом.

Мне в Челябинске очень повезло с людьми. С самого начала встретили меня преданные делу профессионалы-библиотекари. Везло мне и на руководителей. Никогда не забуду Михаила Григорьевича Марченко, Льва Михайловича Троицкого. Думаю, очень многие челябинцы знают эти имена, помнят их. Сколько прекрасных людей работало и работает в нашей библиотеке! Пять заслуженных работников культуры. Такое не часто встречается.

А сколько друзей — учителей, инженеров, врачей… О каждом из них можно рассказывать отдельно. Какие судьбы, какие характеры! Не все они, к великому сожалению, живы, не все сейчас живут в Челябинске. Как ни трудно бывает иногда, но (как сказал знакомый поэт) «нас хранит надежный круг друзей. Все уже он, но все нерасторжимей».

А челябинские писатели. Сколько с ними связано общей работы!

Улица Сони Кривой. Вот дом, где жила Людмила Константиновна Татьяничева. На фасаде мраморный барельеф. Скульптор не пожалел поэтессу: усталое, немолодое лицо. Но что удивительно: на этом лице — слезы! Темные слезы на белом лице. Что это? Мистика какая-то! Почему она плачет? Я хорошо помню Людмилу Константиновну. И не представляю ее плачущей. К ней, по-моему, очень точно относились строчки Некрасова: «Есть женщины в русских селеньях…» Высокая, статная, красивая, умная. Талантливая и добрая. Как хорошо она умела разговаривать с детьми, со взрослыми!

Как она меня однажды выручила! Когда-то у нас была традиция — в Неделю детской книги собирать ребят со всей области и устраивать большой книжный праздник. Писали заранее в ЦК комсомола, просили прислать хороших детских писателей из Москвы, чтобы познакомить с ними челябинских ребятишек. И чаще всего ЦК подводил. Однажды случилось так. Осталась всего неделя до праздника, я — в Москве на писательском совещании, и здесь узнала, что никто к нам не приедет. Я мечусь, уговариваю знакомых и незнакомых писателей поехать в Челябинск. Никто не соглашается. И вдруг, уже в последний день, на совещании в президиуме появляется Людмила Константиновна. Едва дождавшись конца заседания, бросилась к ней. Она поняла с полуслова, успокоила, обещала помочь.

И вот мы встречаем на Челябинском вокзале подругу Людмилы Константиновны, известную писательницу Наталью Петровну Кончаловскую. Ей тогда было уже довольно много лет,

но встреча с ней была истинным праздником для детей и для взрослых. Наталья Петровна потом приезжала еще раз. Побывала в Магнитке, написала по уральским впечатлениям книгу «Магнитное притяжение».

Наверное, нет необходимости рассказывать здесь о творчестве Татьяничевой. Кто его не знает, тот всегда найдет ее книги в библиотеке. Одно хочу сказать: когда ее называют «певцом Урала», то это не просто образные слова, а точная оценка ее творчества. И многие ее строчки стали «крылатыми» выражениями.

Правда, вспоминается случай, когда Людмиле Константиновне в Челябинске стало грустно. Было какое-то торжественное заседание, куда ее пригласили из Москвы. Тогдашний мэр города решил блеснуть знанием поэзии Татьяничевой и прочитал строки: «Урал — опорный край державы…» Он не знал или забыл, что это написано Твардовским. А как было бы хорошо, если бы почаще по радио, на телевидении звучали строчки Людмилы Константиновны, чтобы их узнали и полюбили молодые челябинцы.

Часто мне приходится ездить трамваем от цирка к площади Революции. Проезжаешь оперный театр, сквер Славы с Вечным огнем, дальше старый довоенный дом, который растянулся от улицы Цвиллинга до улицы Кирова. На нем мемориальная доска: «В этом доме жила в 1962—72 гг. писательница Серафима Константиновна Власова». Я уже привыкла и не удивляюсь, но ведь писательница жила не в этом доме, а в соседнем, более современном, только у него такие стены, что доску не прибьешь. Наверное, поэтому и повесили рядом. (Кстати, в этом старом доме во время войны жил маленький Саша Масляков, который сейчас всем известен по КВН.)

Но дело, конечно, не в том, где висит мемориальная доска. Хорошо, что она есть! Хуже, что не издаются сказы Серафимы Константиновны. Пока она была жива, выходили сборники «Голубая жемчужина», «Клинок Уреньги», «Поют камни» и другие. Но эти книги издавались в тонких обложках, в основном, на плохой бумаге. Они были очень недолговечны. А жаль, что нет ее книг. Ведь удивительно — сибирячка по рождению, учительница-пенсионерка взялась писать уральские сказы после Бажова! Надо было иметь большой жизненный и литературный багаж, большую смелость. И ведь многое у нее получилось, есть прекрасные строчки о природе, людях, истории Урала.

Власова мне запомнилась удивительно эмоциональным человеком. Она могла плакать горючими слезами у нас в библиотеке над скверно изданной ее книгой, она могла и выпить,

и сплясать лихой танец. Она была прирожденной артисткой, слушали ее всегда с большим удовольствием. Серафима Константиновна рассказывала даже интереснее, чем писала. У нее был удивительно образный язык! Я иногда ловлю себя на том, что употребляю в разговоре ею сказанные когда-то слова: «впала в душу», «сгреблась» (т. е. быстро собралась). Как жаль, что не сохранилось никаких записей на радио и телевидении. Неужели не найдется в Челябинске издатель, который бы выбрал лучшие ее сказы, издал бы их? Вот это был бы достойный памятник талантливой уральской сказительнице.

Еще несколько лет назад на старом здании института механизации сельского хозяйства, ныне агроинженерного университета, что по улице Красной, висела мемориальная доска: «Здесь с 1910 по 1918 год в реальном училище учился писатель Юрий Николаевич Либединский». Потом доска исчезла. На время или навсегда, не знаю.

Ни в школе, ни в институте я не слышала о писателе Либединском, он тогда был в опале. Слышала только от матери, тоже библиотекаря. И вдруг уже в Челябинске, в нашей библиотеке, в книге Татьяны Толстой «Детство Лермонтова» вижу посвящение: «Маше, Тате, Лоле, Саше и Нине Либединским». Подумала: какое отношение имеет Татьяна Толстая к детям Либединского? Ответа я не нашла, пока мне не попалась в руки книга «Зеленая лампа» Лидии Борисовны Либединской, вдовы Юрия Николаевича (хотя слово «вдова» совершенно не подходит такому неординарному человеку, как Лидия Борисовна). «Зеленая лампа» мне душу повернула и к Юрию Николаевичу, и к Лидии Борисовне. Оказалось, Татьяна Толстая — бабушка пятерых детей Лебединских, Лидия Борисовна — внучатая племянница Льва Николаевича Толстого, известная теперь писательница. А к этому времени стали издаваться и книги Юрия Николаевича: его знаменитая в 20-е годы «Неделя», его воспоминания для подростков «Воспитание души» и другие. И теперь я просто не представляю, как можно «увидеть» историю Челябинска во время первой мировой войны, в предреволюционные и революционные годы без книг Юрия Николаевича. К тому же он был первым писателем после революции, написавшим о ней, первым советским редактором. К нему пришел с рукописью своей первой книги молодой Александр Фадеев, тогда-то они и подружились на всю жизнь и даже породнились, женившись на сестрах Герасимовых (двоюродных сестрах Сергея Герасимова). Правда, эти первые браки потом распались… Первая книга Либединского «Неделя» была переведена на французский и немецкий языки. Не случайно фашисты в 1933 году, сжигая на кострах неугодные им

книги, не пропустили и «Неделю».

Роднит меня с Юрием Николаевичем и то, что в его нелегкой судьбе очень много общего с судьбой моего отца: они в один год родились, в один год (20-й) вступили в партию, почти в один год их исключили из партии, оба чудом уцелели в 37-м, оба прошли через войну…

Юрий Николаевич через всю жизнь (он умер в 1959 году в Москве) пронес нравственный урок своего отца: «Людям надо делать добро!». Отец Юрия Николаевича, известный в Челябинске до революции врач, погиб во время эпидемии тифа в девятнадцатом.

Юрий Николаевич Либединский достоин и мемориальной доски, и памяти, и уважения.

Пусть простят меня те челябинские писатели, которые столько сил и сердца отдали детям: Лидия Александровна Преображенская, Николай Александрович Глебов, Сергей Иванович Черепанов, Юрий Георгиевич Подкорытов. Я их всех помню, все достойны рассказа, но не все вмещается в эти несколько страниц.

И все-таки я не удержусь и скажу еще об одном человеке, который совсем недавно ушел из жизни, и еще болит душа, и еще не верится, что его уже нет.

Была б моя воля, я бы на здании Гипромеза повесила бы мемориальную доску с его именем. И, может быть, не надо было бы писать, кем он был. Коротко не скажешь, а всем сейчас живущим это имя хорошо знакомо: Юрий Трахтенберг. Инженер-проектировщик металлургических заводов. Наверное, металлурги его знают как хорошего инженера. А многие и многие челябинцы помнят его как человека удивительной эрудиции, ценителя редкой книги, хороших стихов и песен. Он и сам писал статьи, стихи. Но, кроме того, он обладал какой-то магнетической силой притягивать к себе людей, объединять их, делать единомышленниками. Если какой-нибудь челябинец раньше услышал бы, что в город приехал известный бард, то он, не глядя на афиши, не спрашивая у знакомых, знал, где будет проходить встреча: ясно, что в зале Гипромеза, ясно, что вести ее будет Юра Трахтенберг. Сколько в этом зале было прекрасных вечеров: встречи с Визбором, Никитиными, Дольским… А кто хоть раз побывал на фестивале авторской песни на Ильменах, помнит, какие это были праздники, и опять-таки: Юра в жюри, Юра ведет программу.

С ним связана целая полоса в культурной жизни нашего города. В нем одном был заложен своеобразный центр культуры — тонкий, умный, веселый, дружеский. А уж в уменье

дружить, наверное, не было ему равных. Он с каждым умел говорить, как с самым дорогим ему человеком, и не только говорить, но и делать. Скольким он в жизни помог! Я, к сожалению, не была среди самых близких друзей, но и на меня распространялся свет и тепло его души. В ушах еще стоит его шутливое «тетя Надя…»

Незадолго до его неожиданного ухода он массу сил «положил» на подготовку встреч с поэтом Игорем Губерманом (кстати, зятем Либединского), успел написать свои «юрики» на едкие губермановские «гарики». Успел провести одну встречу, а перед началом второго концерта упал с тяжелейшим инфарктом. И это случилось у меня на глазах. Из больницы он уже не вышел. Я его видела почти мертвым, казалось бы, уже можно было поверить в эту смерть. Но не верится, и все! Наверное, такие люди действительно навсегда не уходят, пока память о них жива.

Людьми и дорог мне мой город, я его не променяю ни на какой другой! Здесь моя семья, здесь мои дети и внуки, здесь мои друзья, мои коллеги, мои знакомые. Без всех этих людей я жизни не представляю.

Александр Золотов
Головницкий — известный и неизвестный

Человек не был в городе, где прошли его детство и юность, больше сорока лет. За спиной остались гражданская война, работа на производстве и стройках, Великая Отечественная… Наконец, жизнь привела его сюда.

И вот уже старый человек Павел Александрович Тумбин ходит по улицам Челябинска, выискивает то, что напоминало бы ему о былом.

— Что больше всего поразило вас в Челябинске после долгой разлуки? — спросил я у Тумбина. Он задумался, помолчал с минуту. И ответил:

— Памятник «Орленок» на Алом поле. Когда покидал я эти места, был очень похож на того паренька на пьедестале. Даже одет был так же: шинель не по размеру, грубые солдатские ботинки… И вот, представьте, смотрю теперь на город его глазами и не узнаю. И думаю: «Нет, не зря все же прожили мы жизнь…»

Долгое время «Орленок» считался гордостью, своего рода эмблемой Челябинска. Его воспроизводили в книгах и альбомах, на почтовых конвертах и обложках блокнотов. И памятник стоит того. Ведь это несомненно лучшее из монументальных произведений, созданных за все годы Советской власти на Урале.

Мне посчастливилось близко знать автора «Орленка» Льва Николаевича Головницкого. Познакомились мы буквально через неделю-другую после открытия памятника. Были годы, когда регулярно встречались, дружили, до самого его отъезда в Красноярск.

Вспоминаю, идем как-то через мост на реке Миасс, что у филармонии. Остановились возле мальчишек с удочками.

— Знаешь, — говорит Лев, — а ведь и я когда-то часто пропадал здесь. Только, похоже, чебак у нас клевал получше.

Его предки жили в Белоруссии. Родился Лев в Кургане, но семья вскоре переехала в Челябинск. Этот город он всегда считал родным.

Жили они на улице Советской, в деревянном домишке недалеко от часового завода. Первые воспоминания детства — ночные гости. Заспанное лицо отца — за ним пришли, чтобы отрядить во внеочередной рейс. Отец — машинист. «Тоже стану

водить поезда», — мечта мальчишеских лет.

Только дорога у каждого своя. Захватив из дома полмешка картошки — послевоенное время было трудным, — Головницкий едет в Саратов, в художественное училище.

«Что до общих дисциплин, — признавался он, — учился я скверно, одно время даже отчислять собирались». Отстоял, разглядев в пареньке искру Божью, преподава-тель Э. Ф. Эккерт, позже отдавший ему в жены свою младшую дочь Энрику. Она тоже училась на скульптора.

Во время выбора темы диплома Льву, уже проявившему свои способности, доверили вылепить портрет Сталина. Но Головницкий проявил свою ершистость, а к тому же и смелость — отказался: в голове зрела другая, более волновавшая его тема — «Молодогвардейцы перед казнью». К счастью, конфликт не раздули, сошлись на Николае Островском.

Вокруг готовой работы закипели страсти: портрет, что было непривычно для той поры, вышел психологическим. И вот, защитив диплом, Лев везет свою первую работу в столицу, чтобы выслушать приговор специалистов. Одаренность молодого скульптора отметили все, однако и здешних знатоков смутило отсутствие жизнеутверждения, оптимизма… «А ведь у меня, — рассказывал Лев, — и так Островский голову с подушки поднял — не мог он этого…»

Из Саратова в Челябинск Головницкий возвращается с молодой женой. Первое время живут с его родителями, в страшно скученной обстановке, а тут еще родилась двойня. Но работается отлично. «Островский», «Павел Корчагин», «Орленок» — цепочка в его творчестве. От конкретного образа — к обобщению, от станковой скульптуры — к монументальной.

Памятник «Орленок» был открыт 29 октября 1958 года и сразу сделал имя автора известным. Одаренность Головницкого отмечали ведущие скульпторы страны — Томский, Вучетич, Кибальников, Белашова. Скульптурный вариант «Орленка» побывал на Всемирной выставке в Брюсселе, Лев получил за него престижную премию Ленинского комсомола.

Восхождение его на Олимп оказалось стремительным. Только тридцать с небольшим, а он уже возглавляет областную организацию художников, избран в правления Союза художников РСФСР и СССР, ему присвоено звание заслуженного деятеля искусств России.

Однако в жизни по-прежнему Лев прост и доступен. Полученную премию собрался было отдать вьетнамским детям — в этой стране шла война. Не позволили: «А вы представляете, в какое неловкое положение поставите других лауреатов!» Все, что

он приобрел с новым положением, так это отдельную квартиру и мастерскую.

Отлично понимаю: ценителям искусства вовсе нет дела, в каких условиях и в какой срок создано то или иное произведение. Блок написал поэму «Двенадцать» в три дня, а Александр Иванов картину «Явление Христа народу» — за двадцать лет. И все же, все же…

Вспоминаю тесноту старого купеческого лабаза, где вынужден был работать над своим «Танкистом» Головницкий. Не этим ли отсутствием отхода для обзора объясняются те недостатки, которые, на мой взгляд, имеются у этого памятника?

Из произведений Головницкого, посвященных теме Отечественной войны, мне особенно по душе двухфигурная композиция «Память» (мать и вдова держат в руках каску) на Лесном кладбище. Помню, какое чувство гордости за друга испытал я, увидев позднее аналогичный по теме монумент, также увековечивающий память земляков, в Перми.

Мне не раз доводилось слышать от Головницкого, что было бы справедливым именно на Урале завершить «линию» с мечом Победы, начатую Евгением Вучетичем. У него меч высоко вознесся ввысь над землей Сталинграда, опущен рукой воина на поверженную свастику в Трептов-парке в Берлине. И мечта Головницкого осуществлялась: его композиция «Тыл и фронт», установленная на фоне вечно дымящихся труб Магнитки, словно замкнула цепочку.

Отдав военной теме так много лет творчества, Головницкий часто вспоминал ту нелегкую пору, свои детские годы. А однажды по моей просьбе (я тогда возглавлял Южно-Уральское книжное издательство) написал для книги о Челябинске:

> «Война!.. Наш двор сразу опустел, потому что в каждой из одиннадцати семей кто-нибудь ушел на фронт. На фронт ушел и мой брат. И не вернулся. Мама работала на заводе, где делали патроны. Сейчас это здание пединститута. Отец все дни и ночи на паровозе, в поездках. Его я почти не видел…
>
> Вспоминаю ту же улицу Спартака. Железнодорожный мост над ней. Эшелоны с танками и «катюшами». Зимнюю стужу. Таких холодов я больше не помню. Мне очень трудно было работать над памятником танкистам-добровольцам. Нужен был образ, обобщение. А перед глазами все время живая, конкретная картина: провожают танкистов, огромные толпы народа, чьи-то речи. Я не решаюсь пойти туда,

стою в очереди за хлебом у магазина напротив почтамта. В очереди усталые старики, невыспавшиеся дети, у нее свои законы, своя дисциплина…»

Очень жалел Лев, когда при перепланировке была вырублена зелень на улице Коммуны, за спиной его «Танкиста». Не мог забыть, как женщины в 45-м рвали пышную, благоухающую сирень и вручали воинам, пришедшим с Победой…

Вовсе не той, как сейчас, представлялась ему когда-то вся Аллея Славы. По его замыслу здесь, в окружении кустов, должны были стоять беломраморные плиты-треугольники, или «письма», с подлинными строчками из посланий с фронта и на фронт, а завершить всю композицию должен был монумент «Память», который по воле властей оказался на Лесном кладбище.

Головницкий был щепетилен даже в мелочах. Так, к примеру, он был сильно огорчен, увидев, что в спешке, перед открытием «Танкиста», чугунные плиты ведущей к памятнику дорожки были выложены неправильно. На них есть рельеф — тевтонский меч. Естественно, что он должен быть направлен к нам с Запада, а наш, встречающий его, идти с Востока. На устранение ошибки ушло бы полдня, но все так и остается. Не сомневаюсь, огорчила бы его и нелепая чугунная ограда, возведенная совсем недавно вокруг пьедестала. К чему она? Разве что разрушает целостность впечатления от монумента?

Годам к пятидесяти Головницкий, казалось бы, достиг всего: стал академиком, лауреатом, был увенчан почетными званиями. Но образ его жизни не изменился: с 10 часов утра и до 9—10-ти вечера — в мастерской, труд почти без выходных. Разве что летом позволял себе короткий отдых, и то, если не надвигалась срочная работа. Любил охоту, рыбалку, был непревзойденным грибником. Помню, как ездили мы на его «Волге» по горнозаводскому Уралу, восхищались старой архитектурой, любовались уральской природой.

В молодые годы, когда его коллеги увлекались декоративно-монументальными работами, Головницкий берется за монументально-психологическую скульптуру. Подобно тому, как лишь искушенному поэту дается написать венок сонетов, не всякому скульптору по плечу создание многофигурных композиций, да еще таких, персонажи которых находились бы в сложных драматических отношениях. Очень хотелось Головницкому испробовать силы и в создании пространственно-развернутых скульптурно-архитектурных комплексов (это если выражаться на языке специалистов). С Аллеей Славы ничего не получилось, и он, теперь уже умудренный опытом, в расцвете

творческих сил, все чаще задумывается над огромным замыслом — итогом жизни, темой которого могла бы стать вся история Челябинска — от основания города, через Пугачевщину, индустриализацию, Отечественную войну и до наших времен.

А пока, как бы на подступах к ней, он выполняет заказ к 250-летию города — скромный памятник «Первостроитель», который был установлен на том самом месте, где когда-то и срубили крепость «на реке Миясе, в урочище Челяби».

Только вышло с этим памятником все неладно. Отговаривая в свое время (я тому свидетель) автора «Сказа об Урале» Виталия Зайкова от аналогичной уступки, Лев все же согласился с «Отцами города» на временную установку вместо памятника в бронзе тонированного под металл макета. Но началась перестройка, денег в городской казне то ли не нашлось, то ли их пожалели, и во избежание саморазрушения «Первостроителя» Головницкий вынужден был демонтировать его. Грустно теперь глядеть на «могильный» курган там, где мог бы стоять хороший памятник…

В неважном, если не сказать — в подавленном настроении покидал Лев Николаевич наш город. Еще недавно он был окружен всеобщим вниманием, даже почетом, и вдруг… стал никому не нужен. Проводить его на вокзал, помимо автора этих строк, пришел лишь давний знакомый — железнодорожник…

Внешне все было нормально: в Красноярске его ждал пост руководителя Сибирского отделения Академии художеств, прекрасные условия для жизни и работы. Только сердце оставалось в Челябинске…

Я видел его в последний раз на экране телевизора, сидящим в зале. Сибиряки избрали Головницкого депутатом Верховного Совета СССР последнего созыва. Вскоре, тяжело заболев, он все же вернулся на Урал, правда, в Екатеринбург. Выучившись на архитектора, там жила дочь Наташа с его любимой внучкой.

Кончина Головницкого глубоко потрясла многих. Как и просил Лев, урну с его прахом привезли в Челябинск. Была панихида, на могиле жена Энрика Эмильевна установила крест.

Челябинску повезло: в нем жил и творил Художник такого таланта, какой является не в каждом поколении, если иметь в виду не всю Россию, а регион, Большой Урал. Прекрасные работы Льва Головницкого — «Память», «Добровольцам-танкистам», бюст А. С. Пушкина в городском саду, бюст выдающегося конструктора И. Я. Трашутина украшают наш город. Но лучшая из них все же «Орленок»…

Владимир Спешков
Челябинский Гамлет

Штрихи к портрету актера академической драмы Александра Мезенцева.

Гамлета Александр Мезенцев не играл (во всяком случае пока). Но вечная и главная тема его ролей — оскорбленное одиночество — вполне гамлетовского свойства.

Когда жить так, как хочется, жить в гармонии с собой и миром невозможно, когда порядок вещей, круг людей, череда поступков и слов — все противоречит человеческому естеству, мечтам и намерениям, — остается замкнуться, надеть маску стоика или шута и попытаться сохранять нейтралитет в отношениях с этой жизнью (получится ли — другое дело). Но почти детская обида такого одиночества в толпе прорвется: в глазах ли, в интонации, в резком развороте… Мезенцев играл это уже в юных своих героях: в лейтенанте Княжко («Берег» Ю. Бондарева), не прекращающем по-джентльменски (по-юнкерски?) прямо держать спину в кровавой и хмельной военной мясорубке; в Никите из «Жестоких игр» А. Арбузова, обреченном не быть вторым. Бремя лидерства превращалось в маску, заменяющую лицо, — не сбросишь, роскошный кожаный плащ все больше напоминал доспехи завоевателя, ко был ли счастлив или хотя бы уверен в себе тот Никита, рассекающий жизнь звездный мальчик с Тверского бульвара?

Лейтенант Княжко был сыгран в спектакле режиссера Игоря Перепелкина, в постановках которого в середине семидесятых состоялись первые роли Александра Мезенцева в Челябинской драме (Фарятьев в «Фантазиях Фарятьева» в том числе). «Жестокие игры» поставлены в конце семидесятых Наумом Орловым — режиссером, в чьих спектаклях Мезенцев позднее сыграет грустного, все понимающего Шута из «Короля Лира»; смотрящего в бессмертье провидца Моцарта в пушкинских «Маленьких трагедиях» (облик, лик этого Моцарта удивительно совпадал с одним из ангелов рублевской «Троицы»); две блестящие характерные роли — письмоводителя Глинкина в «Фальшивой монете» М. Горького и «злокачественного гимназиста» Буланова в «Лесе» А. Островского (дуэт Буланова-Мезенцева с Гурмыжской — Павлиной Конопчук был, что называется, абсолютным. Потом это сценическое партнерство

было продолжено в спектакле «Гарольд и Мод»). С Орловым же был сделан и Михаил Яровой — характер мятущийся и трагический (что для начала 80-х было совершенно неожиданной интерпретацией), а затем — Подсекальников в «Самоубийце» Н. Эрдмана и царевич Алексей в «Антихристе» Д. Мережковского. Роли мастера, позволяющие говорить о творческой зрелости актера Александра Мезенцева. Роли, в которых его главная тема была заявлена и сыграна в полную силу.

Одиночество и обида его Подсекальникова особого свойства. Александр Мезенцев увидел в своем герое не мещанина, до смерти перепуганного размахом перемен и поступью свершений, а нормального интеллигентного человека, отчаянно пытающегося остаться собой посреди безумия кровавого социального прожектерства, человека, пытающегося слабыми руками оттянуть петлю тоталитаризма, сдавливающую шею. Отдельного, частного человека на пути у стоглавой и бездушной машины.

В годы, когда Эрдман писал «Самоубийцу», Максим Горький гневно обрушивался на тех, кто склонен свою «зубную боль считать несчастьем всего человечества». Услышав обвинение такого рода, Подсекальников Мезенцева не стал бы искать оправданий, заметив, что у «буревестника» пролетарской литературы, вероятно, никогда не болели зубы.

Когда повсеместно столь велики желания и соблазн сбиться в стаю, в толпу, кричать громким хором и не слышать другого, одинокий голос человека, обороняющего, как умеет, свой «окоп частной жизни» (слова Вацлава Гавела), должен быть услышан, ибо это голос порядочности и бесстрашия.

Александра Мезенцева — слышат. Лучшие сцены спектакля — его монологи, его бег по замкнутому кругу сцены, его бледное, недоуменное лицо, обращенное в зал, и паузы, и вопросы… И белые одежды, и скрипка, несколько раз появляющаяся в руках Подсекальникова.

Главное в том, как играет Мезенцев, внутреннее состояние актера. Он начинает роль с мощного душевного посыла и идет по возрастающей. Это тот случай, когда суть, смысл роли в чрезвычайно глубокой и захватывающей зрителя внутренней жизни актера.

Такой же способ актерского существования (придающий спектаклю почти монологическое звучание) Мезенцев демонстрирует и в роли царевича Алексея.

Спектакль «Антихрист» начинается ночным кошмаром Алексея, а разрешается его мученической смертью. И между этими полюсами Мезенцев-Алексей почти не покидает сцены, так или иначе определяя все в движении и характере действия. Играя

при этом героя, который менее всего желает определять, повелевать и править. Я позволю себе одну театральную аналогию. Статья Г. Бояджиева, посвященная тому, как Михаил Чехов играл главного героя спектакля «Эрик XIV» А. Стриндберга (первая студия МХАТа, постановка Е. Вахтангова), называлась «Человек, обреченный быть королем». «Обреченный быть…» Мне кажется, что Александр Мезенцев в царевиче Алексее играет ту же обреченность на дела и действия, которым противится естество, душа, понимающая, что суть деяний этих — лишь умножение зла, расширение границ антихристова царства.

…Бессильные попытки избежать рока, ударов судьбы и отцовской ярости. Стремление укрыться, исчезнуть, спрятаться, раствориться, сойти на нет, зарыться, как в кокон, в пурпурное полотнище, проброшенное через сцену… Фигура, скованная узким «немецким» мундиром, бледное лицо, прерывающийся голос…

И когда на мгновение этому Алексею почудится, что удалось обмануть судьбу, что счастлив его побег и в чужой стране, за тысячи верст от проклятого Петербурга, воля отца не властна над ним, о, какой праздник обретенной свободы сыграет Мезенцев! Воздушная мягкость и внутренний свет, широкие рукава белой рубашки, легкими птицами взметнувшиеся к небу, полетные интонации голоса…

Так же воздушно (но это — разряженный воздух трагедии) сыграет он предсмертный монолог Алексея, когда мерцающий свет на сцене — лишь отражение внутреннего свечения души, отлетающей от изумленного тела. Это — легкость прощения и прощания, это сильнейшая сцена спектакля, его эмоциональная кульминация, сопровождаемая сначала изумленной тишиной зала, а затем — спонтанной овацией в финале монолога.

Важно отметить, что Мезенцев не играет в своем Алексее безволия, бесхребетности, покорности и страха. Созданный им образ притягателен именно тем, что этот Алексей, предчувствуя весь ужас своей судьбы и страшась ее, не теряет душу мятущуюся и трепетную, силу характера, нравственный стержень. Примечательны его диалоги с Петром I, в каждом из которых незримо прочерчивается та грань, которую Алексей не преступит, сколь ужасной ни была бы кара. И, сталкиваясь с этой силой, с этим взглядом исподлобья и интонациями ярости, начинающими звенеть в голосе Алексея, перед ним теряется сам Петр. Он может убить такого сына, но не переломить его.

«Вы можете расстроить меня, но играть на мне нельзя…» Строчка из «Гамлета» вспомнилась не случайно: царевич Алексей — роль, как никакая другая, пронизанная именно

гамлетовскими мотивами. Человек, обреченный соединять порвавшуюся связь времен и предчувствующий, что кровавый молох поглотит его. Человек, «обреченный быть» и лишенный естественной свободы дела и духа, обреченный задавать себе вечный гамлетовский вопрос: «Жить мертвым или быть живым?».

…Сезон 1994/95 для Александра Мезенцева был необычайно богат событиями. В начале сезона, в Москве, в Доме актера на Арбате знаменитый германский режиссер, руководитель театра Ан дер Рур из Мюльхайма Роберто Чулли вручил Александру Мезенцеву премию имени Горданы Косанович — одну из престижнейших театральных наград Европы. Актер из России получил ее впервые. Без сомнений, это отголосок успешных гастролей Челябинской драмы в трех городах Германии со спектаклями «Самоубийца» и «Антихрист». Можно говорить, что Александр Мезенцев теперь — европейское театральное имя (чему есть иные подтверждения, помимо премии: Мезенцев участвует в интернациональном театральном проекте в Германии, летает на кинопробы в Париж…)

А в конце прошлого сезона пришел президентский указ о присвоении Александру Мезенцеву звания народного артиста России.

Но (и это, может быть, важнее) помимо внешних признаний былых заслуг в сезоне 1994/95 были и две новые большие роли: Нерон в спектакле по пьесе «Театр времен Нерона и Сенеки» Э. Радзинского (постановка Валерия Вольховского) и Цыпленок в драме «Царствие земное» Т. Уильямса (постановка Наума Орлова). Роли, без сомнений, связанные с попыткой перемены актерской темы и переменой участи: переиграв череду слабых, жертв обстоятельств и характера, Мезенцев попробовал сыграть хозяев положения, диктующих обстоятельствам свою волю («Надо бороться за то, что люди называют счастьем», — говорит его Цыпленок).

Актерская смелость в поиске нового не могла не восхищать. Не могло не восхищать виртуозное мастерство в роли Нерона, требующей мгновенного перехода из состояния в состояние. Все это было сыграно: Нерон Александра Мезенцева — порочный паяц и философ, игрок и убийца, чудовищный и жалкий одновременно. Но более всего — большой ребенок, преступно долго заигравшийся в игры, губительные для всех и, прежде всего, — для него самого.

Герой Уильямса с его комплексом полукровки и жизненной цепкостью зверя Мезенцевым наделен еще и слабостью: слабостью саморефлексии, вечных сомнений, неуверенности в праве быть хозяином жизни. Тень Гамлета возникла там, где ее, казалось бы,

совсем нельзя было встретить.

Так стоит ли бежать от предначертанного? От роли, на которую давно есть право, которая может стать и итогом многолетних исканий, и открытием новых тем, которые возникают, когда исчерпаны старые. Гамлет Александра Мезенцева — быть или не быть?

Владимир Спешков
Уральская Кармен в Сан-Франциско

В репертуаре их театра два спектакля: «Кармен» и «Балаганчик». «Две настольных истории страсти», как написано на мелованных страницах солидного и изящного буклета, представляющего всех участников американского национального фестиваля кукольников («Puppetry-93») в Сан-Франциско. Национальный фестиваль собрал абсолютно интернациональную компанию, страницы буклета знакомят с театрами из Голландии (знаменитый Бурвинкиль!), Боснии, Перу, Испании, Швейцарии, Франции, Бельгии, Германии, Польши и, конечно, США. Россию (это решение организаторов фестиваля) представлял единственный коллектив: магический театр «Белый козел» из Челябинска. Театр Виктора Плотникова и Натальи Цветковой.

…Вольно или невольно, но мы привыкли, что театр — это стены. Каменная коробка, приложением к которой служат актеры, режиссеры, художники и их спектакли. «Настольные истории», которые последние год-полтора театр Виктора Плотникова разыгрывает на самых неожиданных площадках: в собственном доме, в уютном подвале «Каменного пояса», в совершенно неуютных, но колоритных стенах бывшей прядильно-ткацкой фабрики, в царскосельском дворце или «Коричневой коробке» (так назывался зал, в котором шли спектакли Плотникова на фестивале в Сан-Франциско), — напоминают подзабытую истину: театр — не учреждение, но чудо, и способен возникать в самых неожиданных условиях, если есть художник.

Театральный художник — первая профессия Виктора Плотникова (что удостоверяет диплом ЛГИТМиКа). Режиссура и актерство, гитара и романсы были после, а все вместе впервые понадобилось в «Балаганчике»: здесь Плотников воистину работает как человек-театр, водит на нитях Пьеро и Арлекина, поет, рисует… В туманном, ускользающем мире этого спектакля он, несомненно, главный.

«Кармен» — бенефис Наташи. Наталья Цветкова, высокопрофессиональный переводчик и деловая женщина, что называется, бизнес-леди, жена Виктора, хозяйка их гостеприимного дома по улице Кирова, мама двух дочерей: четырнадцатилетней Ксении (она была участницей американской поездки) и годовалой Капитолины.

«И как это Плотников втянул меня в такую авантюру: податься в актрисы?» — вздыхает порой Наташа с притворным

недоумением и очаровательным кокетством, не уставая напоминать зрителям, говорящим комплименты после спектакля, что в их театре все определяет Виктор. На что один из благодарных зрителей (а был это знаменитый Вячеслав Полунин) мягко заметил ей: «Вы не правы. В искусстве все определяет женщина, а в вашем театре — вы».

Оставлю каждого при своем мнении, к чему здесь спор? Лучше сначала коротко расскажу о международном фестивале «Кукарт-93» в Царском Селе. Это было за месяц до Сан-Франциско. В Царском Селе я был вместе с Виктором и Наташей, и сейчас, на исходе лета, те июньские десять фестивальных дней «Кукарта» вспоминаются как нечто почти сказочное. Сказочно красиво было само Царское Село: дубы в Федоровском городке, пруды и аллеи Екатерининского и Александровского парков, паркет и позолота дворцов, белизна скульптур и лицейских стен, запах мокрой листвы и кофе на террасе Запасного дворца, в котором разворачивались основные события фестиваля.

Виктор Плотников в Царском Селе в свое время жил и работал. Он был художником спектакля «Волшебная флейта», которой режиссер Михаил Хусид поставил в российско-французской интерстудии кукольного и синтетического искусства. Запасной дворец — дом этой интерстудии, а Михаил Хусид — организатор и хозяин «Кукарта», ставшего в этом году прежде всего фестивалем места («Наверное, Царское Село сейчас — красивейшее место России», — говорит Плотников).

У царскосельских спектаклей Виктора и Наташи была удивительная среда обитания. В одной из комнат Запасного дворца художники петербургских театров кукол готовили свою выставку. Эскизы, макеты и сотни марионеток на длинных нитях насыщали пространство энергией вечного театра и атмосферой непрекращающегося художественного процесса, поиска: идеальной атмосферой, особенно для «Балаганчика», все события которого, по замыслу Плотникова, происходят в мастерской художника. Здесь и были сыграны спектакли челябинцев (чему, надо заметить, очень способствовал автор выставки, замечательный художник-кукольник из Санкт-Петербурга, Андрей Севбо).

Был успех, давший уверенность. Были серьезные и долгие разговоры с профессионалами: художниками, режиссерами, актерами разных стран (вся фестивальная публика была профессиональной). Спектакли Плотникова заставляли людей думать и говорить о своем, очень личностном, что важнее поверхностных и холодных оценок. Была хорошая пресса. И предложение совместной работы от Вячеслава Полунина было

принято; вот почему Плотников сейчас все время либо еще не прилетел из Санкт-Петербурга, либо уже улетел. Вместе с Вячеславом Крамером (автором нашумевшего спектакля «Фарсы») они работают над моноспектаклем Полунина.

Ровно через месяц после царскосельских спектаклей они играли «Кармен» и «Балаганчик» в Сан-Франциско. Перед этим, правда, было четыре изнурительных визита в американское посольство, бюрократам которого все время не хватало каких-то бумажек, чтобы поставить заветные визы. Виктор и Наташа уже готовы были махнуть рукой на поездку, но это не позволил сделать директор фестиваля Майк Основич, видевший видеозаписи челябинских спектаклей и справедливо решивший, что именно им суждено стать открытием его фестиваля. Мистер Основич подключил «тяжелую артиллерию», и в одну прекрасную, но бессонную июльскую ночь в квартире по улице Кирова не умолкал телефон. Все звонки были из США, звонили из госдепартамента, от сенатора Брауна, других важных организаций и лиц. «Мы ждем вас на фестивале, вы нужны нам!» Визы были поставлены, билеты на прямой самолет до Сан-Франциско куплены (спонсором поездки стал челябинский муниципальный театр «Ключъ»).

О небоскребах и хайвеях, экзотических ресторанах и гостиничных номерах с бассейнами, Золотых воротах — знаменитом мосте Сан-Франциско — и горах Колорадо, наверное, много распространяться не стоит, все-таки они не первыми открывали Америку. Сначала на фестивале в Сан-Франциско, затем в столице штата Колорадо — Денвере, а после — на знаменитом высокогорном курорте этого штата Аспене.

Был успех и искренний интерес. Возникли чисто дружеские контакты. С тем же Майком Основичем, в доме которого Виктор, Наташа и Ксения прожили три дня перед отлетом (а вся фестивальная жизнь проходила в кампусе госуниверситета Сан-Франциско, в стенах его театрального факультета и центра искусств). С художником-кукольником из Японии, мастером традиционного стиля «бунраку» Тоху Сайто («второй мастер», как говорят любящие точность японцы, первым считается учитель Сайто). Тоху был их зрителем, а Виктор и Наташа — неизменными участниками его мастер-класса, работающего на фестивале (Ксения предпочла мастерскую, где изучали искусство грима). С американкой Мери Шарп, чей спектакль Виктор назвал самым интересным в фестивальной программе.

В Денвере пришлось сделать новый, более «пуританский» вариант «Кармен» (как оказалось, слишком откровенные, пусть и кукольные, приметы «истории страсти» могли шокировать

нынешнюю Америку, тяготеющую к чопорности и добропорядочности). Как результат — новое дыхание старой истории, раскованность и импровизационность. Зрители Денвера и Аспена были непосредственны, как дети, а после спектакля непременно хотели потрогать руками кукол Виктора и Наташи. Их колорадские гастроли стали возможны благодаря Аллену Терману (президенту фирмы «Денвер-Москва»), в гостеприимном доме которого они жили и на чьей машине добирались до Аспена среди сказочно красивых гор.

…На днях, уже из Челябинска, Виктор и Наташа позвонили в Сан-Франциско, чтобы поздравить неутомимого Майка Озновича с красивой датой 77-летием. А он сказал им, что черный бык из «Кармен» (их подарок) стоит среди самых памятных сувениров, напоминая о «Настольной истории страсти» магического и домашнего театра из далекого Челябинска.

Дина Беритейн
Зеленый наряд города

В теплые летние дни я люблю приходить в этот сквер в центре Челябинска. Здесь всегда многолюдно. Прекрасен зеленый наряд сквера, яркие цветники среди изумрудной травы газонов. Радостно звенят около фонтана голоса ребятишек. Смотришь на это рукотворное великолепие — и память, словно книгу, листает страницы прошлого, дела и годы собственной жизни.

Вспоминаю, как это было.

Год 1978-й, лето. Старого сквера уже нет, на пустынной территории никакой зелени, только в верхней части — чудом сохранившиеся три деревца. Недовольные голоса прохожих: «Загубили красоту». Архитектор Ольга Щенникова, встретив меня на проспекте, спрашивает:

— Дина Львовна, что вы теперь собираетесь делать? Отвечаю:

— У меня такое чувство, как будто я полководец, которому нужно покорить пространство.

В день рождения города, 13 сентября 1979 года, в сквере на площади Революции взметнулась ввысь мощная тридцатиметровая струя фонтана, окруженная снопом искрящихся разноцветных струй. Торжественный нарядный сквер с открытой перспективой на здание нового драматического театра пришел на смену привычному для челябинцев «романтическому» скверу прошлых лет. Площадь приобрела новое дыхание, а центр города получил парадный и торжественный градостроительный ансамбль.

Передо мной — большая старая фотография: скверу один год. Какими маленькими были деревья! Всех волновал вопрос: что будет через пять-десять лет? Прошли годы, и сквер вырос и оформился. А ведь все начиналось с нуля, за всем этим — огромная работа многих людей, их настойчивость, энтузиазм, любовь к своему делу.

Голубые ели были привезены из Нальчика и Подмосковья. Чтобы получить разрешение на приобретение елей в Нальчике, мне пришлось побывать на приеме у председателя Совета Министров Кабардино-Балкарии. Помог телефонным звонком председатель челябинского горисполкома Лукашевич. Я хочу отдать дань памяти и уважения Леониду Николаевичу, который стоял у истоков рождения новой концепции площади Революции и реконструкции ее сквера.

У Лукашевича было прекрасное качество — доверять людям

творческих профессий. Его доверие и заинтересованность в успехе дела помогли мне справиться с этой очень ответственной градостроительной задачей.

Известный кинорежиссер Сергей Герасимов, побывавший в Челябинске в середине 80-х годов, сказал: «Это самая красивая площадь от Уральского хребта до Тихого океана».

Мне посчастливилось работать с прекрасными дендрологами, много сделавшими для озеленения нашего города. Одна из них — Римма Константиновна Соколова, закончившая лесотехническую академию в Москве. В летний день 1956 года, работая в цветнике, среди моря цветов, она привлекла внимание проходившего мимо высокого мужчины. Это был наш земляк, известный танкист-доброволец, отважный разведчик А. А. Соколов. Они познакомились, Римма приехала в Челябинск. Так красота и мужество нашли друг друга.

Начало новой «эры» работ по озеленению центра города относится к 1950 году, когда, одновременно с завершением реконструкции здания оперного театра, перед ним был разбит партерный сквер по проекту архитектора И. В. Чернядьева. Так возник первый зеленый ансамбль в центре города. Организуя большое пространство, он и сейчас остается настоящей жемчужиной этой части Челябинска.

Огромное благо для города — то, что его центр находится буквально в двух шагах от лесопарковой зоны, а проспект Ленина буквально упирается в стену вековых сосен. Еще в 1947 году при проектировании проспекта авторы проекта И. Е. Чернядьев, в то время главный архитектор города, и А. Б. Ривкин, руководитель архитектурной мастерской института «Челябинскгражданпроект», заложили в схеме широкую ленту бульвара и разделительную зеленую полосу от Свердловского проспекта до предпарковой площади.

И. Е. Чернядьев, проработавший в Челябинске с 1947 по 1962 год, был незаурядным человеком. Перед его железной волей в проведении градостроительной политики не могли устоять даже руководители области и города. Когда страсти накалялись, он мог стукнуть кулаком по столу и сказать: «Я в этом разбираюсь лучше, значит, быть посему!» Л. А. Ильичев, много лет возглавлявший челябинский горисполком, говорил: «Чернядьев попортил нам много крови, и все-таки это был самый лучший городской архитектор».

Мне часто приходилось встречаться с Чернядьевым по работе. Чем-то он напоминал героев Твардовского. Всю войну был на фронте. В мирной жизни вернулся к своей специальности. Вспоминается прищур его серых глаз, русые волосы, плотная

фигура. От него веяло внутренней силой.

В те годы — конец 40-х и начало 50-х — И. Е. Чернядьев и А. Б. Ривкин сделали много основополагающих проектов, заложив фундамент будущего Челябинска. Ривкин приехал в Челябинск, имея большой опыт градостроительных работ. На протяжении сорока лет он был членом градостроительных советов города и области. Им выполнен целый ряд ответственных проектов, воплощенных в жизнь, в том числе центральный квартал в пределах проспекта Ленина, улиц Тимирязева, Цвиллинга, Пушкина, набережной реки Миасс, комплекс домов по проспекту Ленина (с магазином «Мужские костюмы»), дом по улице Цвиллинга, 35, теплотехнический институт и т. д. Кандидат архитектуры, доцент кафедры градостроительства Челябинского технического университета, он воспитал не одно поколение специалистов. «Архитектор, градостроитель, ученый», — начертано на мемориальной доске на доме № 95 по улице Цвиллинга.

В моей жизни особое место занимает бульвар на проспекте Ленина. Его строительство началось в 1975 году. Планировочная схема ожила — это было настоящее преображение. Я назвала бульвар «Увертюрой к лесу», так как сюда были выведены жители леса — голубая ель, лиственница, сосна, скомпонованные крупными группами на фоне зеленых лужаек. Кроме названных пород деревьев, тут встречаются клен, груши, яблони. Большое разнообразие кустарников и цветников сделали бульвар нарядным и живописным, а ряд лип, строго обрамляющих главную аллею бульвара, создает над ней теневой шатер. Бульвар по праву можно назвать дендровыставкой.

1970—80-е годы — период прорыва ландшафтной архитектуры в городскую среду. Строится «Сад камней» у Дворца спорта, бульвар Славы по улице Коммуны, реконструируется городской сад имени Пушкина. Когда в 1947 году наш московский «архитектурный десант» высадился в Челябинске, мы мечтали проектировать и строить. Многое нам удалось. Это была еще пора индивидуального проектирования. Так, в центре города выросли здания и по моим проектам — дом с залом бракосочетания по улице Тимирязева, дом с магазином «Алмаз» на проспекте Ленина. Увлечение ландшафтной архитектурой пришло ко мне после многочисленных поездок по различным странам. Рукотворная зелень в городе придает ему особое очарование.

В Челябинске и раньше было много привлекательных зеленых уголков. В 50—70-е годы парк имени Гагарина был излюбленным местом гуляния челябинцев. Директор парка Т. Д. Стефанова

лелеяла его красоту и порядок. Ухоженная рукотворная природа вливалась в лесной массив с белками и птицами. Прекрасен был «сиреневый сквер» у главпочтамта по улице Кирова и «дремучий сквер» по улице Коммуны у здания облисполкома. Но все это ушло в небытие под влиянием новых веяний.

В 70—80-е годы был создан интересный зеленый объект «Лесное кладбище», где скорбящие фигуры плачущих женщин встали на фоне белых берез. Преобразился к лучшему и парк «Алое поле».

Мечтается, чтобы счастливая судьба центральных районов города, района ЧТЗ, Металлургического района с ансамблем Дворца культуры, бульваром Хмельницкого и детским «Парком сказок» послужили добрым примером для пока еще очень бедных по своему озеленению жилых районов Челябинска — Северо-Западного, Северо-Восточного и Ленинского. Красота зеленых парков, скверов, бульваров нужна городу, нужна людям. С этой благородной задачей нужно справиться, невзирая на трудности нашей жизни.

Надежда Дида
На крыльях «Синей птицы»

В новогоднюю ночь — телефонный звонок:

— Надежда Артемьевна, я в Челябинске. Хочу вас видеть.

Голос знакомый, и в то же время другой, повзрослевший.

— Кто это говорит?

— Вы меня не узнали? Это Игорь Ретнёв.

Боже мой, Игорь Ретнёв! Сегодня — уже студент Московской консерватории. А всего пять лет назад… Впервые я увидела Игоря на концерте юных музыкантов в училище имени Чайковского. Он был в числе первых одаренных мальчиков и девочек, которые потом составили челябинскую группу международной программы «Новые имена».

Я вспоминаю и остальных — такими, какими они были в те, теперь уже далекие дни. Лера Авербах, небольшая хрупкая девочка с копной темно-русых волос и мягким ласковым взглядом. Денис Гольдфельд, для которого музыка уже тогда была всем. Костя Рубинский, которого я знала с его первого, в семилетнем возрасте, выступления на ФЛЮСе. Костя Ищенко — из семьи замечательного «дуэта» педагогов по классу баяна Натальи и Николая Ищенко. Юная художница Катя Алабина, тоненькая девочка с широко раскрытыми глазами, с тонким акварельным видением окружающего мира…

Так начиналась у нас в Челябинске программа «Новые имена». А официально она рождалась в Москве, в Российском Фонде культуры, по инициативе Иветты Вороновой, с благословения и при постоянной поддержке удивительного человека, которого по праву называют совестью России — академика Лихачева.

В основу программы «Новые имена» был положен замечательный принцип: «Востребовать талант сегодня!» С самого начала она понималась ее основателями как неустанный поиск юных талантов, постоянная помощь одаренным детям — музыкантам и художникам, скульпторам и поэтам, которым завтра предстоит выполнить благородную миссию — опираясь на замечательные традиции русской культуры, вписать в нее новые страницы.

Широко известна фотография, относящаяся к первым годам «новых имен»: Дмитрий Сергеевич Лихачев с группой юных музыкантов. Трое среди них — челябинцы.

В России сегодня есть несколько городов, где программа

«Новые имена» развивается особенно успешно: Новосибирск, Тольятти, Тюмень, Владивосток. Среди них — и наш Челябинск. Размышляя о причинах этого, о «корнях», приходишь к выводу, что здесь сыграли свою роль три важнейших обстоятельства, три «кита»: талантливые дети, талантливые педагоги и творческая, культурная атмосфера самого города.

Истинный талант — редкость, и как важно не проглядеть его, вовремя поддержать, дать возможность проявиться. Именно такой была вся обстановка в Челябинском Фонде культуры, где я в те годы работала заместителем председателя. Именно сюда приходили талантливые юные музыканты, поэты, художники. Здесь их брали «под крыло», помогали, устраивали концерты, выставки, поддерживали постоянный контакт с их родителями. Мне кажется, даже сам воздух в Фонде был насыщен каким-то очень добрым творческим «электричеством», радостью встреч, узнаваний, открытий.

Наша уральская земля богата самоцветами. Но камню нужна огранка, нужен зоркий глаз художника и талантливая рука мастера. Поиск «новых имен» не раз убеждал нас в том, что одаренность детей лучше всего проявляется там, где есть талантливые педагоги-энтузиасты.

Челябинску повезло — имеется целая плеяда прекрасных педагогов, способных помочь молодому музыканту, художнику раскрыть все грани своего таланта. Среди них — преподаватель Челябинского музыкального колледжа Юрий Волгин, воспитавший целое созвездие прекрасных скрипачей — Алешу Чашникова, Федора Кабельского, Алешу Зюмбилова. Этим челябинским ребятам аплодировали слушатели на многих престижных конкурсах в лучших залах страны и мира. А один из учеников Волгина, скрипач Денис Гольдфельд, сегодня продолжает свое музыкальное образование в Германии. Другая яркая «звездочка» на Челябинском небосклоне, Лера Авербах, чье становление как музыканта и композитора проходило под руководством педагога Анатолия Кривошея, в настоящее время успешно учится в Соединенных Штатах Америки.

Хорошо известно в Челябинске и имя педагога Евгения Можиевского, много лет отдавшего развитию духовой музыки. Продолжателями его дела можно назвать талантливых учеников Алексея Калинина, Алексея Антонова и многих других.

Музыкальный колледж имени Чайковского гордится именами своих питомцев Дании Шарафутдиновой и Елены Кривошей (педагог Анатолий Кривошей), Игоря Ретнёва (педагог Адик Абдурахманов), Константина Ищенко и Сергея Погурцева (педагоги Николай и Наталья Ищенко), Руслана Файрушина

(педагог Владимир Оснач), Маши Козловой (педагог Лариса Гольдман). Благодаря телевизионному конкурсу «Золотой цыпленок» страна познакомилась с Ирочкой Капорулиной, чей педагог Лилия Чепурная обучает свою талантливую ученицу народному пению. Маститыми челябинскими художниками признаны их юные коллеги Катя Алабина и Маруся Макашина.

Очень ярко, причем в самых различных жанрах проявил себя за эти годы молодой поэт, музыкант, композитор Костя Рубинский. В шестнадцать лет, благодаря содействию Челябинского Фонда культуры, вышел первый сборник его стихотворений «Фантазия души с оркестром», получивший высокую оценку Анастасии Ивановны Цветаевой и Дмитрия Сергеевича Лихачева. Год назад Костя стал лауреатом программы «Новые имена» — сегодня самой высокой награды России для молодых деятелей литературы и искусства.

Настоящим триумфом юных талантов стал в свое время городской вечер-концерт «Синяя птица» (семь премьер под одной крышей), в программе которого были представлены детский симфонический оркестр и ансамбль танца, поэт, музыкант, композитор, певица и художник. На этом творческом празднике город как бы сумел заглянуть в завтрашний день своей культуры.

Отдавая должное большой поддержке и вниманию, которые оказывают талантливой творческой молодежи администрация нашего города и области, хочу отметить особую роль в этом деле такой общественной организации, как Фонд культуры. Конечно, нужны конкурсы и соревнования, но не менее важна для молодых атмосфера содружества, единой семьи. Эту идею лучше всего воплощают традиционные концерты «новых имен», передачи на «голубом экране», которые уже не один год организует талантливый тележурналист Василий Павлов.

Два последних больших отчетных концерта воспитанников программы «Новые имена» были как бы отчетом родному городу. Первый — в зале оперного театра, второй — в зале органной музыки, с восторженной встречей участников со зрителями, которым не хватило мест в зале. Где бы они сегодня ни учились, в каких бы престижных конкурсах ни добивались побед и наград, они всегда хранят любовь и благодарность к своему родному городу, связаны с ним своей творческой биографией и судьбой.

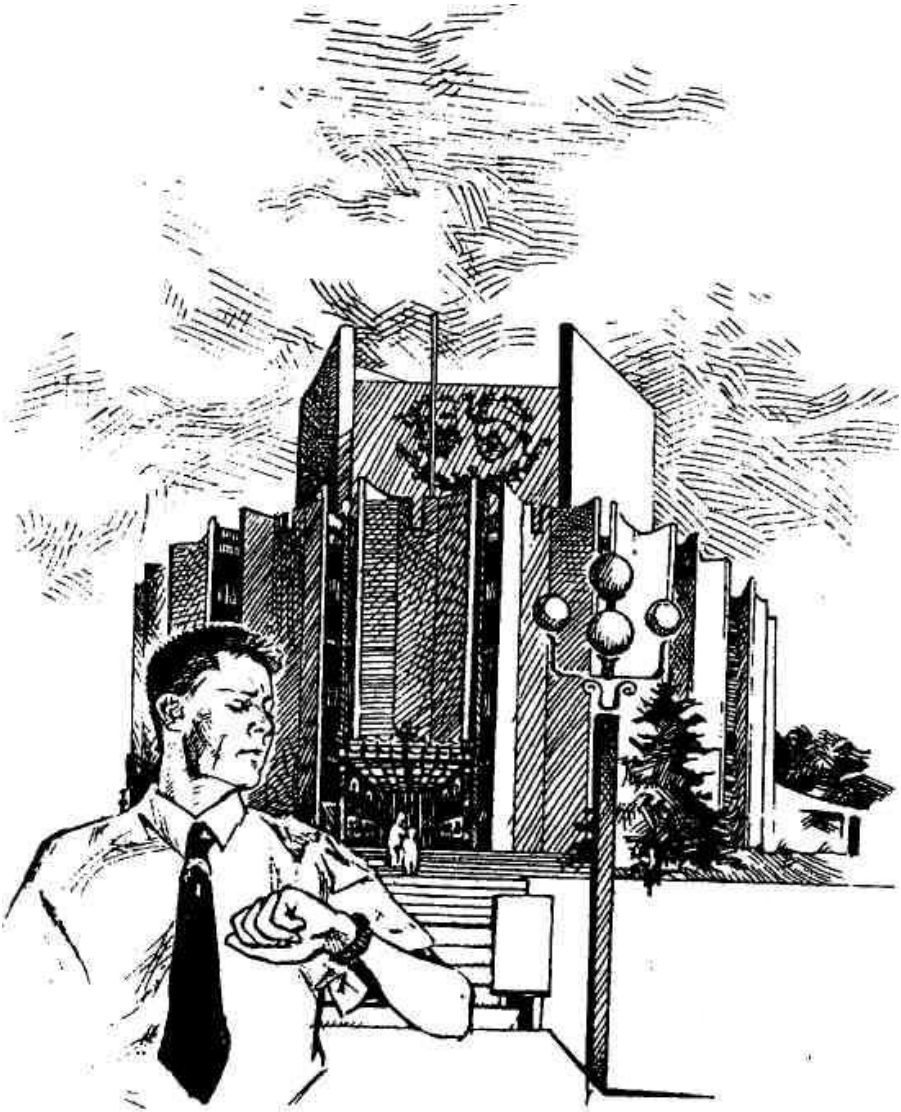
А «Синяя птица» словно продолжает свой полет в нашем городе. Побывайте сегодня на районных смотрах детской художественной самодеятельности — сколько появилось новых «звездочек», новых одаренных мальчиков и девочек, имена которых станут известны завтра.

Мне вспоминаются прекрасные слова из пьесы Метерлинка, с

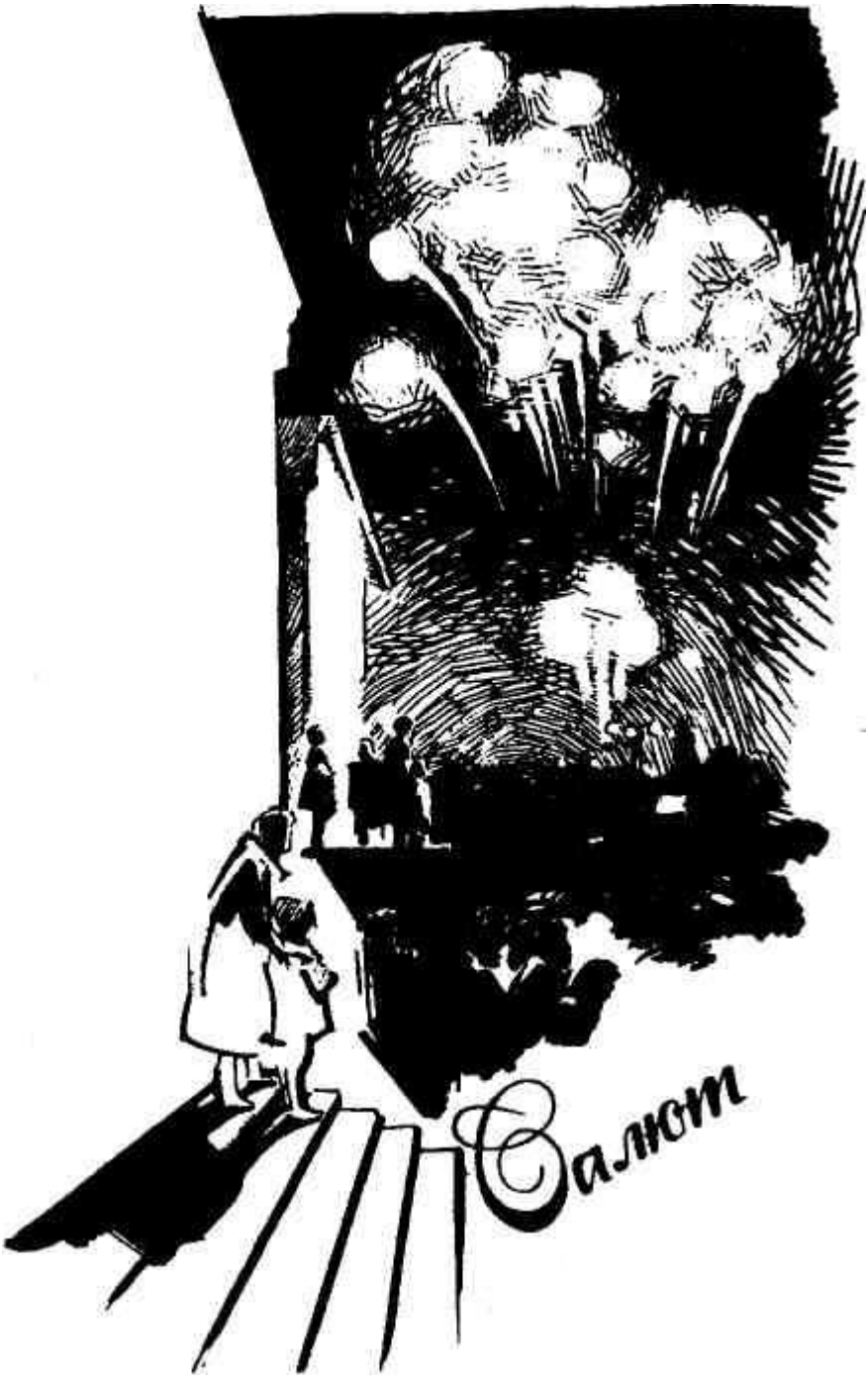
которыми я, ведущая того теперь уже давнего концерта «Синяя птица», обратилась к залу: «Мы вас очень просим: если кто-нибудь из вас ее найдет, то пусть принесет нам — она нужна нам для того, чтобы стать счастливыми в будущем!»

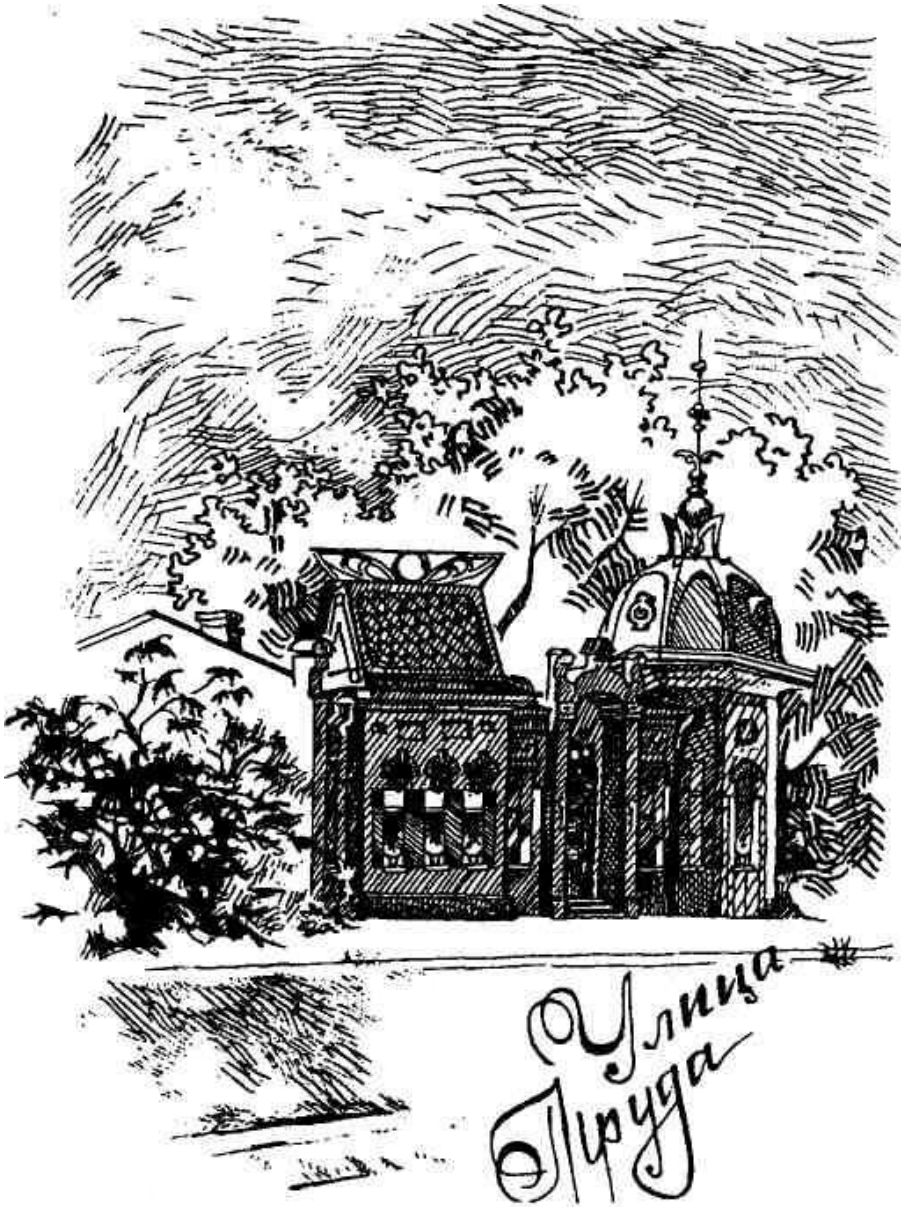
Маруся Макашина
Городские зарисовки студентки ЧГПУ

У Оперного



КИНО
«РОДИНА»


Салют


Улица
Труда

Константин Рубинский
Чужая собака

Рассказ

То лето на даче было особенно холодным.

К нам повадился один мальчик с нижней улицы. Он жил у бабушки Степаниды в старом домике у озера, как раз напротив мостков. У него было длинное лицо, сероватая кожа, рот с обидчиво поджатыми губами. Ходил он всегда в одной и той же футболке линялого серого оттенка; я еще думал, что их у него несколько таких, одинаковых: должен же человек майки менять, после бани, например? Хотя был он старше меня года на три, ростом мы были одинаковые. А отличали его от всей окрестной ребятни смирный нрав и услужливость.

Забежит, рысьим таким манером, вперед, калитку отворит и ждет, когда все пройдут. После тихонько, плавно прикроет и засов добросовестно завязит — все, как следует. Осмотрительный такой, рачитель.

Одна черта в нем только удивляла: любил пугать. То за сосну в сумерках спрячется, затаится, выскочит вдруг с криком. То историю какую-нибудь смертоубийственную заладит. А то еще, напросившись с нами на Золотые Пески, взбудоражит взрослых: поднырнет и спрячется за ялик — их там всегда с десяток моталось на приколе — вроде утонул…

Да, забыл еще о глазах его сказать — серые они у него были. Но не такие, как у тебя — твои мягкие, прозрачные. Его глаза не отражали ни лодок, ни облаков, хотя и остро глядели: кромешно, безвыходно серые глаза.

Пацан в сером цвете. Так я его называл.

Скучно с ним было. Но я подолгу торчал возле него из-за маленькой, жалкой, чудесной собаки, которой он повелевал.

У собаки были нежные желтенькие брови и короткие ножки. В городе почти что таких называют т а к с а. Она была черная, как жук, и всегда улыбалась. Только почему-то очень боялась теннисных ракеток и веника. Мама как-то сказала, задумавшись: «Бьют его часто, Черныша…»

Черныш прибегал к нам обычно рано, по росе, скулил, царапался под дверью и за окном. Окошки наши — мы снимали комнату у хозяев — были маленькие, чуть не от земли: трава росла — крапива и левкой — прямо в комнату. Солнце еще не

выйдет из-за соседского забора, туман плавает клочками в ямках от лука, а Черныш уже молит мокрыми чистыми глазками: «Выйди, милый!» — и стекло лапами скребет.

— Выйди, Белый! Вый-ди, Бе-лый!

Я — в сандалии, в окно и за ворота.

А пацан в сером цвете уже тут как тут.

— Опять Черныша приманиваешь?

— Нет, он сам, он только сегодня…

— Знаю все. Испортишь мне собаку. А ну, пошли, тварь, на цепь посажу!

Я еще не говорил, что тихим был Серый только на людях. С такими, как я, — «молодой еще!» — приговаривал он, руки в боки — чего ради ему было церемониться? Да и кто был я? Стриженный «на лыску» второклашка, обладатель гастрита и нескольких детских тайн…

Но Черныш полюбил меня, и опять, и снова убегал к нашему дому. Тогда мы, чтобы избавить его от жестокости Серого, стали баррикадировать калитку и двери. Но он все равно находил лазейку в заборе. Мы выискивали, ползая в крапиве и малине, его лаз и заколачивали дощечками. А наутро Черныш был, как и вчера, под нашим окном.

Только почему-то избегал он нашего угощения. Иногда, правда, словно из чистой вежливости, брал что-нибудь из рук — и тотчас подставлял под ладонь свои теплые мягкие уши. А завидев кастрюли да миски, бросал насиженное местечко на крыльце или в подорожнике и, как-то застенчиво пятясь, старался улизнуть. Я-то знал, что там ему достаются только закусанные сохлые корки, размоченные в квасе. Да и то сказать: Борька, поросенок, курочки-рябы в несметном количестве, целый взвод гусей, две кошки с пестрыми котятами всех возрастов, да еще один пес-любимчик Митрофан. Разве крокодила только не хватало. Вот я и подбирался к нашему скромному гостю с угощеньями. Да зря. Не брал даже рафинада. Деликатно так помахивает хвостом, будто молвит: «Ну, что ты, зачем это? Знаешь ведь, из одной дружбы хожу, будет уж тебе…»

Ох, а какой, бывало, грозный лай — у него был мощный бас при самом кротком телосложении — будил нас среди ночи! Это Черныш, разрываясь между двумя улицами, нес сторожевую службу. В его сердце была не только ласка, в нем жили дерзость и отвага. Сопровождая нас, порою против нашей воли, в лесничество, бросался он на встречные машины с яростным лаем. Долго гнался однажды за хвостом грохочущего товарняка, покуда не отогнал его на приличное расстояние. А что касается мышей и крыс, оставлявших визитные карточки на хозяйских столах, то в

нашу комнату они не смели сунуться: даже дух Черныша нагонял на них ужас. Дух Черныша, ходившего в гости через окно.

Вот как он спасал, вот как платил за дружескую руку на своей блестяще-черной, как лаковая японская шкатулка в нашей городской жизни, голове.

И вот какую шутку сыграло с нами то лето. Или жизнь, как пишут в книгах. Серый не виноват. Серый в этой истории был просто нулем.

Мне подарили «Электронику», азартную щенячью игру для жаждущих обрести пущую уверенность в себе. Наигравшись до отвала, я и придумал эту сделку. Заискивая, предложил Серому поменяться: я ему «Электронику», от которой его рот начинал шепелявить, он мне — Черныша. Серый внес уточнение. Он предложил меняться на время: на полчаса, на двадцать минут… Собака лично ему не принадлежала, и я понял его. Так и пошло. Только раздается «Белый!» или свист, я выхватываю из ржавой духовки, где хранил ее вместе с рогаткой, коробочку с чудодейственной игрой и мчусь за калитку. Мне вручается поводок с Чернышом — и наступает счастье…

Почему-то холодно очень было в то лето. Вроде и солнце меж облаков по небу ходило, и дрозды верещали, обклевывая незрелые рябины, и календарь на августе остановился — а холодно все время.

…Сдирая с Черныша ремешок, заваливаюсь вместе с ним в розовую кучу теплых опилок. Внимание, время!

— Ты! — хрипло осаживает нас игрок. — А ну, глянь сюда! Не видишь — стоит? Она у тебя не работает. — Физиономия Серого напоминает сизую тучу, переполненную липким противным снегом. Сейчас моя радость потонет в беспросветно-сером ненастье. — Ты ее сломал. Нарочно! Зажмотился, что я стал играть! Давай сюда собаку! Честность на честность. Все равно бабка сказала, толку от него не будет, раз по дворам ошиваться пошел. У, гад, изурочу!

— Серый! — орал я вслед. — Подожди, послушай меня, Серый!

Это я так думал, что ору; на самом-то деле я стоял на коленях в опилках, сжимая в потных ладонях жесткий кожаный поводок. Понимал: там, внутри у этого игрального светоча сели батарейки. Бежать за ним? Бесполезно. Еще больнее зажмет в локтях Черныша, да и на меня фокусов у него всегда хватит.

Кто-то из наших отнес Степаниде поводок. Все жалели Черныша, запертого а сарае, плачущего. Добренькая «баушка Стеша» давно на него косилась: Серый чернил в ее глазах собаку даже в ту пору, когда на джентльменских условиях стал сдавать

мне Черныша внаем. Это я узнал позже.

Узнал уже после того, как вышел в то утро на крыльцо. Был конец августа, и холод на дворе стоял такой, что от меня пошел пар, а роса на шершавых, почти черных листьях смородины походила скорее на изморозь.

Первый раз за все лето не ударил в мои колени повизгивающий гуттаперчевый снарядик. Я подумал, что Серый крепко привязал его или даже посадил на цепь от бывшего Полкана.

«Я поеду в город, — решил я, — поменяю батарейки; вернусь, отдам Серому игру и заберу Черныша к себе. «Электроника» стоит дорого, Серый сдохнет от радости».

С корзиной картошки меня отправили в город. А следующей электричкой неожиданно приехала мама. У нее были очень бледные губы. Увидев ее, я почувствовал, как во мне копошатся мураши — их десятки, сотни! — и вгрызаются в мои внутренности. «У них ведь челюсти такие же кусачие, как у краба», — ни с того ни с сего пришло мне на ум.

Мама слишком резко обняла меня, не разжимая ладони, в которой что-то болталось. Ремешок!

— Нет больше нашего Черныша, — мамино лицо сморщилось. «Видно, ее тоже загрызают мураши», — глупо отозвалось во мне. Я не заплакал. Сразу стал думать об одном: дал ему кто-нибудь из тех поесть? Должно быть, то был отзвук недавно читанного «Муму»… Потом я постарался перебить себя надеждой — правда, очень шаткой — на то, что выживу: завтра — школа, это счастье. Какое-то время, совсем, впрочем, непродолжительное в сравнении со всей жизнью и даже с одним этим днем, я так и бухтел себе под нос, блуждая в пустой квартире: «Завтра — школа — это — счастье…»

«У него был дома помесной породы песик, каких негры зовут сморчками, — крысолов, сам чуть побольше крысы и храбрый до безумия, до дурости»… — лет через семь прочту я у Фолкнера.

И опять не заплачу по Чернышу, потому что буду уже взрослым.

1987, г. Челябинск

Марат Гайнуллин
Чтобы город узнал

Свердловский проспект, 60. Этот адрес известен, наверное, каждому челябинцу. Здесь находится Дом Печати — фабрика новостей, «вобравшая» в себя редакции почти всех главных челябинских газет.

Еще в студенческие годы я прочел две книги, в которых рассказывалось о жизни редакции и работе журналиста. Одна из них — «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова. Страницы, посвященные редакции газеты «Станок», с ее знаменитой самопадающей ручкой, от которой на спине у Остапа Бендера надолго отпечатались цифры 8 и 6. Вторая — классические очерки Карела Чапека «Как делается газета». Позволю себе привести одно из самых забавных мест в этой искрящейся юмором книге.

> «Газеты… интересны не столько тем, как они делаются, сколько тем, что они вообще существуют и выходят регулярно каждый день. Еще не бывало случая, чтобы газета содержала лишь краткое уведомление читателям, что за истекшие сутки ничего достопримечательного не произошло, и поэтому писать не о чем…»

Я часто вспоминаю эти строки, входя утром в вестибюль Дома Печати с его броуновским движением множества людей — и тех, кто здесь работает — их можно узнать по уверенной походке, и тех, кого привели сюда какие-то обстоятельства, и они робко задают вопросы аборигенам.

О, эти длинные полутемные коридоры Дома Печати, каждый со своей особинкой! О, этот лифт Дома Печати! Собственно, здесь два лифта, но один всегда отключен для экономии электроэнергии. В кабинку второго тесно набиваются (конечно, не сразу) мои друзья-коллеги из «Челябки» и собратья из конкурирующей «Вечерки», клиенты рекламной «Тумбы» (всех ее разделов, от «меняю» и «продаю» до «Он ищет его» и «Красивая жизнь»), фотокорреспонденты всех редакций, у которых свое царство на восьмом этаже нашего «семиэтажника», еще не признанные миром поэты с трубочками стихов и надеждой в глазах, печатники, уверенные, что именно они делают газеты, авторы серьезных статей и возбужденные опровергатели…

Впервые я пришел в Дом Печати двенадцать лет назад с мандатом многотиражника. Но здесь я хочу опять дать слово Карелу Чапеку:

> «Журналистом человек становится обычно после того, как он по молодости и неопытности напишет что-нибудь в газету. К немалому его изумлению, заметку печатают, а когда он приносит вторую, человек в белом халате (у Чапека именно так — в белом халате, хотя я никогда не видел в наших редакциях ничего подобного) говорит ему: «Напишите нам что-нибудь еще». Таким образом, человек становится журналистом в результате совращения».

Примерно так был когда-то совращен и я — на всю жизнь.

* * *

Утро. Начинается новый день. «Последние известия» уже прозвучали по радио, но город еще хранит многие свои тайны. Они скрыты в глубинках старого подземного Челябинска, ждут тебя в пожелтевших архивных папках. О них поведают встречи с интересными людьми.

Город уже проснулся. Уже происходят события, уже намечаются встречи с теми, кто станет героями газетных полос. Но редакционный портфель о них пока не ведает. Город еще решает, как расстаться с одной из своих тайн. Звонит телефон, и на другом конце провода спешат сообщить первую новость. Отдел информации проглатывает ее и уже занят поисками следующей. Посыпались сообщения из ГАИ, уголовного розыска, санэпидстанции, морга — кражи, угоны, трупы, инфекции, прочие «ЧП». Трудно перевариваемая информация. Ее сменяют новости культурной жизни: в институте истории и археологии готовятся к первой экспедиции по «Каменному кольцу», в Фонде культуры — новая выставка, в одном из театров — премьера…

Но главная новость — суперновость, достойная первой полосы — еще впереди. Какой она будет — станет известно лишь к полудню, а пока мои коллеги собирают свежую информацию, «гонят строки». У каждого из них своя «специализация»: Олег Ласточкин отвечает за криминал, Борис Титов — за спорт, Людмила Баталова — за молодежные проблемы. Вскоре «разведка» доносит из секретариата: номер сверстан. Маленькая пауза. Часть материалов пойдет в корзину, часть, быть может, — в следующий номер.

Теперь у журналистов начинается работа «для души».

Каждый журналист работает по-своему. Одного из опытнейших газетчиков «Челябки» Бориса Андреевича Чермышенцева можно угадать в любом жанре — интервью, очерке, как, впрочем, и его замечательного коллегу — Михаила Саввича Фонотова, любой материал которого узнаваем даже без подписи: четкий ритм размеренных, взвешенных мыслей. Все просто, все понятно. Недаром говорят: «Хорошо пишет не тот, кто хорошо пишет, а кто хорошо думает».

Мимо вихрем проносится Лидия Садчикова. Час назад у нее была встреча со столичной знаменитостью, а еще через час материал о звезде эстрады должен лежать уже на столе у редактора. Веселая, общительная, порывистая, она всегда приносит с собой обаяние женственности. Уже завтра читатели узнают Лиду по одному названию рубрики — «Встреча для вас». Так же, как и другую Лиду — Панфилову, спецкора, одного из тех журналистов, которые и определяют «глубинность» газеты.

А какими, интересно, представляют читатели очеркистку Елену Радченко, «школьницу» Светлану Журавлеву, «экономиста» Артура Щербакова? Впрочем, это не так уж, наверное, и важно. Важнее, чтобы в их материалах находили что-то важное и интересное для себя.

Самое захватывающее и волнующее — поиск интересных людей, удивительные находки, которые дарит нашему брату-журналисту жизнь. Помню, как родилась рубрика «Энциклопедия увлечений». Ее первым героем стал заместитель начальника монтажного цеха ЧТЗ, пенсионер Василий Анатольевич Кореньков. Вместе с супругой они собирают… самовары. Домашняя коллекция Кореньковых насчитывает их уже полторы сотни — старых и современных, угольных и электронных, огромных и совсем крохотных, в виде шара, цилиндра, рюмки… Потом в рубрику попал другой челябинец, Петр Петрович Натальченко, бывший летчик, танкист, металлург, человек, всю жизнь собирающий и восстанавливающий старинные часы. У него в доме в буквальном и переносном смысле отражается Время. Прикасаясь к экспонатам его коллекции, можно попасть, например, в XVI век! Я не оговорился: у него есть одни из самых первых часов знаменитой фирмы «Мозер», сделанные в 1543 году!

Ровесник Натальченко, кандидат медицинских наук Петр Петрович Добрынин, — собиратель открыток. Вот уж у кого настоящий музей на дому! Вообразите себе: в Будапеште находится (единственный в мире!) музей открыток, насчитывающий 450 тысяч экспонатов, а в доме у Добрынина их гораздо больше. С помощью своей коллекции Добрынин может

прочесть лекцию или подготовить выставку практически на любую тему. Сегодня Петр Петрович, полвека отдавший медицине и почти столько же — своей коллекции, думает о передаче ее в муниципальную собственность. Если это произойдет, то Челябинск станет единственным в России городом, где будет свой музей открыток.

Другое уникальное собрание — музей кино — создал Василий Николаевич Киселев. В его видеотеке более пяти тысяч фильмов, многие из которых были приобретены на его личные сбережения.

За полтора года существования рубрики «Энциклопедия увлечений» ее героями стали более пятидесяти горожан, каждый из них был по-своему интересен и замечателен. Как говорил Конфуций, человек измеряется не с ног до головы, а с головы до неба. И в поисках этого чуда начинается новое утро.

Я знаю: город щедро поделится своей тайной, и уже завтра горожане узнают о том, что рядом с ними живет хороший человек. Интересный человек. Но это будет завтра…

* * *

В эти дни я снова перечитал очерки Чапека «Как это делается», кое-что выписал для этой статьи. Я с большой охотой перепечатал бы их полностью, чтобы доставить удовольствие читателям. Но, так как это невозможно, ограничусь еще несколькими строками:

> «…Если даже всю редакцию свалит грипп, газета все-таки выйдет, и в ней будут все обычные рубрики, так что читатель ни о чем не догадается и, как всегда, будет ворчать на свою газету. А раз ворчат, значит, все же читают…»

Тамара Боговкова
Несущие свет

В гости к Галине Михайловне Черноусовой зазвала нас Вера Георгиевна Левина, президент клуба «Дождинка». Жила Галина Михайловна в пятиэтажном доме напротив теплотехнического института. Она знала, что мы придем, и заранее готовилась к нашему визиту.

Возраст Галины Михайловны в то время подходил к восьмидесяти годам. Но посмел бы кто-нибудь сказать, что она старушка! Это была невысокого роста стройная женщина, чем-то напоминающая француженку. Оделась она к нашему приходу изысканно, хотя ничего особенного в ее наряде не было: темное аккуратное платье, белые манжетики и воротничок, на голове — парик с великолепной прической. Нас сразу поразили ее прекрасные руки, которые, казалось, могут заниматься только музыкой, и молодые внимательные глаза.

Купленный нами торт не шел ни в какое сравнение с угощением, какое приготовила для нас Галина Михайловна. А потом был долгий-долгий разговор — о литературе, искусстве и еще Бог знает о чем. Казалось, эта удивительная женщина знает все. Писатели, художники, композиторы — о каждом она «выдавала» такие сведения, что мы, всю жизнь проработавшие с книгами, только диву давались. На прощанье Галина Михайловна, зная, что наша библиотека носит имя Николая Васильевича Гоголя, подарила нам собранные ею материалы об этом писателе.

Так началась наша дружба с клубом «Дождинка».

К нам в библиотеку и до этого приходило много интересных людей. Представители разных течений хотели «осесть» у нас, но все как-то не приживались. А «Дождинка» сразу пришлась «ко двору». Мне кажется, в ней что-то есть от тех литературных вечеров, на которых бывал Александр Сергеевич Пушкин.

Этот клуб начинался всего с нескольких человек, которым хотелось общаться. Тогда по радио часто звучала песня «Одна дождинка еще не дождь»… Так и назвали клуб, а его президентом избрали Веру Георгиевну Левину, математика по образованию. С этого все и началось. И вот уже двадцать лет она во главе «Дождинки».

Где только Вера Георгиевна находила таких интересных людей, как Галина Михайловна Черноусова, Наталья Петровна Диденко, Виктор Васильевич Мокеев, Федор Ильич Авдеев,

Леонид Васильевич Козлов, Нина Васильевна Бараш! Многие из членов клуба уже вышли на пенсию, некоторых уже нет с нами, а клуб не только не стареет, но, пожалуй, даже молодеет. Теперь он насчитывает более пятидесяти человек. Это бывшие или еще работающие врачи, педагоги, инженеры. Есть и совсем молодые люди.

Клуб поддерживает связи с другими клубами, такими как «Вечный Огонь», «Природа», «Космос». О нем знают в городе. Нередко в библиотеке раздаются звонки, и незнакомые люди спрашивают: «Как нам побывать на встрече с клубом «Дождинка»? А однажды в библиотеку на имя Веры Георгиевны пришло письмо из Франции. Его автор тоже слышал о работе клуба, хотел бы узнать о нем поподробнее.

«Исцеление через духовность» — девиз библиотеки имени Гоголя, и он очень подошел «дождинкам». Их программа состоит, главным образом, из «круглых» дат писателей, художников, поэтов, ученых. К своим встречам-заседаниям члены клуба готовят рефераты, доклады, обсуждают их, с наиболее интересными выходят в школы № 80, 98, лицей, детский дом, клубы по месту жительства — всюду, куда их позовут. А иногда прямо на свои заседания приглашают школьников, студентов, читателей библиотеки.

«Золотой фонд» читального зала, библиографические разыскания работников библиотеки всегда в распоряжении «Дождинки». Ни одно значительное мероприятие библиотеки не обходится без участия клуба. Читательские конференции, встречи с интересными людьми — всегда вместе.

Когда библиотека отмечала свое 45-летие, на празднике было два хозяина — работники библиотеки и члены клуба «Дождинка» во главе со своим президентом. А «бенефис» Веры Георгиевны был большим праздником и для клуба и для библиотеки. В подарок она получила красочно оформленную газету с рассказом о ее «президентстве», фотографиями, материалами клуба. «Дождинки» преподнесли ей образцы своего рукоделия, цветы.

Эти прекрасные люди не требуют ни денег, ни почестей за то, что несут людям свет. В каждом из них горит огонек, который не могут погасить ни годы, ни трудности жизни. Я знаю, когда они собираются, о чем будут говорить, когда у «дождинок» дни рождения. Не знаю только, когда они болеют, об этом можно только догадываться, когда в клубе наступает временное затишье. Хочется, чтобы они были здоровы и счастливы.

Игорь Табашников
Его величество хоккей

Воспоминания и мифы времен прошедших

Из рукописи

На коньках я научился кататься рано. Когда мне было лет пять-шесть, покойный дядя Федя, муж моей любимой тети Кати, сделал для меня на заводе коньки, прикрутили их мне на валенки и катали за палочку. А потом и сам стал бегать. Снег с улиц не убирался, и мы гоняли по утрамбованным тропинкам, по накатанным дорогам.

Но самым сильным увлечением зимой все-таки был хоккей. 48—49-е годы и последующие прошли под знаком хоккея. Ледяных площадок во дворе тогда не делали, мы играли на дороге возле дома или в садике. Машин тогда было немного, больше проезжал гужевой транспорт. Он был выгоден со всех сторон. Во-первых, лошадь объедет и не задавит, а во-вторых, даст подходящий материал вместо шайбы. Клюшки делали сами — из толстой железной проволоки или из дерева: возьмешь палку, приколотишь к ней пару фанерных дощечек — и клюшка готова. Редкие счастливцы имели настоящие, но обычно поломанные клюшки, которые на матчах хоккеисты выбрасывали за борт. Зорко следившие за этим пацаны бросались на обломки как коршуны, и какой-нибудь из них, помятый, но ужасно довольный, вылезал из свалки с трофеем. Эту, доставшуюся с боем, клюшку лелеяли и холили, обматывая крюк черной пахучей изолентой.

Хоккеисты были нашими героями, кумирами, о них рассказывали легенды. Имена лучших и первых до сих пор живы в памяти: Женишек, Захватов, Витя Шувалов, и более поздние — Каравдин, Ольхов, Соколов. Болельщики давали им клички, подчас и обидные. Скажем, на первого вратаря Ребянского, когда он пропускал легкую шайбу, кричали: «Дырянский!» Моего дядьку, Виктора Ивановича Столярова, который долго играл защитником, прозвали Бригадир, а Витю Соколова, маленького, но скоростного и юркого нападающего, любовно называли Соколенком. Они долгое время были друзьями, Соколов и Столяров — и когда играли, и когда вместе тренировали

«Трактор».

Дядька мой был здоровый, рано поседевший детина, с голубыми «столяровскими» глазами, а Соколенок — низенький, белобрысый крепыш. Пил он крепко, и жив ли сейчас, не знаю. А дядька жив, долго тренировал команду «Трактор», стал заслуженным тренером РСФСР, сейчас директор детской хоккейной школы. В юности с ним случилось несчастье, видно, от этого он рано поседел. Однажды, где-то на вылазке в лесу, балуясь с ружьем, он случайно убил своего друга по команде. Отсидел несколько лет, а потом вернулся — и снова стал играть в хоккей. Помню его с ранних лет, как на катке он вдруг подхватит меня на руки и прокатит кружок-другой. Может, это шло от прилива родственных чувств, а может, от лихости или силу накачивал. Тогда еще у хоккеистов была мода приходить покататься на общедоступный верхний каток. Они там носились и показывали разные номера из фигурного катания — то волчком закрутятся, то «восьмерку» выпишут, а то для смеха начнут изображать впервые ставшего на коньки человека. Мы, конечно, вертелись вокруг, тайно восхищались и подражали.

Хоккейный матч — это целый праздник. Над стадионом — зарево огней, тысячные толпы мужиков стекаются со всех концов города. Мальчишки вьются вокруг: «Дяденька, проведи!» Полно милиции, а в дни особенно крупных соревнований, с немцами или с чехами, выезжает конная милиция, патрулирует вокруг стадиона. Морозный запах табака, шум, гам, суета, скрип снега, толпятся болельщики перед воротами. А там, за ними, на ярком свету, уже раздается первый выкрик и свист — хоккеисты выходят на лед. В окнах окружающих стадион домов, на крышах — тоже болельщики. А на трибунах — яблоку упасть негде: в «москвичках», теплых фуфайках, в валенках, скрипя досками, переминаясь с ноги на ногу, в морозном пару шевелится, гудит, дымит черное море болельщиков.

Даже если не пошел на матч, сидишь дома, все равно ощущаешь, слышишь дыхание и возню этого гигантского живого существа. Вот рокот усиливается, нарастает, доходит почти до апогея и тут же разочарованно спадает: не удалось нашим забить шайбу. И, наконец, взрыв: «А!-а!-а!-а!» Наши забили! Этот победный рев слышен, наверное, за многие километры. А то вдруг установится тишина, прерываемая одиночным свистом. «Шайбу в ворота «Авангарда» забросил…» — объявляет радио. Горе охватывает многотысячную громаду, на минуту всё каменеет в траурном молчании, потом оживает, и так — приливами и отливами — до перерыва.

В перерыве «правительственные» ложи отправятся греться в

одноэтажное здание администрации, где отдыхают хоккеисты. На рубчатых черных дорожках из резины, затоптанных снегом, расхаживают, обмениваются впечатлениями избранные. Некоторые из них даже проникают в раздевалку к хоккеистам. Они сидят там, рассупонясь, в своих доспехах и переживают отгремевший тайм. А весь прочий люд на морозе, бывало, и за тридцать градусов, греется извозчичьим способом: кто прыгает, кто толкается. А чаще группируются в кучки, идет по кругу стаканчик, и только слышен звон катящихся пустых бутылок.

В перерыве рабочие катка чистят лед вручную огромными скребками, выбрасывают снег за борт. Этих рабочих знают все, их подбадривают, понукают, чтобы успели к началу следующего тайма.

После матча, когда трибуны начинают пустеть, свой «урожай» бутылок собирают тетки и пацаны. Тогда еще не было у них ироничного прозвища «санитары».

Были игры эпохальные. Однажды, в первый раз после войны, приехала команда из ГДР. Немцы! Недобитые фашисты! Неспокойно стало на душе у многих, задумывались мужики. Ждали усиленных нарядов милиции, боялись беспорядков. Особенно шумел наш сосед по лестничной площадке, безногий инвалид Гена. Гена был жуткий пропойца, и мы, мальчишки, дразнили его, пьяного, но побаивались. Бывало, он гонялся за нами на своих костылях.

Перед матчем Гена напился и, смущая толпу, кричал, что он покажет этим гадам, отомстит за свое увечье и за слезы наших матерей, хотя говорили, что он вообще не воевал, а ногу ему отрезало трамваем по пьянке. Гену быстро утихомирили, увезли на милицейской коляске. Ну, это эпизод, а народ был действительно взволнован, особенно пацаны: хотелось поглядеть на живых немцев, с которыми они тоже воевали в мечтах и во сне и которых легко, по-мальчишески ненавидели. Матч был, конечно, особый. Собрался весь Челябинск, тысячи не попали на стадион, но не расходились, а стояли у забора и слушали, как идет матч.

Живых немцев мы видели и раньше, но то были пленные, а эти свободные. Трудно было перебороть неутоленное чувство ненависти. И тут, на этом матче, происходил перелом в сознании народа, населявшего наш Челябинск: надо было забыть прошлое и протянуть руку врагу для мирной жизни. Потом они еще, кажется, приезжали, но те встречи уже не были такими острыми, напряженными по восприятию и потому забылись.

Пленные немцы появились у нас после войны. В Челябинске они строили и ремонтировали — например, наш пединститут, где

они оставили о себе зримую память — надписи из белых камешков на бетонном полу. Помню одну — «Гуляш, 1946». В 1984 году летом был ремонт пола, и надписи исчезли навсегда. Долго стоял и отремонтированный ими ресторан «Восток», интерьер там, надо сказать, был выполнен в лучшем мещанском вкусе, не русском, а именно немецком — слащаво и помпезно. В конце 60-х или начале 70-х ресторан сгорел. Потом его восстановили, но, естественно, уже с другими интерьерами.

В нашем доме они тоже что-то ремонтировали. Приходили группой, строем, человек, наверное, двадцать, под командой крикливого и суетливого старшего, и, кажется, даже без охраны. Чужая речь, чужая одежда. Смотрели на них с любопытством, но без боязни и без особой ненависти — пленные все-таки. Однажды мы шли с мамой в музыкальную школу, я нес футляр-гробик со скрипочкой (значит, это был 49-й или 50-й год), и к нам подошел толстенький пленный немец. Он стал на ломаном русском языке и жестами объяснять, что сам он тоже музыкант и что у него тоже есть маленькие дети. Лицо у немца было какое-то домашнее, доброе. И мне его стало немножко жалко.

Какое все-таки влияние на детские умы имеет война! Я смотрю на рисунки своего сына Коли — часто очень военные: баталии, взрывы… Взрываются танки и самолеты только с фашистскими крестами. Мы рисовали то же самое, даже в деталях. Только не фломастерами, а простыми карандашами. Пятьдесят лет мальчишки рисуют одно и то же…

Юрий Абраменко
Год после похорон

Память

Семена Переплетчикова хоронили в ненастье. Лето было сплошь дождливым. Хоронили Семена Григорьевича, известного художника, молодые журналисты. Пожалуй, я был один, кто знал покойника с военных лет. И, наверное, только я мог доподлинно верно чувствовать, как тонок переход от живого к бесконечному. Зимой мы с Семеном обменялись телефонами, чтобы встретиться и поработать для бессмертия, разумеется. И не встретились — пособирались.

На краю сырой, пробитой в глине могилы события полувековой давности становятся близкими, отчетливо зримыми. Пуповина памяти нетленна в пределах наших дней. Помню, что Семен жил с отцом и мамой за Алым полем. Они не были зажиточными, но не голодовали. В последний год войны в большой сумеречной комнате Переплетчиковых стали появляться стопки новых книг — И. Эренбург, М. Шолохов, Шолом-Алейхем, Г. Сенкевич и т. д. Семен был нашим другом и давал книги на прочтение. Он и сам ходил с ними по городу, бродил в бору за парком. Рослый, но мягкотелый, женственный — он говорил негромким тенором. Был флегматичным, ленивым, плохо учился в школе. Все это позволяло подшучивать над ним, иногда довольно зло. Парни конца сороковых годов хотели походить на признанных народом героев, мечтали стать инженерами, геологами, моряками. Семен ни о чем геройском не помышлял. В его натуре зрело и создавалось умение чувствовать и видеть сокровенное и подсознательное в человеке, что прорисовывалось в позе и взгляде, в его жесте. Это подсознательное — фабула характера — становилось «добычей» художника-фотографа или портретиста.

В середине пятидесятых, отслужив в армии, я вернулся в Челябинск и на улице Кирова, рядом с главпочтамтом, увидал щит — «Крокодил идет по городу» с карикатурой на Семена — сутулого, с характерным носом. Стихотворная подпись кончалась такой вот строчкой: «…среди других молодчиков — Сеня Переплетчиков».

Мои приятели, которые брали книги у Семена, стали инженерами, научными сотрудниками. Они участвовали в

создании БМП (боевой машины пехоты), занимались проблемами физики твердого тела. Они достойно делали то, что требовала эпоха социализма. Семен, надо полагать, почувствовал свое признание и наклонности, весьма далекие от требований эпохи социализма. Он стал видеть движение, мимику людей, а фотокамера фиксировала мгновенные изломы на лицах, жесты, обнажающие душевное состояние. Семен Григорьевич не очень-то подчинялся стандартам тогдашнего поведения: носил зауженные — стиляжные штаны, выпивал и, говорят, прилично. Он нравился женщинам, и они, конечно, нравились Семену Григорьевичу.

В годы Советской власти он создал основной материал своего творческого альбома. Семен тогда был нужен мастерам искусства, литературы, художникам, ибо способствовал их рейтингу, как бы сказали ныне. Он фотографировал известных прогрессивных политиков, что подчеркивало его далекость от партийных установок. В перестроечные годы — странно и неожиданно — спрос на работу Семена Григорьевича заметно снизился. Надо сказать, что и мастер к той поре постарел. Он вернулся в Челябинск, чтобы ухаживать за ослепшей мамой. Прежде мне доводилось встречать фотопортреты С. Переплетчикова в газетах Свердловска, Челябинска, новосибирского Академгородка, а в 90-е годы я следил за публикациями Семена только в «Вечернем Челябинске» и «Команде». Всей стране известны его портреты А. Сахарова, Г. Старовойтовой, В. Новодворской, летопись Золотой горы, снимки улиц Челябинска.

Разлука сроком в десятилетия закончилась внезапно — Семен остановил меня в Доме печати. Мы разговорились, а при следующей встрече обменялись номерами телефонов, чтобы наметить план совместной работы. Это могли быть тексты и фотопортреты атомщиков ПО «Маяк», ученых-экологов, военных инженеров, знакомых по юности. Третьей встречи не получилось: в квартиру, где жили Семен и Мария Семеновна, я пришел после похорон — на поминки.

Это было жилище бедного интеллигента — книги, книги, несколько картин, фотографий. Поминали Семена молодые люди, которым его работа была нужна и он сам был интересен и нужен.

Семена помнят — газеты публикуют его фотоработы. Центр историко-культурного наследия в Челябинске готовит фотоэкспозицию его работ. Они нужны, значит, у них есть будущее.

…Помню тихие сырые тополя, тесно обступившие могилы Переплетчиковых — отца, матери, сына. Семен пережил маму — Марию Семеновну на одну неделю. Смерть его была неожиданной

для всех, кто знал и уважал Семена Григорьевича, быть может, он умер потому, что прошло время, когда спрос на его труд был настойчивым и масштабным? Быть может, он все же сделал многое из того, что должен был сделать на этом свете?

Леонид Ильичев
Годы и люди

Летом 1961 года к нам в Челябинск приезжал заместитель председателя Совета Министров РСФСР Александр Иванович Струев. В те годы город жил трудно. В город подавалось всего 88 тысяч кубометров воды. Отсутствовали очистные сооружения, канализация. Не хватало больниц, школ, детских учреждений. Было огромное количество бараков. Мы хлопотали в правительстве о помощи. В связи с этим и приехал Струев.

Встретили мы его. Александр Иванович захотел посмотреть бараки. Повезли его к баракам станкостроительного завода. Сказали: «Выбирайте любой барак». Он выбрал. Пришли. Теперь говорим: «Выбирайте любую квартиру». Он выбрал. Заходим. Смотрим. Оказалось, в одной комнатке живут пятеро: родители, двое детей и старуха.

— Сколько вы тут живете? — спрашивает Струев у хозяина.

— Больше десяти лет, — отвечает он.

— А что, вы плохо работали?

— До войны был ударником.

— Или на фронте не был?

— Всю войну воевал, вот ордена.

— Или сейчас плохо работаете?

— Сейчас я ударник коммунистического труда.

— И до сих пор не имеете квартиры?

— Не имею.

Вышли мы, сели в машину, поехали, Струев молчал и так, ни слова не сказав, уехал в гостиницу.

Однако после его приезда, а точнее 11 сентября 1961 года, было принято постановление Совета Министров РСФСР о помощи в развитии городского хозяйства Челябинска. С тех пор у города появились новые возможности для роста и обновления — правительство выделяло средства на капитальное и жилищное строительство.

Уже через год-два мы строили по десять тысяч квартир в год. И все равно, конечно, их не хватало.

Главное, чем я горжусь, — с тех пор мы начали планомерно выселять людей из бараков и сносить их.

Чтобы город рос, надо создать для этого базу, своего рода фундамент. Это — обеспеченность теплом, водой, электричеством, газом, это — дороги, транспорт. За те десять лет, с 1961 года, пока я был председателем горисполкома, подача

воды в город увеличилась с 88 до 388 тысяч кубометров. И предусматривалось дальнейшее увеличение мощности очистных сооружений в Сосновке. Были подтянуты и другие важнейшие коммуникации.

Только имея такую базу, можно было разворачивать жилищное и другое строительство. На каждый год составлялся план сноса бараков, и не было года, чтобы он не выполнялся. В те же годы была выбрана площадка и началась застройка Северо-Запада. При этом опять-таки сначала подали туда воду, тепло, проложили канализационные коллекторы, трамвайные и троллейбусные линии и только после этого начали строить дома. Я не хочу сказать, что у первых жителей Северо-Запада не было никаких неудобств. Они были — отставали со строительством магазинов, школ, больниц, но что касается инженерных коммуникаций, то их проложили своевременно.

Сегодня никто не будет возражать, что район новой застройки выбран удачно, прежде всего с экологической точки зрения. Это самый чистый район в городе. 312 дней в году ветры дуют на северо-запад и только 43 дня — в других направлениях.

Строили тогда много. Даже больше, чем разрешалось. В 1964 году мы перевыполнили план на 78 миллионов рублей и к осени не смогли рассчитаться с совнархозом. В том году были снижены объемы капитальных вложений в связи с землетрясением в Ташкенте: деньги были переданы Узбекистану. А мы перевыполнили план. Хрущев на одном из совещаний сказал: кто перевыполнил план, тот нарушил государственную дисциплину и должен быть наказан. И действительно, меня и еще двух моих коллег вызвали в Москву и объявили выговора. Но в то же время выделили 78 миллионов рублей на возмещение истраченных денег. А что такое 78 миллионов рублей? Скажу, что 80-квартирный дом стоил тогда один миллион рублей.

Сейчас все ругают «хрущевки» и «хрущобы», которые строились в 60-е годы и позже. Теперь они людям не нравятся. Нам они не нравились и тогда. Однако эти дома были нужны. Людей выселяли из бараков, где они жили в тесных холодных комнатках с печным отоплением, с туалетом во дворе, с водопроводной колонкой на улице. Я был свидетелем множества радостных слез, когда челябинцы переселялись из бараков в отдельные квартиры со всеми удобствами. Для них это было счастьем.

Согласен: мы слишком долго строили «хрущевки». Надо было раньше отказаться от них. Но эти дома нас выручили. Ведь в городе были тысячи бараков. Даже и при таком интенсивном строительстве мы сносили бараки 24 года.

Да, архитекторы возражали против одинаковых типовых пятиэтажек. Мы тоже возражали. А были проекты еще хуже, еще «экономичнее».

Строили не только жилье. Пробили в Москве Дворец спорта. Торговый центр возводили. А с драмтеатром оконфузились. По проекту за основу было взято существовавшее здание драмтеатра (бывший Народный дом), а к нему пристраивался не один, а сразу три театра — кроме драматического, еще ТЮЗ и кукольный. И назвали все это театральным комплексом.

Взяли проект, поехали в Москву, в Госстрой, к заместителю председателя Н. В. Баранову, который прежде был главным архитектором Ленинграда. Пришли, чертежи и рисунки развесили в приемной. А тут заходит главный архитектор Москвы Посохин. Спрашивает:

— Что такое?

— Мы из Челябинска, — говорим, — привезли на утверждение проект театрального комплекса.

— Что? — удивился Посохин. — Театральный комплекс? Я знаю промышленные комплексы, животноводческие комплексы, а у вас, значит, театральный комплекс.

Посмотрел он чертежи, всмотрелся в один из них.

— А это что? — спрашивает опять.

— Это китайский дворик, — говорим.

— Китайский дворик? Только китайского дворика Челябинску и не хватает…

Словом, наш проект был отвергнут. И через какое-то время было принято решение строить драматический театр отдельно, не в комплексе.

В 1961 году встал вопрос о разработке генерального плана развития Челябинска. Прежний план был разработан Ленгипрогором и исчерпал себя. Директор Гражданпроекта Б. А. Зильберг и главный архитектор города И. Е. Чернядьев предложили отказаться от услуг Ленгипрогора и создать свою мастерскую по разработке генерального плана. Так и сделали. Но все-таки с помощью первого секретаря обкома партии Н. Н. Родионова пригласили в Челябинск ведущих специалистов из Москвы, чтобы на месте посмотреть город и выслушать их замечания по генеральному плану. Тогда, между прочим, и возникла идея перенесения центра города к берегам Миасса, к его излучине у сада-острова, где предполагалось по правому берегу построить высотные дома. Может быть, когда-нибудь эта идея будет реализована.

Я с добрым чувством вспоминаю многих из тех, кто создавал нынешний облик Челябинска. Это главные архитекторы

И. Е. Чернядьев, В. Н. Лахтин, П. П. Даниленко. Вопросы они решали смело, масштабно. Если мало было интересных решений, то потому, что действия архитекторов сковывались разными запрещающими постановлениями. Возможности архитекторов были больше, и Челябинск мы видели бы другим, если бы была свобода для творчества. Но такое было время.

В те годы заказчик был один — УКС горисполкома. Почти все, что было построено в Челябинске, — по заказу УКСа. В нем начальники менялись часто, но один работник, главный инженер, проработал бессменно от начала до конца. Это Николай Христофорович Балтаджи. Большой труженик, он много сделал для города. К сожалению, его имя почти неизвестно. Кроме того, я выделил бы особую роль Л. Д. Семичастного, который на всех должностях ревниво следил за строительством в Челябинске и помогал ему чем мог.

Времена меняются. То открываются новые возможности, то возникают новые трудности, но в любом случае Челябинск будет строиться и молодеть. Я был свидетелем и участником аврального строительства одного десятилетия. Ушли в прошлое бараки. Уходят в прошлое «хрущевки». Доживут свой век девятиэтажки. Вознесутся новые дома. Пусть наши потомки будут жить в просторных, светлых, удобных домах в здоровом красивом городе, о котором мечтали челябинцы всех поколений.

Юрий Петров
Прибежище души

Поэт Лев Рахлис удостоен поощрительной грамоты на Международном конкурсе общества пушкинистов. В Нью-Йорке итоги конкурса опубликовала газета «Новое русское слово». Надо сказать, что пушкинисты за океаном провели свой пятый конкурс русской поэзии, в котором участвовало более восьмидесяти авторов из России, США, Канады, Израиля и т. д.

Лев Рахлис — филолог, выпускник ЧГПИ, доцент института культуры, если вспомнить прошлое, автор нескольких сборников стихов для детей и ряда весьма популярных в городе детских праздничных спектаклей. Ныне Лев Яковлевич живет в Атланте, штат Джорджия, читает лекции студентам и учит английский, общаясь с молодыми людьми. И поэтому в Атланте сегодня слышат и узнают имена литераторов Южного Урала.

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев как-то сказал, что его не смущает массовая подвижка россиян за рубеж. Академик уверен, что соотечественники, оказавшись в дальнем зарубежье, передают русскую культуру народам мира. И делают это вдохновенно, талантливо. «Пушкин — символ русской культуры, — пишет Лихачев, — славное имя его объединяет русских поэтов за пределами России». Эту мысль ученого подтверждает Пятый Международный конкурс пушкинистов.

В этом конкурсе принимали участие Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Александр Межиров, ведущий в США постоянно действующие семинары русской поэзии. «В чужой стране прибежищем души остается родной язык», — пишет «Новое русское слово» в Нью-Йорке.

Недавно на поэтическом вечере в Челябинске самодеятельные исполнители пели детские песни на стихи Льва Рахлиса, интересные и взрослым. Родное слово хранит мысли и чувства, помогая помнить пережитое и переживаемое.

Явленье музы
(окончание)

Лера Авербах

* * *

И. Б.

А осень рассыпает щедро дым
Из лиственной дурманящей отравы.
И шелестят о чем-то скрытно травы.
И дом, который я назвать своим

Уж не могу, теперь мне чаще снится.
В нем осень мне гадает по руке.
И хочется кому-нибудь открыться,
А на каком — неважно языке.

Алексей Атаманов

* * *

Вот на закланье
Ночи и осени
Брошен глухой перекресток.
Всех фонарей
Отраженья промочены
До синевы и блесток.

На повороте
От мрака и стужи
Скрежещут зубами трамваи.
Блестя чешуей,
Выползает из лужи
Улица Часовая.

Ловким капканом
Воображения
Фары блуждают по окнам
Домиков с хриплым
Особенным мнением
О каменном и высотном.

Если здесь чудом
Бывал знаменитый
Чем и когда угодно,
Он не забыт:
Даже кладка и плиты
Знают о нем подробно!

Дмитрий Бавильский

* * *

Вначале было СЛОВО. А в конце
Не стало ничего… Сгорела осень,
Разброд в умах, да листья на крыльце,
Да высохшие лица спящих сосен.

Но я еще с тобою говорю,
Как радио все тише, тише, тише,
Так истончают буднями зарю,
Но я надеюсь — ты меня услышишь.

А зиму эту мы переживем…
Откроем снова порох и бумагу…
И, встретившись однажды под дождем,
Назад уже не сделаем ни шагу.

Ольга Ванькова

* * *

Поздний вечер, ночь почти.
Природа внимает Вселенной.
И дерева, полные доверия и жажды любви,
Протянули ветви к небу;
И листья шаловливые, как дети,
Все не уснут: шепчут и шалят.
А в доме, чьи окна сияют
И распространяют на меня свет,
Играют Баха.

* * *

Моя душа жалобно тычется
в поисках истины.
Но как разобраться!
Тысячи правд с лицами Медузы Горгоны!
Душа скулит, но негде спрятаться.
Я выбираю жизнь.

* * *

Выпускные цветы
Сорок первого годы
Под танками, под пулями…
Мальчик, мой милый мальчик,
Оглянись!
Вот твой цветок, ты помнишь,
Как подарил его любимой,
Как робок был, несмел…
Мой милый! Как был ты удивлен,
Наивно удивлен
Той пуле — маленькой, случайной,
равнодушной — но твоей.

* * *

В контексте эпохи
Существует мое маленькое «я».
Пишу стихи,
Рифмуя имя существительное — «я»
с повелительным глаголом — «время».

Нэлли Ваторопина

* * *

Я не бежала, я плыла
По травам
следом за ветрами.
Я в мире радости жила,
Купалась в росах утром ранним.

И не было ни тьмы, ни зла.
У ног босых плескалось небо…
Мой светлый мир война сожгла,
И ветры пахнут жженым
хлебом.

* * *

Мне уехать из города хочется.
Кисегач… Тургояк… Увильды…
Электричка — вне времени — срочная.
Заметает поземка следы.

Утонув по колено в сугробах,
Смотрят ели задумчиво вслед.
От тебя бы уехать, но чтобы
Встретить вновь через тысячу лет.

Светлана Киприянова

* * *

С золотых куполов — колокольный звон,
А с потухших глаз — прощальный набат,
А с горячих губ — только тихий стон.
Не ищи того, кто был виноват.
От любимых людей — все далекий путь,
С облюбованных мест — неизбежный отлет.
И мечта не исполнилась пусть чуть-чуть…
Не ищи того, кто тебя поймет.
От далекой звезды возьми дивный свет,
От ушедшей любви — незабытую страсть.
Не ищи же того, чего вовсе нет,
Не придется тогда снова больно упасть.
А услышишь звон — свой сердечный стук,
Ты задумайся — не спеши.
Ах, прогнать бы вон
Неизбежность разлук,
Леность сердца мелкой души!

* * *

Когда нам жарко, мы ценим глоток воды.
Когда, наконец, дожидаемся желанного, снисходит покой.
Но, снимая целлофан с купленного букета,
Мы не слышим, о чем говорят подаренные цветы.

Участливые глаза в океане равнодушия кажутся чудом.
Не имея мелочи в кармане, торопливо проходим мимо нищих.
Деньги делают Деньги. Душа творит Душу.
А небо и Земля, соприкасаясь, создают Человека.

Нет формулы счастья.
Наверное, счастлив тот,
Кто идет к своему горизонту.

Лилия Кулешова

* * *

Это тебя поманили из стаи,
Это тебе помахали крылом,
Не настоящая, но золотая
Осень мелькнула во взгляде твоем.

Мир придвигается ближе и ближе,
Ты — словно косточка в недрах плода:
Знаю, что есть, но не слышу, не вижу,
Так далеко, как живая вода.

Сердце еще зимовало под снегом,
А уж созрело плодами потерь,
Был ты со мною везде, где ты не был,
Где ты теперь?

* * *

Кто ты,
белая птица зимы,
Из какого летишь мирозданья?
На крыле твоем
свет старины,
Ожиданья,
гаданья,
преданья…
Солнце зимнее — сердце мое,
И такое же мглистое имя.
На платке —
твоих нитей шитье,
На руке —
перстенек, словно иней.
Я с тобой не боюсь высоты,
Птица кроткая, не ручная.
Все мне кажется,
я — это ты,
Проскользну в облаках и растаю…

Ада Листопад

* * *

Бело-розовый, легкий, игривый
Пес хозяйский признал за свою
И кружится вокруг шаловливо,
А я молодость вижу свою.
Помню, радость такая ж шальная,
Безудержный и юный восторг
Ослепили, когда, выбирая,
Я у трех задержалась дорог.
Ах ты, пес черноглазый, с хитринкой
И пушистым задорным хвостом!
Я скатилась по жизни слезинкой,
А могла бы пролиться дождем.

Андрей Подушкин

В переходе

Разрешите постоять
возле вашего лица.

Евгений Евтушенко

В переходе сквозняки
Заметались меж колонн.
На ступеньках «синяки»
Пьют «Сирень» одеколон.
Гулко ломится проспект,
В перекрытьях грохоча.
Пьют и щурятся на свет
Три оборванных бича.
Но не знает переход,
Что те самые жлобы
Есть отнюдь не антипод —
Отражение толпы.
Я твержу себе опять:
— В наше время все грубы.
Разрешите постоять
Возле сломанной судьбы?

Константин Рубинский

* * *

Скажи еще мне пару слов,
Девчонка, дичка, водопадка.
Я за тобой идти готов
Пешком, бегом, спеша, украдкой.

В объятья кинуться — экстаз
Ценой окупится любою.
Скажи еще мне пару фраз,
Гипнотизируя собою.

Шепни еще теплом своим,
Принцесса, стрекоза, светляшка…
Я буду жить, как пилигрим,
Стреплю последнюю рубашку.

Не станет следствий и причин!
Лишь твой кивок, твое участье…
Скажи еще… о нет, молчи!
Иначе я свихнусь от счастья.

* * *

Календарные годы проходят — обузданный скоп.
Посмотрите на время — оно-то давно на пределе.
Предприимчивый Ной накликает на разум потоп,
Дабы всплыть поумневшим в исходе грядущей недели.

Колыбельные песни поются под грохот стрельбы.
И баюкают глупых младенцев, не видящих выси.
Календарные песни утратили привкус судьбы,
Колыбельные годы устало текут за кулисы.

Этот век копит страх, под копирку кладя колоброд,
И, устав трепетать на ветру, золотистые листья
Ждут дождей, жадно ждут, ожидают потопа вот-вот,
Дабы всплыть без шуршанья над глубью пророчеств и мистик.

Колыбельные страхи ложатся в подушки бойцам,
Корабельные снасти скрипят за страстями дележки
Океанов, и сумрачный голос больного певца
Отдается в лорнетах, лафетах, лопатах и ложках.

Только что нам напевы — о них не ударишь и лоб!
Только что нам моря, коль на удочках нету наживы!
Мы кричали давно: «Наплевать! После нас — хоть потоп!»
Добавляя: «Но нет, не сейчас… мы еще как-то живы…»

Корабельные плотники честно готовят ковчег,
Карамельные рты ухмыляются жирно и жадно…
Но надеется Бог, что найдется еще Человек
И научит он нас на воде, как на суше, держаться.

Мы босыми ногами пойдем по потопу вперед,
Оставляя круги, как растущий концерт многоточий,
И из нас до поры ни один, ни один не умрет,
А настанет пора — даже Бог не сумеет отсрочить.

Светлана Томских

На Ангаре

Ах, бабушка, то было не со мной,
и детство здесь мое не проходило.
Уже давно ангарскою водой
твою деревню Остров затопило.

Мембранами — чувствительны, тонки —
дрожали губы у любой старухи,
и, теребя привычные платки,
без надобности уставали руки.

Ах, бабушка, то было не со мной,
и акварель размашистых закатов
высвечивала мрачной полосой
печаль домов, пустеющих, горбатых.

Но кажется мне это все родным,
и кажется, что стоит обернуться —
и отплывут тяжелые плоты
от берегов, к которым не вернуться.

Их медленность неведома воде,
но, торопя плоты своим теченьем,
вдруг станет неспокойно Ангаре
за тяжесть своего предназначенья.

Нина Ягодинцева

Оранта

Две ладони — восход и закат.
Две ладони — жалеть и ласкать,
гладить волосы, косу плести,
к изголовью воды поднести.

Две ладони — кормить голубей.
Две ладони — качать колыбель.
Повторяйтесь, восход и закат,
как молитва на всех языках.

Повторяйтесь, тревога и труд,
помогайте бесстрастной судьбе.
Две ладони друг к другу прильнут
в материнской печальной мольбе.

Две ладони покорно замрут,
и на долгие-долгие дни
материнский томительный труд:
вразуми, помоги, сохрани…

* * *

Во тьме случайного ночлега
В глухом предчувствии беды
Душа у Бога просит снега,
Чтоб он засыпал все следы…

Я прислонюсь к холодной раме:
Как хорошо, что есть приют,
И там, за ветхими дверями
Слепые ангелы поют.

Огонь в печи воздел ладони
И замирает, трепеща.
И на серебряной иконе
Подхвачен ветром край плаща.

И длится, длится тайный праздник,
Душа пирует налегке,
И лишь свеча все время гаснет
На неподвижном сквозняке.

* * *

Как странно в вязкой пустоте
Среди погибших слов
Заговорить на языке
Утраченных богов!

Огонь бесплодный и ничей,
Но жечь ему дано.
Звучанье собственных речей
То смутно, то темно.

Оно темно, как белый снег
Во чреве зимних туч —
Сколь славен был далекий век,
Сколь радостно могуч!

Покорно отпускаю ввысь
Сплетенье древних слов:
Печальным эхом воротись
На пиршество богов…

Юрий Подкорытов
Этюды на осенних листьях

Весь вечер над озером громыхало и полыхало. Видимо, там, наверху, окончательно развеселился Илья-пророк, этот маленький, промокший до нитки старичок с венчиком седых кудрей вокруг симпатичной лысинки.

Он уже не управлял своей колесницей, а только оглушительно хлопал в ладоши и озорно метал огненные стрелы.

Одна, я приметил, ударила в осинничек возле болотца. Там я нашел — на другой день — с дюжину крепких красноголовиков.

На рассвете солнце вынырнуло из озера, над лесами навис легкий туман, ударили удивительно яркие лучи; опавшая листва затрепетала, зашевелилась.

Грибы дружно приподняли шляпки, благодаря за благодатный дождь и щедрое тепло.

Вот так и в нашей жизни кончаются любые ненастья — ярким светом.

Июньские поляны

Где-то далеко-далеко, почти за горизонтами памяти — зыбкое зеленое марево, имя которому июньские поляны…

…Уже сменилась ясностью утренняя дымка, и от тяжести солнечного света стала пригибаться к земле трава. Слышится нестройный гул, словно прогревают свои моторы стрекозы-самолетики, чтобы взлететь с зеленого аэродрома. Цепкими лапками обхватили шмели головки цветов-медоносов. Учинил пляску новорожденный мушиный рой. Он похож на густое колышущееся облачко. Медленно, словно ощупывая дорогу, ползет божья коровка по стебельку… Неторопливо раскидывает свою ловчую сеть паучишка. Неумело пиликают молоденькие кузнечики, вполголоса, словно стесняясь. Деловито шныряют рыжие муравьи.

…Такими с детства навсегда остались июньские поляны: зной, пряный запах и песни косы, словно звенящий ветерок.

Утренний концерт

В глухой чаще невидимый птичий оркестр робко настраивал

свои инструменты. Так уже принято в лесу — встречать новый день большим концертом.

Первый аккорд взял дятел. Ударил по сухой сосне, словно в барабан.

Нежной флейтой ответила ему пеночка, засвистал королек, и вскоре все звенело, щелкало, свистело.

А песня неслась через леса, по озерам, и уже где-то над полями жаворонком взлетела к солнцу.

И неугомонно долбил на сосне дятел: тук-тук-тук, тук-тук!

Работник — он всегда запевала!

Цена хлеба

Старая привычка: хотя на часок-другой в лес, а ломоть хлеба обязательно в карман. Так-то оно надежней. Вроде бы с тобой охранная грамотка какая.

Набродишься, сядешь на поваленную березу — и вот тут-то!

С неба струится радость, с поля — аромат кошенины, в лесу — дурманящие запахи. Да еще ломоть хлеба — чего же еще надо?

Виктор Ершов
Память

Всю ночь моросил дождь, а под утро ударил мороз. Деревья только зазеленели, и листва, еще покрытая клейкой пленкой, оказалась под ледяным панцирем. Ни ветерка, ни пения птиц, как будто жизнь прекратила свой бег. Это было красиво и в то же время страшно…

Природа доверилась апрельскому теплу и жестоко за это расплачивалась. Не выдерживая тяжести льда, деревья, как стебельки пшеницы, ломались пополам, падали на землю… Но не все. Некоторые деревья от тяжести склонились вниз так, что верхушками касались земли. Впечатление было такое, будто они склонили головы над погибшими и все молча замерли в общей беде.

На другой день выглянуло солнце, растопив лед, но деревья по-прежнему находились во власти ледяного оцепенения. Кое-где кончики листьев почернели, и на рваных стволах не выступило ни капли сока… Все говорило о том, что им уже не подняться… Но прошел день, другой, третий, и зашумели зеленые кроны, запели птицы, и жизнь взяла верх над жестокостью и коварством стихии.

Это деревья напомнили мне людей из далекого 1941 года…

Клара Антонова
Они никогда не встречались…

До конца,
до тихого креста,
пусть душа
останется чиста.

Николай Рубцов

Чистые души

Странны и необъяснимы порой человеческие симпатии.

Они никогда не встречались: известный ученый из Санкт-Петербурга и танцовщица из Челябинска. И это вполне естественно, если учесть, что он работает в Зоологическом институте Российской Академии наук, она — в театре оперы и балета. Его труды посвящены мамонтам, обитателям далекой доисторической эпохи; ее деятельность связана с классическим балетом. Но Вадим Евгеньевич Гарутт не был бы истинным петербуржцем, не любя балет нежно, искренне и преданно. О подобном типе людей драматург Л. Малюгин сказал: «Трудно дать исчерпывающую характеристику этого редкого, к сожалению, типа. Одним из признаков его является большая культура, не односторонняя, не ограниченная рамками своей профессии, но свободно переходящая в соседние, а подчас и в весьма отдаленные области знаний». Поэтому, наверное, Вадим Евгеньевич наряду с уникальными исследованиями в области палеонтологии стал обладателем редкой коллекции по балету, в которой отражено творчество многих талантливых артистов, в том числе — Ирины Сараметовой, одной из солисток нашего балета.

Не раз я пыталась ответить на мучающие меня вопросы. Почему ученому из Санкт-Петербурга запала в душу именно эта балерина? Почему он чтит и помнит ее имя? Почему человек, который никогда не был в нашем театре и не видел ее спектаклей, знает и интересуется артисткой, давно покинувшей сцену? Что нашел он особенного в ней? Как мог почувствовать силу ее обаяния и особой эмоциональной открытости? Почему на протяжении многих лет не уставал спрашивать меня о ней, передавать приветы, высказывал желание иметь в своей

коллекции ее фото и сценические реликвии, не раз обращаясь ко мне с просьбой помочь ему в этом. И каждый раз его расспросы, просьбы, внимание к судьбе балерины напоминали мне о короткой памяти и малом интересе наших земляков к когда-то любимой артистке. Ведь ее Надя в «Последнем бале», Золушка в одноименном балете, Мария в «Бахчисарайском фонтане», Джульетта в «Ромео и Джульетте», Нина в «Маскараде», Бонасье в «Трех мушкетерах», Барышня в «Барышне и хулигане» на протяжении многих лет волновали зрителей, коллег и партнеров. В этих ролях наиболее полно раскрылся драматический дар Ирины Сараметовой, ее чувством и душой согретый танец, выразительность пантомимной пластики, разные оттенки лирического дара: от земного озорства, лукавства, кокетства до мечтательных порывов сильных, высоких чувств. В дуэтах с В. М. Постниковым «влекущая простота», искренность ее героинь приобретали магическую, притягательную силу. Не случайно под обаяние ее героинь попадали профессионалы высокого класса, такие, как Мариус Лиепа.

В труппе она была окружена обожанием, любовью, заботой товарищей: Ю. Сидорова, М. Щукина, В. Постникова, Л. Ратенко, С. Тулусьевой. Интересные спектакли рождались один за другим. Творческая атмосфера царила в репетиционном зале. С уходом одного за другим партнеров ей стало одиноко на сцене. Никто уже не давал ей такого чувства, как они. Круг близких и родных людей сужался. Смерть мамы и близкий конец актерской карьеры привели танцовщицу к мысли об учебе в Академии театрального искусства (бывший ГИТИС) в Москве, что продлило ее служение театру в новой роли — роли педагога-репетитора. Однако эта роль оказалась наиболее сложной в ее жизни. С открытой бурной душой, не умея подстраиваться и пристраиваться, без поддержки товарищей ей стало трудно работать в театре, где порой возглавляли балет люди чуждые этой труппе, городу и искусству…

А из Санкт-Петербурга все идут и идут письма и в каждом из них есть место для Иры Сараметовой: как она? чем занимается? есть ли фото?

И вот недавно я послала Вадиму Евгеньевичу ее фотографии. Среди них есть одна, где танцовщица запечатлена в образе Сольвейг (из балета на музыку Э. Грига «Пер Гюнт»). На что далекий друг ответил:

> «Получил я посланные Вами фотографии Иры Сараметовой. Очень прошу Вас поблагодарить ее от моего имени. Снимки мне понравились, особенно

портретный — Сольвейг. Его я поместил за стекло шкафа, в котором у меня собраны книги и другие материалы по балету… а Ира Сараметова мне очень понравилась… Раньше видел только фото в газетах… но и этого для меня было достаточно, чтобы оценить Иру как превосходную танцовщицу, очень сожалею, что не видел ее на сцене… А вообще у меня такое чувство, словно я с Ирой хорошо знаком… мне бы хотелось слегка увеличить… портрет (Сольвейг), наклеить на кусок светлого картона и попросить сделать ее для меня надпись… Поклон от меня…»

Еще и еще — во многих письмах о ней.

Странны, но объяснимы порой человеческие симпатии. Чистая и бесхитростная, по моему глубокому убеждению, душа ученого в Санкт-Петербурге уловила родственную себе душу на далеком Урале. И неважно, что никогда не встречались, не виделись, не общались ученый и балерина; не важно, что судьба их никогда не свела вместе. Главное — это талантливые, духовно богатые, самобытные и неповторимые Личности в науке и искусстве. И я уверена:

«До конца,
до тихого креста
их душа останется чиста».

Максим Клайн
«Мы уходим, оставаясь должниками…»

В тот день сотни и сотни людей не только в Челябинске, Златоусте, но и в других городах России, Германии, США, Швейцарии вспомнили печальным искренним словом благодарности своего учителя и друга Максима Максимовича Клайна. Вот уже и сорок дней прошло, как не стало этого замечательного педагога-новатора, стойкого антифашиста, светлого и чистого человека с фантастической биографией, как говорил о нем поэт Михаил Львов. Несмотря на все превратности жизни, он был самым богатым на друзей и единомышленников.

Я держу в руках книгу «Уроки жизни», на обложке которой Максимом Максимовичем написаны такие откровенные и теплые слова признания:

«Я рано понял, что дружба — это одно из удивительных чудес, неоценимое богатство, которое нужно беречь и умножать. Когда я думаю о вас, мои дорогие и любимые друзья, на сердце становится теплее и жизнь кажется, несмотря на весь хаос человеческих отношений, наполненной особым смыслом…»

У самой же книги драматичная и такая же удивительная судьба, как и у ее автора. В прошлом году я прочитала в газете сообщение, что Максим Максимович тяжело болен и что помочь ему может только лечение в Германии. Вот тогда-то и было решено создать фонд Клайна. Средства были собраны. Но выяснилось: болезнь перешла в ту стадию, когда и чудо-врачи бессильны.

Максим Максимович мужественно встретил этот приговор и начал свою последнюю невероятно трудную работу. Он написал книгу, так объяснив читателям этот шаг: «Вероятному каждого человека на пограничной полосе между жизнью и небытием возникает необходимость отчитаться перед своей совестью. Это суд собственного «я», в котором обвинитель и обвиняемый, свидетель и защитник — в одном лице… В чем смысл жизни? Взрослые делают вид, что ответ на этот вопрос им известен и что они хорошо ориентируются в

лабиринте своих проблем, бормоча молитвы или угадывая свою судьбу по звездам… Мне больно сознавать, что сегодня, в конце XX столетия, человека преследуют им же придуманные призраки и духи. Что шаманы, колдуны, чудотворцы, экстрасенсы могут беспрепятственно заниматься своим разрушительным делом, одурманивая людей и прежде всего детей. Жаль, что человечество не извлекло уроков из многострадального прошлого и, блуждая в потемках потустороннего мира, идет навстречу новым страданиям…»

И вот дописана последняя страница…

А в последующие экземпляры вслед за сигнальным вклеена полоска бумаги, на которой есть такие строки: «Сигнальный экземпляр первой части тиража был показан Максиму Максимовичу за сутки до его кончины».

Книга потрясает. Что же предложить вам, читатели? Главу о его детстве, прошедшем в Румынии и в Австрии? Бегство от гитлеровской чумы в СССР? Или о том, как Максим Клайн, еще плохо владеющий русским языком, воевал в Красной Армии и отступал вместе с ней до Сталинграда? Про награду и госпиталь? Про то, как его унизили и оскорбили трудармией? Про то, как он стал педагогом, работал в Златоусте, а потом в знаменитой челябинской 48-й школе? Про его учеников, про его антифашистскую деятельность?

Думаю, что когда книга попадет в ваши руки, это все не ускользнет от вашего внимания. Но есть в ней одна глава, очень личная и горькая для ее автора. Она окрашена еще и каким-то светом глубокого отношения к миру добра. Боль безысходна, но она не закрыла в тот тяжкий момент от Максима Максимовича красоты человеческой души…

Светлана Миронова

26 января 1994 года 11 часов 50 минут

Моя любимая жена и спутница жизни умерла после нескольких дней видимого угасания. До последнего ее вздоха я держал ее руки в своих и чувствовал, как жизнь ее покидает. Сорок восемь лет душевной, содержательной, верной совместной жизни принадлежат с этого момента прошлому? Нет, это невозможно, ибо моя незабываемая Дуся остается со мной в

каждой мысли, в каждом предмете, добытом вместе, в наших сыновьях и внучках, которых она обожала. С 1947 года, когда мы после года знакомства поженились, и до последнего момента она стояла у штурвала нашей семейной жизни, которую, несмотря на встречавшиеся подводные скалы и далеко не богатую материальную обеспеченность нашей семьи, провела мужественно, любя, жертвуя всем, в последнюю гавань семейного счастья.

Благодаря ее доброте, ее пониманию моих проблем, ставших нашими, я смог посвятить себя педагогической деятельности, которая часто меня так захватывала, что для семейной жизни не оставалось времени. Благодаря моей Дусе я мог учиться, путешествовать, заниматься спортом, читать. Мои друзья обожали эту скромную, обаятельную женщину, особенно семья Фабри из Швейцарии и госпожа Клэр Зальманн из Германии, с которыми мы несколько раз проводили отпуск в Сочи, у Черного моря. Это были прекрасные, незабываемые времена! И те, кто посетил нас в Челябинске, как, например, чета Пармантье из Франции, Рудольф Томас, Фридел Лаусберг, супруги Виктор и Луиза Бройер — наши гости из Германии, были восхищены ею, ее гостеприимством. У нас вообще много друзей, настоящих, верных на всю жизнь, с которыми мы часто проводили выходные и праздничные дни дома или в лесу, на лыжах. И везде Дуся была в центре внимания, а если дело доходило до вечеринки «вскладчину», как это бывало в «застойные времена», ее холодец или котлеты воспевались на все лады, и она светилась, моя Дусенька, от того, что смогла сделать что-то приятное для людей.

…Не меньше друзей стало у нас и в Челябинске: Тихомировы Вася и Люба, Лифшицы Бен и Рая, Вайсманы Майя и Илья, Опалихины Виктор и Ольга, Разумовы Алексей и Нина, Туники Ефим и Татьяна и многие другие — все не чаяли души в моей Дусе.

Особую роль наша мамочка сыграла в воспитании наших двух сыновей, которым она в детстве и позднее, пока они еще были дома, посвящала все свое время и свою любовь. Все хорошее, что у них есть — от матери. Хотя Евдокия Ефимовна работала всю жизнь экономистом и была примером во всем на работе, она никогда не забывала своего долга. Только сегодня, когда ее нет с нами, мы, трое мужчин — отец и сыновья, вполне оценили ее жертвы для семьи.

Когда наша мать оперировалась в 1983 году в онкологическом отделении областной больницы, меня потрясло мужество, с которым она смотрела на будущее. Мы благодарим судьбу за то, что Евдокия Ефимовна оставалась еще целых десять

лет, до последнего вздоха на своем посту — матери, жены, бабушки, не жалуясь на свои бесконечные боли. Более того, когда я заболел, она провела много бессонных ночей рядом со мной, у больничной койки, что, несомненно, отнимало у нее последние силы…

29 января ее провожали в последний путь наши семьи, ее сестры Зоя и Клавдия со своими детьми и внуками, ее и мои друзья, мои коллеги, которые ее очень любили, бывшие ученики, представители районного и городского отделов народного образования и профсоюзных комитетов. День выдался солнечный, как бы в память о ее светлом земном пути.

Я прекрасно понимаю, что образовавшаяся пустота невосполнима. Одиночество пугает, наступая неудержимо, особенно в бессонные ночи, когда случившееся кажется нереальным, только сном, из которого невозможно вырваться. И вот я как бы пишу ретроспективно сценарий к фильму, последние кадры которого еще мерцают на экране памяти. Сценарий пишется так, для формы, ведь в фильме ничего уже исправить нельзя, разве что конец: счастливый старец окружен любящими его детьми и внуками, друзьями, бывшими учениками, коллегами по работе и ангелом-хранителем, беспокойной, вечно хлопочущей Лидией Александровной Чучковой. И это чудо не выдумано, оно достойно отдельного рассказа с подробным описанием того, что делает каждый из окружающих меня друзей, в том числе и тех, которых нет рядом, но в мыслях они со мной.

Несмотря на все попытки друзей и близких отвлечь меня от холодной действительности, я веду свой нескончаемый разговор с той, которой нет, с той, которой я не успел сказать самые нужные и важные слова. От этого становится больно, так больно, что глубокий стон вырывается из груди, затаившей отчаяние по навсегда ушедшему любимому человеку…

Все вокруг хотят, чтобы я еще жил. Добрыми словами, ежедневной заботой и любовью меня подбадривают, следят за моим питанием, лечением и душевным равновесием. Я вижу, все делается от чистой души, и я поддался слабой надежде — что-то еще суметь, встать твердо на ноги для того, чтобы навести порядок в своих многочисленных папках, книгах, записях, ведь они могут еще кому-то пригодиться.

Эпилог

Смысл того, что я смог написать в эти мрачные дни моей жизни, состоит в том, чтобы разобраться в самом себе. Я отнюдь

не хотел изображать приключения человека в бурное время XX века.

Как одному из тех, кто пережил ужасы войны и не меньшие опасности до-и послевоенного времени, чтобы затем более сорока лет своей жизни посвятить воспитанию и образованию детей, мне показалось важным доверить бумаге нескончаемый диалог со своим «Я» о правильности выбранного пути.

Заканчивая свой путь, я могу с уверенностью утверждать, что я не предал свое мировоззрение и действовал всегда в соответствии с ним, не струсил, когда надо было защищать то, что считал правильным…

Жаль только, что не смог сделать все, что считал важным и нужным: ввести полное самоуправление учащихся, создать дружный коллектив учителей и их родителей, освободить школу от авторитарных методов обучения, добиться объективной дифференциации учащихся по их способностям, знаниям и навыкам…

P. S. И еще одну фразу Максима Максимовича, часть которой я вынесла в заголовок, хочу привести в конце: «Мы уходим, оставаясь должниками всех, кто был добр к нам, кто сохранил память о нас».

Нина Пикулева
Откуда бегут роднички…

Заметки детского поэта

Несколько лет я занималась с малышами первой в нашей области студии эстетического воспитания дошкольников «Родничок» при Дворце культуры ЧТЗ. «Развитие речи и детское словесное творчество» — так назывался предмет, который я вела.

Вот некоторые мои студийные наблюдения.

* * *

В самом начале наших занятий спрашиваю детей:

— Кто написал сказку «Курочка-ряба»?

Отвечают:

— Пушкин!

— Корней Чуковский!

— Это мой папа написал!

— Я! Это моя сказка!

* * *

Читаю в одной из младших групп «Федорино горе» Чуковского, но не просто читаю: дети сами должны найти последнее слово в строке, когда оно диктуется рифмой. И вот доходим до того момента, когда «кастрюли полетели, зазвенели, да к Федоре прямо в печь, стали жарить, стали печь! Будут, будут у Федоры и блины и…».

Это вы бы сказали «пироги», исходя из логики стихотворения. А дети и тут подобрали рифму: «И блины, и помидоры!»

* * *

На одном из уроков предлагаю:

— Сейчас мы будем разговаривать по телефону, — и ставлю на стол телефонный аппарат. — Но давайте сначала назовем его части. Это что?

— Трубка!

— Это что?

— Рычажки!

— А это? — я вращаю диск.

— Диско!

Примеры времени: стиль «диско».

— Прекрасно, — говорю. — А для чего нам нужен телефон?

— Врача вызывать!

— Пожарников!

— Хорошо. Подойди сюда, Машенька… Вызови, пожалуйста, пожарную охрану.

Маша приступает:

— Алло! Пожарники? Дом горит.

Я отвечаю за «пожарников»:

— Ваш адрес?

Машенька и тут не растерялась:

— Улица Корнея Чуковского, дом 75.

— Ждите, сейчас выезжаем!

А к следующему уроку Маша сочинила целую сказку:

«Учили мы вежливые слова и как вызывать по телефону пожарников. Набираю номер и говорю:

— Приезжайте, пожалуйста, у нас дом горит!

Приехали пожарники, а дом потушить не могут — воды нет! Выручил их добрый волк Вова, принес им в ведре воды.

Так и потушили пожар».

* * *

Разучивала я с ними русскую народную потешку:

Вот совушка-сова,
Большая голова,
На дереве сидит,
Головушкой вертит…

А через неделю у Маши эта потешка «переплавилась» в такую:

Вот совушка-сова,
Большая голова,
У совы сыночки —
Серые совочки!

* * *

Читаю детям сказку «Честное гусеничное», а потом спрашиваю:

— Как вы думаете, это только в сказке гусеница в бабочку превращается или так и в жизни бывает?

— Не только в сказке, — отвечает один мальчик, — но и по-честному тоже!

* * *

Идет занятие «Загадай рифму». На столе я заранее разложила игрушки, которые можно «соединить» рифмой, но найти эти пары каждый должен сам. Причем сначала молча найти, потом так же молча показать всем детям, чтобы они отгадали, какую рифму ты нашел, а уж если не отгадают — говори вслух.

Очень просто соединялись рифмой мишка и шишка, мышка и шишка, но находились такие!..

Вот попробуйте соединить цыпленка и грушу. Что, не получается? А у них получилось запросто: груша — цыплюша!

А как связать рифмой огурец и куколку? Да, тут проще: огуречик — человечек. Но зато, пожалуй, ни одному взрослому не догадаться, что огурец и помидор тоже могут звучать в рифму: огуречик — помидоречик!

Верно говорят: самые гениальные поэты — дети!

Где растут поэты

«Какие слова бывают?» — так называлось наше первое занятие. Ласковые слова и грустные, веселые и вкусные, тихие и громкие. Сколько слов!.. «Ласковые» — и дети называют: «мама», «папа», «братик», «сестренка», «бабушка», «дедушка», «солнышко»…

«Веселые» — дети говорят: «цирк», «Олег Попов!»… «Вкусные» — и дети наперебой: «бананы», «мороженое», «апельсины», «мандарины»… И вот все сладости перечислены. Пауза.

Встает одна девочка, до этого молчавшая, и так тихонько говорит:

— Вкусно цветы пахнут…

* * *

Играем в «глухой телефон». Дети шепотом передают слово от соседа к соседу. И вдруг один мальчик произносит слово отчетливо, громко. Дети смеются.

— Паша, — говорю, — не ломай телефон, говори шепотом!

— А я не могу.

— Почему?

— Голос болит.

* * *

Идет занятие «У нас в гостях дедушка Чуковский». Прочли и разобрали стихотворение, которое знают все: «Жил на свете человек скрюченные ножки…»

Спрашиваю:

— Дети, а кто написал это стихотворение?

Одна девочка поднимает руку:

— Кошка!

* * *

На этом же занятии шел разговор о том, из чего же состоят стихи. Видя их затруднения, шучу:

— Может быть, из ваты?

Улыбаются дружно, качают головами:

— Нет!

— Из кирпичей?

— Нет!

— А из чего же?

Девочка поднимает руку:

— Из писателей.

* * *

Игра «Звери». Ввожу ее для снятия напряжения во время урока и заодно для упражнения в произношении звука «р-р-р!»

Дети становятся кругом, закрывают ладошками лицо. Теперь это не ладошки, а двери, и за дверями — львы, тигры, волки, медведи — все звери, которые рычат. Иду по кругу, приговаривая стишок, и каждому «стучу в двери»:

— Не стучите в эти двери:
Спят уже, наверно, звери,
Если будете стучать,
Звери могут зарычать!
Р-р-р-р-р!

Их коллективный рык в одной группе сменился на крик «а-а-а!»

— Это что за зверушки такие, которые кричат «а-а-а»? — спрашиваю у одного из ребят. Смеется:

— А я не умею лычать!..

* * *

Играем в «Эхо». Того, кто будет «эхом», выбираем по считалке, чтобы никому не обидно было. Сегодня каждый называет птицу, а «эхо» повторяет:

— Воробей.

— Синица.

— Аист.

— Рема.

— Что это? Постойте, я не поняла, какая птичка?

— Рема, — робко повторяет девочка.

— ?!?

— Рема шарики несет!.. — уточняет она. Экзамен на сообразительность педагога. Пауза. Тишина. Родители молчат, этого «кода» они тоже не знают. Думай, думай, педагог: «Рема шарики несет!.. А может, это?..

— Может, это попугай Рома из мультфильма?

— Да! — и засветились радостью счастливые глазенки.

Экзамен сдан. Идем дальше.

— Гуси.

— Утки.

— Летающие лебеди!

— Желторотики!

— Да, — говорю, — желторотиками называют птенчиков, но птенчики бывают у всех птиц. Назови какую-то одну.

— Сокол!

Хорошо, идем дальше.

— Индюк.

— Ворона.

— Орел.

— Жар-птица!

И эта птица для них такая же реальность, как для нас орел или сокол. Имеем ли право мы, взрослые, хотя бы ненадолго забывать об этом?

Евгений Гудков
Когда звучат куранты

Каждый час (и получасье) над главной площадью Челябинска звучит колокольная мелодия, и «главные» часы города, которые находятся наверху красивого полукруглого здания, «отбивают» челябинское время. Наверное, многих челябинцев, да и гостей города, интересует вопрос — что это за мелодия? Фрагмент из какой-нибудь песни о Челябинске? Но никто не может вспомнить такую песню, и тем не менее, эта мелодия имеет к нашему городу самое прямое отношение.

В 1960 году городскими властями было принято решение о праздновании в следующем, 1961 году, 225-летия со дня основания Челябинска. Это решение было встречено с огромным энтузиазмом, так как подобного — отмечать день рождения города — не было за все предыдущие советские годы (о подобных праздниках до 1917 года я просто не знаю). Я тогда учился на первом курсе Уральской консерватории в Свердловске. Первый год учебы и самостоятельной жизни в «чужом» городе, видимо, по закону контраста, пробудил во мне какой-то особый, ностальгический порыв любви к своему родному Челябинску с его уже вполне сформировавшимся классическим центром, прямыми и широкими улицами, с огромным размахом жилищного строительства. Город, где я родился и вырос, который хорошо знал с детских лет, когда, вместо уроков в школе, я садился на трамвайном «кольце» у завода «Калибр» (здание нынешнего оперного театра) на какой-либо трамвай и ехал по всему маршруту, тем более, что тогда только появились новенькие цельнометаллические усть-катавские вагончики — наша гордость! Это были как бы поездки из одного города — центра — в другие: ЧГРЭС, ЧТЗ, КБС, ЧМЗ! А там везде — своя архитектура, свой стиль жизни…

Однажды мама прислала мне в Свердловск в очередном письме вырезку из газеты «Челябинский рабочий» с фотоснимком новой площади Революции, с установленным на ней памятником Ленину, созданным скульптором Львом Головницким. Воспитан я был, как и все дети того периода, в соответствующем духе, поэтому «замыкание» всего центра города на такой архитектурной доминанте произвело на меня огромное впечатление. Я гордился этим событием еще и потому, что в Челябинске мы с мамой (отец погиб на фронте в 43-м) жили в то время, хоть и в коммуналке, но в «главном» доме города — там,

где находится «главный» гастроном, то есть, по сути, на площади Революции. И вот тогда, весной 60-го, я буквально «заболел» идеей — написать что-то значительное, посвященное родному городу. Давняя моя знакомая Лидия Михайловна Кутикова, которая озвучивала мое авторское выступление по молодому тогда Челябинскому телевидению, попросила: «Женя, а напишика ты к юбилею города что-нибудь такое, что можно было бы использовать как музыкальную заставку к нашему телевидению…» Но то, что я тогда написал, не приняли, и только намного позже, благодаря усилиям режиссера Леонида Пивера, в качестве музыкальной заставки телевидения Челябинска звучала другая моя мелодия — из песни на стихи Л. Татьяничевой «В Урале Русь отражена».

Ну, а тогда, после летних каникул, когда я очень хорошо отдохнул в родном городе, осенью 60-го, в новом общежитии консерватории, за чудным старинным инструментом, я сразу же «взялся» за уже полностью сформировавшуюся творческую идею — симфоническую поэму «Мой город». Поэтическое вступление к ней писал мой соученик и друг, талантливейший человек — музыкант, поэт, режиссер Игорь Пальмов, который, к сожалению, рано ушел из жизни. На конкурсном экзамене моя поэма получила высокую оценку и была включена для исполнения на пленуме Свердловского союза композиторов. На нем присутствовали гости из разных городов Союза, но, конечно, главным гостем был Д. Д. Шостакович, тогда первый секретарь Союза композиторов РСФСР. Дирижировал один из лучших отечественных дирижеров и педагогов — народный артист РСФСР профессор Марк Наумович Паверман! Но самое главное, конечно, высокая оценка и напутствие от Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, его рукопожатие. Позднее, выступая по Всесоюзному радио, Дмитрий Дмитриевич, делясь своими впечатлениями о поездке на пленум композиторов в Свердловске, назвал несколько фамилий молодых, талантливых, по его мнению, композиторов, среди которых были два челябинца — Михаил Смирнов и автор этих воспоминаний.

В следующем концертном сезоне М. Н. Паверман впервые исполнил поэму «Мой город» в Челябинске. Помню, какое точное решение подсказал тогдашний художественный руководитель нашей филармонии В. Н. Озирный — поставить на сцене театральное кресло, сидя в котором начинал декламировать поэтическое вступление народный артист Петров, затем, по ходу текста, он вставал, поднимался во весь рост и мощно заканчивал вступление. А затем звучала музыка, которая повествует о всей исторической судьбе моего города…

Ну, а мелодия, которая звучит сегодня из курантов, это одна из главных музыкальных линий симфонической поэмы «Мой город», ее лирическая тема, мое личное объяснение в любви и преданности своему городу.

«Мой город» исполнялся неоднократно в зале нашей филармонии и в оперном театре, в частности, на концерте открытия фестиваля в честь 250-летия Челябинска (исполнитель — симфонический оркестр Свердловской филармонии, дирижер Андрей Чистяков, май 1986 года). А вот дирижеры — исполнители в других концертах: В. Бойков, Л. Холостяков, И. Шпиллер, В. Горелик, В. Мюнстер…

Так что творческая судьба у симфонической поэмы «Мой город» вроде бы сложилась. Надеюсь, что и в год 260-летия Челябинска она будет исполняться.

Но как же мелодия из симфонического произведения «залетела» в главные куранты города? В конце 80-х годов тогдашние городские власти, приняв проект реконструкции административного здания по улице Воровского, 2, с часами-курантами, объявили конкурс на музыкальный проект их озвучивания. Конкурс был закрытым, без указания в нотах имен и фамилий авторов. В нем приняли участие не только композиторы-профессионалы, но и многие музыканты — авторы песен о Челябинске, которые, в большинстве своем, так же неизвестны слушателям, как и симфоническая поэма «Мой город». Помню, что на конкурс я представил три варианта мелодий из разных произведений. Но, по выбору представительного жюри, для курантов была выбрана именно эта.

А зазвучали куранты на главной площади Челябинска 14 января 1994 года. Может возникнуть еще один вопрос — а как же все-таки звучит эта мелодия? Колокола или просто магнитофон с записанной пленкой? Но на этот вопрос я отвечать не буду. Это особый разговор, который я не имею права вести без непосредственных исполнителей, прекрасных инженеров, любящих свой город, воплотивших это с помощью самой современной электронной техники.

Татьяна Ишукова
Часть I. Над Челябинском ясное небо

Из воспоминаний начальника бюро погоды

У каждого человека в его детских воспоминаниях остается что-то свое, для него самое яркое и неповторимое, а для другого совершенно ничего не значащее.

Я прекрасно помню речку Челябку, что протекала по нашей Свердловской улице в плоских берегах, но зато выше по течению, от второго городка МВД по улице Клары Цеткин она текла в глубоком овраге, и летом на берегах этой речонки паслась уйма гусей, которых я, девочка не робкого десятка, немного побаивалась. И совершенно не осталось в памяти здание храма Александра Невского, где сейчас располагается органный зал, хотя мимо него я проходила, по крайней мере, два раза в день — в школу и из школы в течение пяти лет. А вот детский парк, где построен этот храм и где проходили у нас уроки физкультуры, где мы играли в волейбол и гоняли на велосипедах, готовились с подружкой к экзаменам, запомнился на всю жизнь.

Запомнились походы и поездки с географическим кружком. Прекрасно помню, как в Ильменском заповеднике за самовольный спуск со скалы Соколинка меня чуть не отправили обратно в Челябинск. Но совершенно не помню, чтобы в этом кружке говорили о погоде, и слово «синоптик» я впервые услышала от своей мамы, которой перед войной пришлось ненадолго переквалифицироваться из физика в метеоролога.

Пока я не приехала на производственную практику после четвертого курса Ленинградского гидрометинститута, я не подозревала о существовании в Челябинске гидрометбюро и метеостанции. Когда через год я была зачислена в штат гидрометбюро, я очень скоро стала выступать по радио, писать заметки в газету «Челябинский рабочий», а затем комментировать погоду в телевизионных выпусках «Новостей» с четко поставленной целью — рассказать челябинцам о существовании нашей службы, о тех проблемах, что встают перед метеорологами и при наблюдениях за погодой, и при ее прогнозировании.

С тех пор прошло более тридцати лет, гидрометбюро превратилось сначала в гидрометобсерваторию, затем в центр по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, переехало из одноэтажного деревянного дома у Центрального рынка в

каменный двухэтажный за радиозаводом, а в последний год надстроило его до четырех этажей.

Маленькая, но своя история. В год, когда Челябинску исполняется 260 лет, регулярным метеорологическим наблюдениям в нем «стукнет» 100 лет. Именно с 1896 года ведутся по Челябинску непрерывные, за каждый день, записи по среднесуточной температуре.

За каждой цифрой наблюдений стоит труд метеоролога-наблюдателя, но для челябинцев эта служба много десятков лет была безымянной. Случай помог восстановить послереволюционную историю возобновления регулярных наблюдений за погодой. Они были прерваны во время мятежа белочехов и не велись четырнадцать месяцев подряд — с июля 1919 года по август 1920 года. А потом известный челябинцам заведующий музеем И. Г. Горохов поручил молоденькой учительнице физики Анне Константиновне Теплоуховой возобновить наблюдения, и с того времени на полтора десятка лет история челябинской метеостанции будет связана с семьей Теплоуховых и с их домом. Брат Анны Константиновны, Владимир Константинович Теплоухов, вернувшись с гражданской войны, стал начальником метеостанции, ее сестры — наблюдателями, саму метеостанцию перенесли от реального училища по улице Красной к дому Теплоуховых на улицу Могильникова. Владимир Константинович был репрессирован в середине 30-х годов, семью его выселили, и только в начале 60-х краткую историю этой семьи мне рассказала дочь Владимира Константиновича, Муза Теплоухова, с которой я с шестого по десятый класс училась в одной школе, а потом мы обе уехали в Ленинград — я в гидрометеорологический институт, она — в медицинский. После окончания институтов мы встретились в Челябинске. Муза не только рассказала о своих родственниках, но и познакомила с Анной Константиновной, которой было уже за семьдесят. Он Анны Константиновны я узнала в подробностях всю историю семьи, она мне показала сохранившееся направление за подписью Горохова, «…сим поручается Теплоуховой А. К. возобновить метеорологические наблюдения в г. Челябинске».

Из челябинских наблюдателей середины века я хотела бы упомянуть Екатерину Васильевну Тетеркину, Евдокию Игнатьевну Котенкову, дочь которой Лена работает на метеостанции и сейчас.

У синоптиков, появившихся в Челябинске только в середине 30-х годов, тоже были свои ветераны, вошедшие в историю службы и не известные челябинцам. Анна Александровна Крылова восемнадцатилетней девушкой пришла в расположенное

по соседству гидрометбюро и проработала в этом коллективе 44 года, правда, последние семь лет она работала не техником-синоптиком, а курьером. Ей на одном из юбилеев были посвящены стихи:

Для тех, кто впервые в «погоду» пришел,
Ваш труд многолетний пусть будет примером.
Живите сто лет, молодейте душой,
Мы Вами гордимся, своим дипкурьером.

А вот синоптиков последнего поколения многие челябинцы знают по голосам, некоторых видели по телевидению. Надежда Васильевна Постнова, Надежда Константиновна Балыбина, Ольга Леонидовна Ведерникова еще немало добавят к истории челябинской гидрометслужбы.

Я очень надеюсь, что челябинцы, мои современники, будут не только знать все про погоду, но и знать разницу между метеостанцией и гидрометцентром, их расположение в Челябинске, чтобы не случалось казусных ситуаций, подобных нижеприведенной.

Водителю из Златоуста поручили отвезти электрохимическую бумагу в рулонах в Челябинскую гидрометобсерваторию. То ли адрес забыли сказать, то ли он сам по дороге забыл, поэтому пришлось бедняге несколько часов колесить по Челябинску в поисках гидрометобсерватории. Наконец, кто-то из прохожих направил его на Алое поле, сказав, что у Дворца пионеров есть какой-то купол, наверняка там и располагается обсерватория. Рассвирепевший шофер, добравшийся к 10-ти вечера до Дворца пионеров, насильно заставил отнекивавшегося сторожа принять груз. И только через два дня новоявленные хозяева непонятного груза нашли истинного владельца бумаги.

Татьяна Ишукова
Часть II. Трактат о погоде

Тот, кто считает днем метеоролога 1 апреля, ошибается ровно на девять дней. Всемирная метеорологическая организация решила этот вопрос в 1960 году в пользу 23 марта, и с тех пор эта дата отмечается как Всемирный метеорологический день.

Должна сказать, что нас не поздравляют ни 23 марта (об этом празднике просто не знают), ни 1 апреля — умные люди не хотят выглядеть глупо, а не очень умные не ждут специальной даты, чтобы высказать свое мнение о прогнозистах, а высказывают его в любой день года. Кто устно, а кто и письменно.

Письмо взволнованное (крик души):

> *«Товарищ начальник отдела прогнозов Челябинской гидрометеорологической обсерватории Ишукова, когда вы перестанете вводить в заблуждение народ? Поймите, нарушается всякая система жизни. Нельзя составить план мероприятий для работы и отдыха, прогулки в лес. Свободное катание на лыжах. Охота. Любители рыбной ловли. Все в заблуждении. Работа в сельских местностях. Сохранение продуктов питания и многое другое».*

По вопросам профориентации:

> *«Уважаемая редакция! В этом году мы заканчиваем 10 классов и стоим на пороге выбора профессии. Хотелось бы получить какую-нибудь редкую заманчивую профессию, как, например, океанолог или метеоролог, или эксплуататор гидрометеорологических радиолокационных устройств».*

Очень сердитое письмо, даже с саркастическими нотками:

> *«Уважаемая редакция! У меня к вам есть такой вопрос: с какой целью держат синоптиков, и сколько их человек сидят на иждивении нашего народа? Какую сумму они ложат в карман за год?»*

Если бы у последнего корреспондента было чувство юмора, я могла бы ему ответить цитатой более чем двухсотлетней давности. В календаре русской Академии наук с 1727 до 1746 года составители откровенно писали «доброхотному российскому

читателю»:

> «Сообразуясь не столько с предъявляемыми к нам требованиями, мы на этот раз уделили более, чем прежде, места для предсказаний. Мы надеемся, по мере опытности, настолько усовершенствовать этот драгоценный дар, что будем удовлетворять любопытных людей. Мы вовсе при этом не надеемся, что все, что мы предсказываем, сбудется: в случае частых неудач просим помнить, что за немногие копейки нельзя много истины купить».

В заключение, я приведу прогноз, опубликованный в солидном английском научном журнале «Природа» в 1981 году в статье «Орбитальное свидетельство междуледниковых периодов».

> «Расчеты показали, что на следующие 114000 лет ожидается более холодный климат. Первый холодный пик продолжительностью от 10 000 до 100 000 лет может наступить через 4000 лет, потепление через 15 000 лет и новый холодный период через 23 000 лет. Большое оледенение, сравнимое с четвертой стадией последнего оледенения, предполагается через 60 000 лет».

Тем челябинцам, которых этот прогноз не устраивает, я могу дать такой совет:

> Нужно ездить на природу,
> невзирая на погоду,
> либо брать с собой в природу
> тех, кто делает погоду.

Михаил Львов
Мы — дома

Мы — дома.
Мы знали беду
и веселия час,
И черная смерть
нам знакома.
Но — что бы там ни было —
в жизни у нас,
Мы — дома,
мы — дома,
мы — дома.
Мы — дома,
мы в доме живем у себя,
Светясь
иль уже догорая.
Вокруг —
дорогая
родная земля,
Отчизна —
вокруг —
дорогая!
Мы с ней остаемся —
дано ей хранить
От памятников
и до обломков.
И тянется, тянется
вечная нить —
От предков
о дальних потомков.
Знавали
беду мы
и праздничный час,
И черная смерть
нам знакома.
Но — что бы там ни было —
в жизни у нас,
Мы — дома,
мы — дома,
мы дома!

О городе и о себе, или Путешествие длиной в два года

От составителя

Прошло два года с того августовского дня, когда мы подняли паруса, и кораблик, на борту которого было написано «ГОРОДСКОЙ РОМАНС», начал свое долгое и трудное плаванье. С пристани нам желали удачи те, кто благословил эту экспедицию: администрация Челябинска в лице ее комитета по культуре и искусству, редакции «Челябинского рабочего», «Вечернего Челябинска» и областного радио, Челябинский Фонд культуры.

И вот путешествие завершено: книга издана, и теперь уже читателю судить о том, насколько оно было успешным. А нам остается перелистать «судовой журнал» и вспомнить наиболее волнующие моменты нашего плаванья.

Написать о городе и о себе — такую задачу ставили мы перед каждым автором. И каждый, в меру своих сил и возможностей, внес вклад в коллективный рассказ о Челябинске. Был только один случай, когда человек, к которому мы обратились, ответил отказом. «Ребята, я не буду писать для вашей книги. Я не люблю этот город», — честно признался он, и мы на него не в обиде. Даже в самом благополучном городе земли, где всегда лето, а на улицах растут деревья с диковинными фруктами и поют райские птицы, не все люди счастливы.

Были в нашем плаванье и драматические моменты, причем совсем не творческого характера. Но когда встречный ветер гнул мачты и грозил бросить наше суденышко на прибрежные скалы, всегда находились люди, которые приходили на помощь. Из множества друзей назовем два имени — мэра Челябинска Вячеслава Тарасова (прочитав рукопись, он назвал «Городской романс» визитной карточкой города) и редактора «Челябинского рабочего» Бориса Киршина. Нельзя не упомянуть и благородную позицию Южно-Уральского книжного издательства: долгое время работа над книгой шла без каких-либо гарантий оплаты. В наши дни это, конечно, поступок.

И вот «ГОРОДСКОЙ РОМАНС» — в руках у читателя. «В книге нет того-то и того-то!» — возможно, упрекнет нас взыскательный критик. Но мы отнюдь не стремились, как это нередко бывает с книгами подобного жанра, объять необъятное. На всякий случай, приносим извинения читателям за все, чего в книге нет, а также

просим не сердиться на нас тех журналистов, писателей и просто горожан, имен которых нет среди ее авторов.

Нынешняя юбилейная дата в истории города не последняя. Нет сомнений, что со временем на полках рядом с «Городским романсом» встанут другие книги, которые дополнят наш рассказ о родном городе.

Да сопутствует удача их авторам!

Об авторах «Городского романса»

Абраменко Юрий Петрович

Челябинский писатель и журналист. Автор нескольких книг очерков и художественной прозы.

Авербах Валерия Львовна

Пианистка. Окончила Челябинское музыкальное училище им. П. И. Чайковского. Автор трех книжек стихов и сборника стихов и прозы «Сорокоуст». В настоящее время продолжает музыкальное образование в Нью-Йорке.

Антонова Клара Ивановна

Театровед. Окончила Академию театрального искусства в Москве. Часто выступает с очерками и статьями о людях искусства — артистах балета, художниках — в местных и центральных изданиях.

Багрецова Наталья Львовна

После окончания Челябинского пединститута много лет работала учительницей на селе. Печатает рассказы, очерки, воспоминания в газетах «Хроника», «Вечерний Челябинск». В этом году выпустила первую книгу — сборник повестей и рассказов «Мерседес и курица».

Берштейн Дина Львовна

Более тридцати лет работала в институте «Челябгражданпроект». Была главным архитектором проектов. Автор многих проектов зданий, микрорайонов, бульваров, скверов.

Боже Владимир Стейгонович

Историк, краевед. Автор более 120 статей по истории Челябинска и Урала, опубликованных в центральных и местных изданиях. Директор Центра историко-культурного наследия Челябинска.

Боговкова Тамара Николаевна

Окончила библиотечный факультет Челябинского института культуры. Много лет заведует библиотекой им. Гоголя.

Ваторопина Нэлли Михайловна

Челябинская поэтесса, автор сборника стихотворений

«Автограф осени». Лауреат литературной премии ЧТЗ.

Гайнуллин Марат Шавкатович

Выпускник Челябинского государственного университета. Член Союза журналистов.

Герчиков Илья Лазаревич

Челябинский врач-стоматолог и писатель-юморист, автор сборника афоризмов «Кто придумал перекур». Последние годы живет в Израиле.

Голубицкая Мария Ивановна

Челябинская писательница, автор сборника стихов «Подсолнух» и цикла рассказов «Разговоры в женской компании». Лауреат литературной премии ЧТЗ.

Гудков Евгений Георгиевич

Окончил Челябинское музыкальное училище и консерваторию в Екатеринбурге. Член Союза композиторов.

Дида Надежда Артемьевна

Работала директором Дворца культуры ЧТЗ, заведующей городским отделом культуры, заместителем председателя Челябинского Фонда культуры. В настоящее время — референт областной администрации по вопросам культуры и национальных отношений. Заслуженный работник культуры.

Дышаленкова Римма Адриановна

Уральская поэтесса, прозаик, публицист, эссеист. Автор книг «Четыре окна», «Уральская кадриль», «С высоты земли» и др. Член Союза писателей.

Егурная Ирина Сергеевна

После окончания Челябинского пединститута работала учителем в школе, сотрудником краеведческого музея. С 1993 года — хранитель фондов Центра историко-культурного наследия Челябинска.

Зализовская Галина Петровна

Старейшая участница сборника (родилась в 1915 году). После окончания художественного училища была учительницей в школе, с 1943 по 1989 годы — сотрудница облисполкома. Победитель областного радиоконкурса «Дворы моего детства» и конкурса «Городского романса».

Золотов Александр Афанасьевич

Окончил МГУ. Член Союза журналистов. Много выступал в периодике, подготовил ряд книг по истории и краеведению («Слово об Урале», «Урал грозный», «Челябинск в разных измерениях»). Почти 20 лет возглавлял Южно-Уральское книжное издательство.

Ильичев Леонид Александрович

В течение 10-ти лет, с 1961 по 1971 год, был председателем Челябинского горисполкома.

Ишукова Татьяна Леонидовна

Окончила челябинскую школу № 1 и Ленинградский гидрометеорологический институт. Кандидат географических наук. С 1959 года — в должности главного синоптика, «делает» челябинцам погоду по радио и телевидению.

Капитонова Надежда Анатольевна

Двадцать лет возглавляла областную детскую библиотеку. Бессменная ведущая передач «Встреча с книгой» на телевидении. Заслуженный работник культуры.

Караковский Владимир Абрамович

Выпускник Челябинского пединститута. В 1962—1976 годах директор школы № 1 им. Энгельса, ее до сих пор называют «школой Караковского». Доктор педагогических наук, член-корреспондент Российской Академии образования. Живет и работает в Москве.

Киселева Вера Николаевна

Челябинская поэтесса, автор сборников стихов «Причастность», «Березовый манок», «Время любви». Член Союза писателей. Лауреат литературной премий ЧТЗ.

Клайн Максим Максимович

Детство и юность прошли в Румынии. Участник Великой Отечественной войны, сталинградец. Известный челябинский педагог и общественный деятель. Книга его воспоминаний «Уроки жизни» вышла в Германии под названием «Наперекор всему».

Львов Михаил Давыдович

Известный российский поэт. В годы войны был в рядах Уральского добровольческого танкового корпуса. Многое в его

творчестве посвящено Уралу, Челябинску. Первый лауреат литературной премии ЧТЗ. Имя Львова носит литературное объединение тракторостроителей.

Макашина Мария Михайловна

Молодая челябинская художница, студентка педагогического университета.

Миронова Светлана Ивановна

Член Союза журналистов. Общественная деятельница, руководитель челябинского общества «Мемориал».

Митюрев Борис Николаевич

Член Союза журналистов. Работал первым заместителем редактора газеты «Вечерний Челябинск», главным редактором телевидения. Ныне — пресс-секретарь главы администрации области.

Митяев Олег Григорьевич

Известный бард, воспитанник клуба самодеятельной песни Дворца культуры ЧТЗ. Ныне живет в Москве.

Мочалова Мария Петровна

Заслуженный архитектор России. Автор здания Публичной библиотеки и др. Автор монографий «Деревянное зодчество старого Челябинска», «На полуденную сторону» и других печатных работ об архитектурном прошлом Южного Урала.

Ненашев Михаил Федорович

В разные годы возглавлял Гостелерадио и Комитет по печати СССР. В настоящее время Генеральный директор издательства «Русская книга». Живет в Москве.

Олейчик Владимир Ильич

Известный уральский металлург. Работал начальником цеха и директором Челябинского металлургического комбината, директором Гипромеза.

Парфентьева Наталья Владимировна

Доцент, кандидат искусствоведения, член Союза композиторов, 14 лет проработала учителем музыки в детской школе искусств № 1, 3 года — директором музыкальной школы, сейчас — начальник управления по делам культуры и искусства Челябинска.

Пикулева Нина Васильевна

Детская писательница и педагог. Автор книг для малышей и родителей, выходивших в Челябинске, Москве, Киеве. Член Союза писателей. Лауреат литературной премии ЧТЗ.

Поздеев Владимир Васильевич

Челябинский краевед. Работает над словарем названий Челябинской области. В его картотеке — около семи тысяч названий.

Подкорытов Юрий Георгиевич (1934—1989)

Работал токарем на ЧТЗ, выпустил первую книжку для малышей — «Сказки весенних капель». За ней последовали еще несколько книжек, а также множество сценариев, пьес, инсценировок по Бажову и Андерсену. Был редактором детских передач на телевидении, журналистом в «Вечерке», где организовал популярную детскую страничку «Терем-теремок», редактором «Челябинской недели».

Пряхин Виктор Петрович

Челябинский краевед, автор ряда публикаций о родном городе.

Рубинская Наталья Борисовна

Челябинская поэтесса, автор сборников «Зимнее новоселье» и «Репетиция», повести об А. И. Цветаевой «Асенька». Лауреат литературной премии ЧТЗ.

Рубинский Константин Сергеевич

Молодой челябинский поэт и музыкант, автор сборника стихотворений «Фантазия для души с оркестром», публикаций в центральных и уральских изданиях. Лауреат международной программы «Новые имена». Руководит детской литературной студией в одном из челябинских лицеев. Публикуемый рассказ написан, когда автору было 14 лет. Рассказ неоднократно публиковался в Челябинске и в Москве.

Селиванова Елена Иосифовна

Одна из старейших челябинских адвокатов. Автор нескольких книг. Член Союза журналистов.

Спешков Владимир Георгиевич

Журналист, сотрудник редакции «Челябинского рабочего».

Основная тема — театральная критика. Публикуется также в центральных журналах «Театральная жизнь», «Московский наблюдатель» и других изданиях. Член Союза журналистов.

Табашников Игорь Николаевич

Выпускник историко-филологического факультета Челябинского педагогического института (теперь педуниверситета). Работал ответственным секретарем газеты «Молодой учитель», заместителем ответственного секретаря «Челябинского рабочего». Кандидат филологических наук. В 1988 году переехал в Москву. Работал ответственным секретарем газеты «Московская правда», заместителем редактора газеты «Вечерний клуб». Погиб в автомобильной катастрофе в августе 1993 года. «Челябинский рабочий» и сегодня делается по макету, автором которого был Игорь Табашников.

Фадеева Нелли Антоновна

Кандидат медицинских наук, врач высшей категории. Автор более чем 45 работ по эндокринологии и терапии. Почти 20 лет была секретарем терапевтического общества Челябинска.

Фонотов Михаил Саввич

Обозреватель газеты «Челябинский рабочий». Автор множества статей, очерков, новелл и эссе о Челябинске и Урале. Заслуженный работник культуры.

Ховив Ефим Григорьевич

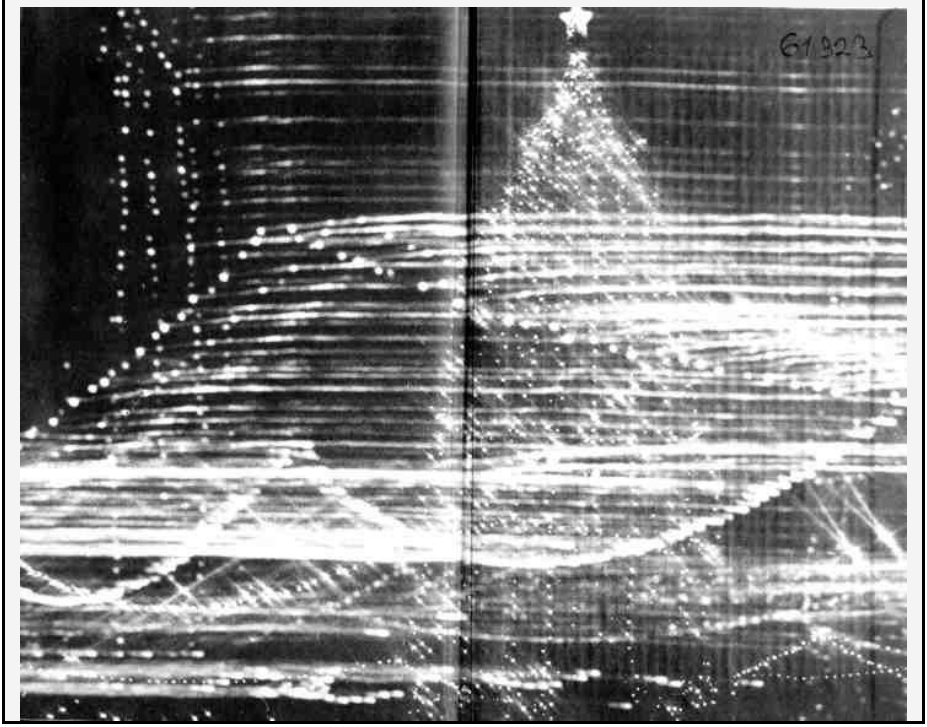
Челябинский писатель и журналист. Руководитель литературного объединения ЧТЗ. Лауреат Цветаевской премии Челябинского Фонда культуры и литературной премии ЧТЗ.

Шишов Кирилл Алексеевич

Член Союза писателей. Автор книг «Наследие отчего дома», «Иду по земле», «Нравы Челябы», «Взрыв», «Золотое сечение». Председатель Челябинского Фонда культуры с момента его основания (в 1987 г.).

Штанько Татьяна Исааковна

Дочь легендарного командарма Танкограда — директора ЧТЗ в годы войны И. М. Зальцмана. Живет в Санкт-Петербурге.


61323